

500-ЛѢТІЕ

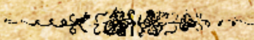
РУССКОЙ АРТИЛЛЕРІИ

(1389—1889 г.).

СОСТАВИЛЪ

Артиллеріи генералъ-маіоръ Бранденбургъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія «Артиллерійскаго Журнала», Фурштатская, № 13.

1889.

500-ЛѢТІЕ

РУССКОЙ АРТИЛЛЕРІИ

(1389—1889 г.).

СОСТАВИЛЪ

Артиллеріи генералъ-маіоръ Бранденбургъ.

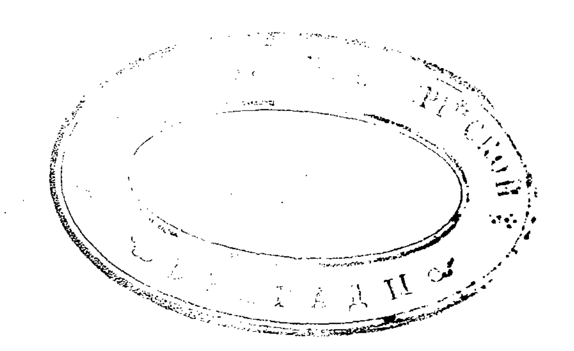

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія «Артиллерійскаго Журнала», Фурштатская, № 13.
1889.

500-ЛѢТІЕ РУССКОЙ АРТИЛЛЕРІИ.

(Историческая справка) (*).

«И бившимся имъ крѣпко, оже и тараны нань ставиша и металиа нань каменіемъ полтора перестрѣла, а камень-же яко можаху четыре мужи сильніи подъяти».

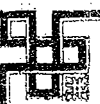
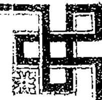
(Воскресенская лѣтопись).

«Подтвердить отъ меня во всѣхъ ротахъ, чтобъ онѣ съ позиціи не снимались, пока непріятель не сядетъ верхомъ на пушки. Артиллерія должна жертвовать собой; пусть возьмутъ васъ съ орудіями, но послѣдній картечный выстрѣлъ выпустите въ упоръ».

(Изъ приказа начальника артиллеріи графа Кутайсова, наканунѣ Бородинскаго сраженія).

Наступившій 1889 годъ составляетъ приснопамятную годовщину въ исторіи русской артиллеріи: 500 лѣтъ тому назадъ, въ послѣдній годъ княженія Димитрія Іоанновича Донского, на Руси появились впервые огнестрѣльныя орудія; слѣдовательно, отсюда должна вести свое начало и самая исторія нашей артиллеріи, въ смыслѣ спеціальнаго рода оружія, со всѣми его многовѣковыми традиціями.

(*) Составлено на основаніи нижеслѣдующихъ матеріаловъ: а) Карамзинъ—Исторія Государства Россійскаго, б) Акты историческіе, в) Дополненіе актовъ историческихъ, г) Бѣляевъ—О русскомъ войскѣ въ царствованіе Михаила Θеодоровича, д) Хмыровъ: Артиллерія и артиллеристы въ до-Петровской Руси (Артил. Журн. 1865 г.), е) Книга Марсова 1713 г., ж) Журналъ о военныхъ дѣйствіяхъ Россійской Императорской арміи, з) Устряловъ—Исторія Петра Великаго, и) Ратчъ—Петръ Великій, какъ артиллеристъ (Артил. Журн. 1857 г.), к) Ратчъ—Публичныя лекціи, читанныя при гвардейской артиллеріи (Артил. Журн. 1860 и 1861 гг.), л) Документы Архива старыхъ дѣлъ при С.-Петербургскомъ Артиллерійскомъ музеѣ (Дѣла Генеральнаго пов. 1760 г., св. 57; Дѣла Штаба Генералъ-фельдцейхмейстера 1756—1759 гг. св. 474),

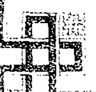
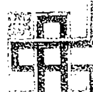
«*Лѣта 6897* (по сказанію Голицынской лѣтописи) (*) *вывезли изъ нѣмецъ арматы на Русь и огненную стрѣльбу и отъ того часу уразумѣли изъ нихъ стрѣляти*»,—такими словами отмѣчаетъ лѣтописецъ 1389 годъ, въ который совершилось упомянутое событіе, не замедлившее оказать огромное вліяніе на современное ему военное искусство древней Руси, довольствовавшейся до того лишь различными видами стѣнобитныхъ и метательныхъ машинъ. Въ какое именно время 1389 года были привезены въ Россію эти «арматы», и какой онѣ могли быть конструкціи, объ этомъ никакихъ указаній не сохранилось, и можно только до извѣстной степени догадываться, но едва ли вмѣстѣ съ тѣмъ можно сомнѣваться, что онѣ проникли къ намъ черезъ посредство Ганзейскаго союза и участника въ торговлѣ съ нимъ Великаго Новгорода (**). Торговля Новгорода съ Ганзою, какъ извѣстно, направлялась, главнымъ образомъ, Невою и Волховомъ, т. е. путемъ, обусловливавшимся навигаціей (***); что же касается до пути сухопутнаго, или зимняго, то имъ пользовались преимущественно купцы изъ Ливоніи и Пруссіи, вообще же Ганзейскимъ союзомъ сухопутныя поѣздки даже формально запрещались. Такимъ образомъ, не говоря уже о всѣхъ неудобствахъ перевозки сухопутьемъ такого опаснаго груза, какъ огнестрѣльныя орудія съ принадлежащими къ нимъ припасами, мы изъ вышеска-

м) Масловскій—Русская армія въ Семилѣтнюю войну, н) Артиллерійскій Журналъ 1808 года, о) Петровъ—Война Россіи съ Турціей и польскими конфедератами 1769—1774 гг., п) Ратчъ—Свѣдѣнія о графѣ Аракчеевѣ, р) Краткое обозрѣніе состоянія *артиллеріи съ 1798 по 1848 г. (Артил. Журн. 1852—1853 гг.), с) Михайловскій-Данилевскій*—Описаніе Финляндской войны 1808—1809 гг., т) Его же—Описаніе Турецкой войны съ 1806 по 1812 г., у) Богдановичъ—Исторія войнъ 1812, 1813 и 1814 гг., ф) Лукьяничковъ—Описаніе Турецкой войны 1828—29 гг., х) Бранденбургъ—Историческій каталогъ Артиллерійскаго музея, и друг..

(*) Рукопись Имп. Публичн. Библіотеки (отд. I, № 157, F) л. 215.

(**) Извѣстно, что сношенія Новгорода съ нѣмецкими купцами начались со времени Ярослава I, *а въ XII вѣкѣ въ Новгородѣ существовала уже нѣмецкая* контора

(***) Существовало еще сообщеніе отъ Пернова или Нарвы на Псковъ, но это былъ путь второстепенный

заннаго вправѣ заключить, что и упоминаемыя «арматы и стрѣльба огненная» проникли къ намъ именно путемъ главнымъ, т. е. воднымъ, а слѣдовательно въ теченіе навигаціи, для которой лучшимъ временемъ являлось, конечно, раннее лѣто.

Вмѣстѣ съ тѣмъ надобно думать, что едва ли подобный грузъ могъ послужить предметомъ торговаго ввоза по иниціативѣ совершенно частной; гораздо правдоподобнѣе допустить здѣсь иниціативу правительственную, со стороны Великаго Княжества Московскаго, по порученію котораго подобная закупка и могла быть сдѣлана въ Ганзѣ, при посредствѣ Великаго Новгорода.

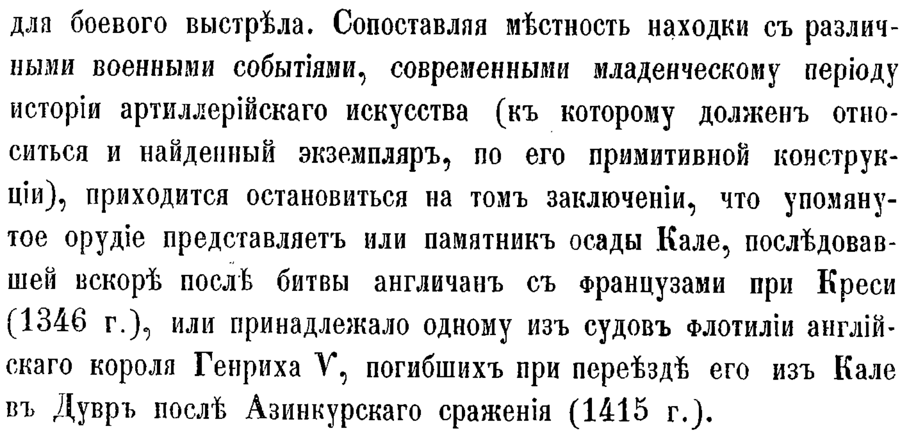
Итакъ за болѣе тѣсный періодъ начала появленія артиллеріи въ Россіи мы, съ значительною вѣроятностью, можемъ принять весну 1389 года (*).

Другой, не менѣе любопытный вопросъ—какую конструкцію могли имѣть эти впервые появившіеся на Руси экземпляры артиллерійскихъ орудій, можетъ рѣшаться, конечно, лишь болѣе или менѣе проблематически, по сравненію съ древнѣйшими намъ извѣстными образцами артиллерійскихъ же орудій на Западѣ.

Въ 1827 г. на отмели близъ Кале какимъ то рыбакомъ было вытащено изъ воды весьма древнее желѣзное орудіе, заряжавшееся съ казенной части, очевидно, имѣвшее историческую связь съ однимъ изъ военныхъ событій XIV или начала XV столѣтій, такъ какъ оно найдено вполнѣ снаряженнымъ для боевого употребленія и имѣло самую первобытную конструкцію. Оно оказалось заряженнымъ свинцовымъ ядромъ и было снабжено приставной каморой, въ которой сохранились остатки порохового заряда, заколоченнаго деревянной втулкой, т. е. орудіе было вполнѣ приготовлено

(*) Димитрій Донской скончался 19 мая, слѣдовательно, если привезенныя для него «арматы» застали его еще въ живыхъ, то фактъ появленія у насъ огнестрѣльныхъ орудій можетъ пріурочиваться къ маю мѣсяцу.

для боевого выстрѣла. Сопоставляя мѣстность находки съ различными военными событіями, современными младенческому періоду исторіи артиллерійскаго искусства (къ которому долженъ относиться и найденный экземпляръ, по его примитивной конструкціи), приходится остановиться на томъ заключеніи, что упомянутое орудіе представляетъ или памятникъ осады Кале, послѣдовавшей вскорѣ послѣ битвы англичанъ съ французами при Креси (1346 г.), или принадлежало одному изъ судовъ флотиліи англійскаго короля Генриха V, погибшихъ при переѣздѣ его изъ Кале въ Дувръ послѣ Азинкурскаго сраженія (1415 г.).

Въ 1852 г. съ морского дна близъ береговъ Даніи былъ поднятъ экземпляръ еще болѣе любопытный: древнее орудіе, выкованное изъ желѣза и приспособленное къ заряжанію съ казенной части посредствомъ выемной каморы; тѣло орудія вставлено въ довольно хорошо сохранившуюся деревянную колоду, и вся система носитъ, равнымъ образомъ, вполнѣ примитивную конструкцію, дающую полное основаніе относить эту находку къ тому же зачаточному періоду артиллерійскаго искусства, какъ и первую.

Наконецъ, нѣкоторыя указанія въ томъ же отношеніи могутъ быть почерпнуты и изъ матеріаловъ значенія документальнаго, независимо даже отъ разныхъ западныхъ хроникъ, достовѣрность которыхъ нерѣдко можетъ болѣе или менѣе подвергаться сомнѣнію. Изъ подобныхъ документальныхъ источниковъ (какъ напр. древне-нѣмецкія городовыя или счетныя книги, содержащія нерѣдко любопытнѣйшія указанія по артиллерійской части, или представляющая собою драгоцѣнный памятникъ Мюнхенская рукопись, трактующая спеціально о современныхъ ей артиллерійскихъ предметахъ XIV вѣка) можно, равнымъ образомъ, заключить, что первыя артиллерійскія орудія въ Западной Европѣ были желѣзныя и, повидимому, заряжались съ казенной части.

Изъ всего этого мы получаемъ право сдѣлать заключеніе и о ввезенныхъ къ намъ въ 1389 г. арматахъ, именно, что онѣ представляли тотъ же типъ, т. е. были желѣзныя съ казенной части заряжаемыя орудія, съ боевымъ примѣненіемъ которыхъ у насъ тогда же и ознакомились, ибо лѣтопись заявляетъ, что — «отъ того часу уразумѣли изъ нихъ стрѣляти».

Вотъ все, что пока можно сказать объ этомъ приснопамятномъ для русской артиллеріи фактѣ, отъ котораго она съ полной историческою достовѣрностью можетъ вести свое существованіе.

Въ теченіе почти ста лѣтъ послѣ упомянутаго событія мы не встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ никакихъ извѣстій о повтореніи чего либо подобнаго, равно какъ и о пріѣздѣ въ Русь какихъ либо техниковъ пушечнаго дѣла, что невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе и является обстоятельствомъ довольно знаменательнымъ. Объяснять это пробѣлами или пропусками въ цѣпи лѣтописныхъ извѣстій нѣтъ основанія, ибо тѣ же лѣтописи нѣсколько позже (съ конца XV столѣтія) не упускаютъ приводить разныя извѣстія, имѣющія отношеніе къ пушечному дѣлу на Руси, въ виду чего остается принять, что, дѣйствительно, въ теченіе указаннаго періода къ намъ иноземныхъ техниковъ изъ-за границы не появлялось. Между тѣмъ, въ исторіи того же періода встрѣчаемся съ любопытными фактами, свидѣтельствующими иногда косвенно, иногда же и категорически, о боевой практикѣ русской артиллеріи въ военныхъ событіяхъ того времени. Такъ, сохранилось извѣстіе, что уже около 1400 года въ Москвѣ сгорѣло нѣсколько домовъ «отъ дѣланія пороха». Въ 1408 году, при нашествіи на Москву Эдигея, татары держались вдали отъ города, опасаясь дѣйствія огнестрѣльныхъ орудій послѣдняго. Въ 1451 г. та же Москва защищается артиллеріей, при осадѣ ея татарскимъ царевичемъ Мазовшею и т. д.. Подобныя свидѣ-

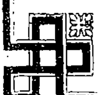

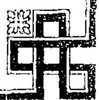

тельства имѣются и не объ одной Москвѣ: мы знаемъ напр., что Димитрій Шемяка, защищая Галичъ въ 1450 г. противъ войскъ Василія Темнаго, болѣе всего надѣялся на свои пушки. Извѣстенъ случай при осадѣ псковичами «Новаго Городка», въ 1463 году, описанный въ лѣтописи довольно характерно: «пустиша (псковичи) большею пушкою на городокъ, и колода вся изломалася, и желѣза около разорвашася, а пушища вся цѣла»; извѣстенъ, наконецъ, случай измѣны новгородцамъ какого то Упадыша, который въ 1471 г., держа сторону Великаго Князя Московскаго, въ одну ночь успѣлъ заколотить 55 пушекъ на стѣнахъ Новгорода, и т. д..

Со всѣми подобными фактами нельзя не считаться, и потому естественно рождается вопросъ,—если въ теченіе указываемаго періода въ Россіи не было въѣзжихъ иноземцевъ-техниковъ артиллерійскаго дѣла, то кто же дѣйствовалъ изъ орудій во всѣхъ упомянутыхъ случаяхъ, и откуда могла взяться вся эта артиллерія, видимо уже довольно многочисленная? Дѣйствовать, слѣдовательно, могли только русскіе люди, что напр. можно въ частномъ случаѣ усматривать и въ приведенномъ извѣстіи о новгородскомъ переметчикѣ Упадышѣ, въ имени котораго не звучитъ ничего иностраннаго и который, по всей вѣроятности, долженъ былъ именно служить при новгородскихъ орудіяхъ, ибо постороннему лицу едва ли могла представиться возможность такъ хозяйничать около городского вооруженія. Что касается вопроса о происхожденіи всей упомянутой артиллеріи, то факты могутъ ясно намекать, что артиллерійское дѣло привилось на Руси сразу, и что самыхъ орудій въ разныхъ пунктахъ ея было также въ то время уже не мало; предполагать же при подобномъ условіи повальную выписку ихъ изъ-за границы нѣтъ никакого вѣроятія, тѣмъ болѣе, что извѣстно, съ какими вообще затрудненіями и пре-

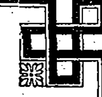

пятствіями со стороны нашихъ западныхъ сосѣдей связывался въ тѣ и даже послѣдующія времена ввозъ въ Россію предметовъ военнаго снаряженія. Необходимо поэтому допустить, что если даже небольшая часть тогдашней русской артиллеріи и могла быть происхожденія иноземнаго, то другая, гораздо значительнѣйшая, представляла орудія нашего домашняго издѣлія, хотя, быть можетъ, и изготовлявшіяся по образцамъ иностраннымъ. Есть достаточно основаній думать, какъ видно будетъ и изъ дальнѣйшаго изложенія, что литье орудій на Руси тогда еще извѣстно не было и, слѣдовательно, таковыя должны были изготовляться изъ желѣза, а желѣзное производство на Руси было дѣломъ давно знакомымъ (напр., однимъ изъ древнѣйшихъ центровъ его была Устюжна-желѣзопольская); поэтому техническихъ препятствій предполагать здѣсь нѣтъ основанія; самостоятельность нашего желѣзно-пушечнаго производства въ тѣ далекія времена является дѣломъ болѣе, чѣмъ вѣроятнымъ; нѣтъ никакой необходимости смотрѣть и на всю нашу первоначальную артиллерію, какъ на выписывавшуюся изъ-за моря.

Считаемъ возможнымъ поэтому высказаться вполнѣ опредѣленно, что русская артиллерія съ первыхъ же шаговъ своихъ стремилась поставить себя въ самостоятельное положеніе, подтвержденіе чего можно видѣть и въ послѣдовавшемъ затѣмъ фактѣ установки своего домашняго же литейно-пушечнаго производства.

Первое извѣстіе объ этомъ событіи, составляющемъ не менѣе капитальный фактъ въ исторіи русской артиллеріи, сохранилось отъ 1475 года, когда въ Москву явился, по приглашенію Іоанна III, извѣстный зодчій и литейщикъ своего времени—Альбертъ Фіоравенти, которому по обще-принятому мнѣнію и принадлежитъ починъ установки нашего литейно-пушечнаго дѣла.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ надобно думать, что если Фіоравенти дѣйствительно и былъ основателемъ у насъ послѣдняго, то подъ его руководствомъ не замедлили образоваться въ Москвѣ и наши пушечные литейщики изъ русскихъ, притомъ же литейщики, настолько уже тогда самостоятельные, что выставляли, какъ мастера, свое имя на изготовленныхъ ими орудіяхъ (*). Такъ, весьма любопытенъ фактъ, что въ довольно длинномъ спискѣ древнѣйшихъ нашихъ артиллерійскихъ памятниковъ XV вѣка, о которыхъ до насъ дошли извѣстія въ документахъ XVII столѣтія, нигдѣ не упоминается имени Фіоравенти, хотя нерѣдко встрѣчаются имена разныхъ другихъ литейщиковъ, частью, видимо, русскихъ; подобное обстоятельство даетъ поводъ подозрѣвать, не явился ли къ намъ Фіоравенти лишь въ качествѣ новатора, съ какими либо усовершенствованіями въ пушечно-литейномъ дѣлѣ, подобно тому, какъ онъ же научилъ насъ и новымъ пріемамъ въ строительномъ искусствѣ, и, слѣдовательно, не существовало ли у насъ самое литье орудій уже ранѣе? Какъ бы то ни было, но участіе русскихъ мастеровъ въ новомъ пушечномъ производствѣ сквозитъ въ нашихъ памятникахъ того времени довольно ясно; такъ, древнѣйшими техниками въ этой области являются передъ нами два какихъ то Якова, имена которыхъ документально извѣстны по надписямъ на тѣхъ же памятникахъ и принадлежатъ несомнѣнно двумъ разнымъ лицамъ, потому что одинъ Яковъ упоминается въ надписи на существовавшей когда-то въ Смоленскѣ (1667 г.) пищали 1483 года, другой же явился въ Россію лишь въ 1490 году; ихъ видимо различаютъ и са-

(*) Дѣйствительно, нельзя не обратить вниманія, что на памятникахъ тѣхъ временъ (къ несчастію давно уже утраченныхъ) существовали надписи, въ которыхъ иногда просто было означено имя литейщика, иногда же добавлено — ученикъ такого-то.

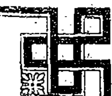
мыя надписи, такъ какъ одного называютъ просто Яковомъ, а другого Яковомъ Фрязиномъ, что даетъ основаніе считать перваго изъ нихъ не иноземцемъ, а русскимъ, въ отличіе отъ котораго въѣхавшій въ Россію позднѣе Яковъ-же и именуется Фрязиномъ. Точно такъ же имена русскихъ мастеровъ Ивана и Василія встрѣчаемъ на пищали 1491 г. (существовавшей въ Оренбургѣ еще въ 1756 г.), на которой было означено, что ее дѣлали «Яковлевы ученики Ваня да Васюкъ» (*), конечно, ученики того же Якова, который упоминался уже въ 1483 году; наконецъ, въ томъ же періодѣ можно указать еще на пріобрѣтшаго впослѣдствіи столь большую извѣстность русскаго же мастера Андрея Чехова (**), оставившаго на одной пищали 1499 года какъ свое имя, такъ и имя своего учителя—какого-то Кашпира.

Такимъ образомъ мы можемъ выставить имена этихъ русскихъ техниковъ пушечнаго дѣла XV столѣтія, противъ подобной же группы мастеровъ иноземцевъ, приводимыхъ въ нашей исторіи, которая указываетъ упомянутаго уже Фіоравенти, пріѣхавшаго въ 1475 году, Павла Дебосиса—въ 1488, Якова (вѣроятно Фрязина) — въ 1490 и какого-то Петра пушечника — въ 1494 году. Именъ русскихъ конечно немного, но не болѣе того встрѣчаемъ и иноземцевъ, слѣдовательно, едва ли имѣется основаніе считать наше тогдашнее пушечно-литейное производство дѣломъ рукъ исключительно въѣзжихъ иностранцевъ, какъ это обыкновенно принимается; очевидно, что параллельно съ ними работали и русскія техническія силы и, судя по надписямъ на памятникахъ,—работали, повидимому, даже совершенно самостоятельно и независи-

(*) Въ таковой редакціи надписи, конечно, мудрено усмотрѣть что либо иноземное.

(**) Отлившаго, между прочимъ, и знаменитую московскую Царь-пушку 1586 года.

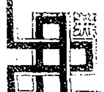

мо. Остается прибавить, что по счастливой случайности до нашего времени сохранился и единственный любопытнѣйшій представитель пушечно-литейнаго дѣла той отдаленной эпохи зарожденія русской артиллеріи, именно отлитая мастеромъ Яковомъ (по всей вѣроятности именно русскимъ) пищаль 1485 г. (*), составляющая нынѣ жемчужину въ богатѣйшихъ коллекціяхъ нашего Артиллерійскаго музея.

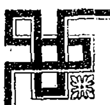
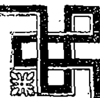
Въ таковыхъ главныхъ чертахъ представляются намъ два важнѣйшіе момента начала русской артиллеріи: первое появленіе огнестрѣльныхъ орудій и установка своего домашняго пушечно-литейнаго производства. Мы не можемъ задаваться здѣсь цѣлью слѣдить за постепеннымъ развитіемъ артиллерійскаго искусства въ Россіи, почему должны далѣе ограничиться только самыми крупными штрихами, для обозначенія лишь конечныхъ результатовъ его прогрессивнаго движенія въ томъ же древнемъ, до-Петровскомъ періодѣ.

Сохранились знаменательные факты, ясно указывающіе, что какъ только наше домашнее пушечно-литейное мастерство утвердилось на болѣе или менѣе прочныхъ основаніяхъ, то и въ количественномъ отношеніи наша древняя артиллерія пошла настолько быстрыми шагами, что численный ея составъ уже черезъ сравнительно короткое время возбуждалъ удивленіе иностранцевъ. Весьма характерное въ этомъ отношеніи указаніе встрѣчаемъ, напр., въ царствованіе Ивана Грознаго, о которомъ посолъ императора Максимиліана II Кобенцель доносилъ въ 1576 году своему государю, что Великій Князь Московскій имѣетъ въ изобиліи запасы всякаго рода оружія, а огнестрѣльный снарядъ такой,

(*) На стѣнахъ Смоленска въ XVII столѣтіи находилось орудіе, отлитое тѣмъ же мастеромъ еще нѣсколько ранѣе, именно въ 1483 году; это былъ древнѣйшій изъ всѣхъ извѣстныхъ подобнаго рода памятниковъ. Нынѣ его уже не существуетъ.

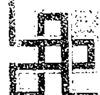
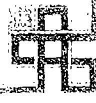

что кто не видалъ его—не повѣритъ описанію, при чемъ пояснялъ, что у русскихъ всегда бывало наготовлено не менѣе 2000 всякихъ орудій. Нѣтъ причинъ этому не вѣрить, тѣмъ болѣе, что въ томъ же родѣ почерпаются указанія и изъ нашихъ офиціальныхъ документовъ, какъ напр. воеводскихъ донесеній половины XVII столѣтія, т. е. относящихся къ тому времени, незадолго передъ которымъ Россія пережила смутную эпоху самозванцевъ и разоренія, конечно, не могшую быть благопріятной для развитія русской техники. Тѣмъ не менѣе изъ цѣлой серіи этихъ донесеній (хранящихся въ Петербургской Публичной библіотекѣ), составленныхъ одновременно и присланныхъ изъ 96 разныхъ пунктовъ Россіи, можно напр. вывести, что въ послѣднихъ въ то время насчитывалось до 2730 орудій, но, въ сущности, ихъ должно было быть еще гораздо болѣе, потому что сюда не вошли почему то свѣдѣнія объ артиллеріи въ Москвѣ и нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ.

Подобныя цыфры достаточно говорятъ за себя; въ параллель съ ними идутъ и соотвѣтственные размѣры боевого примѣненія артиллеріи, какъ напр. подъ Казанью, въ осадѣ которой 1552 года, по свидѣтельству очевидца Курбскаго, участвовало однихъ орудій большого калибра до 150, кромѣ мортиръ и полевыхъ пушекъ, или въ Литовскомъ походѣ — когда съ войскомъ Ивана Грознаго слѣдовало до 200 артиллерійскихъ орудій!

Другую сторону прогрессивнаго движенія артиллерійскаго искусства составляютъ, конечно, и качества самой артиллеріи, но здѣсь для правильности оцѣнки необходимо ввести масштабъ совершенно условный.

Основы артиллеріи тѣхъ временъ не покоились на научныхъ началахъ, а потому нельзя искать въ ней качествъ, такъ сказать, абсолютныхъ; это не было бы оцѣнкой исторической; отъ нашей

древней артиллеріи мы вправѣ требовать только качествъ относительныхъ, ближайшимъ мѣриломъ коихъ можетъ служить лишь современное ей состояніе артиллеріи въ Западной Европѣ.

Наша древняя артиллерія XVI и XVII столѣтій состояла изъ желѣзныхъ, чугунныхъ и въ значительной степени преобладавшихъ—мѣдныхъ орудій (пищалей), имѣвшихъ всевозможные виды, наименованія, размѣры и калибры. Опредѣленной взаимной зависимости разныхъ конструктивныхъ данныхъ или какой либо ихъ регламентаціи, видимо, не существовало, и каждый пушечный мастеръ поступалъ по собственному усмотрѣнію, назначая длину, толщину, наружныя очертанія, украшенія и т. п. для изготовляемыхъ имъ издѣлій. Отсюда безконечное множество всевозможныхъ варіантовъ, нерѣдко поражающихъ своей аномаліей въ дошедшихъ до насъ памятникахъ; отсюда безконечная номенклатура самыхъ орудій, ихъ прозвища разными собственными и нарицательными именами и т. д., характеризующія весь древній періодъ нашей артиллеріи и представляющія ее, съ современной намъ точки зрѣнія, чѣмъ то вполнѣ хаотическимъ и несостоятельнымъ. Но, повторяемъ,—подобная оцѣнка была бы несправедливою по своей абсолютности и потому не можетъ быть примѣняема. Бросая взглядъ на состояніе артиллерійскаго дѣла того же времени въ Западной Европѣ, мы видимъ, что и здѣсь дѣло стояло не лучше. Мы видимъ, что если и были попытки къ установленію какихъ либо нормъ въ конструктивномъ отношеніи, то онѣ направлялись только къ уничтоженію произвола въ назначеніи калибровъ (какъ, напр., во Франціи при Карлѣ IX), да и то далеко не повсемѣстно; въ прочемъ же господствовалъ тотъ же произволъ, что и у насъ; на Западѣ встрѣчаемъ также массу различныхъ видоизмѣненій артиллерійскихъ орудій, различныя пушки, полу-пушки, двойныя, утяжеленныя, удлиненныя, чрезвычайныя, закон-

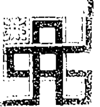

ныя, незаконныя; разныя кулеврины, шланги, василиски, картауны, гаубицы, мортиры, органы и т. д.; встрѣчаемъ наименованія орудій различными прозвищами, съ помѣщеніемъ на самихъ орудіяхъ соотвѣтственныхъ изображеній и нерѣдко безсмысленныхъ стихоплетеній; встрѣчаемъ въ современныхъ артиллерійскихъ сочиненіяхъ формулы заклинанія или заговора пушекъ и проч., такъ что, вообще, состояніе артиллерійскаго дѣла и здѣсь представляется не въ лучшемъ свѣтѣ, чѣмъ въ Россіи. Слѣдовательно, въ качественномъ отношеніи древняя русская артиллерія стояла не ниже своего вѣка, такъ какъ всѣ ея недостатки были присущи и всѣмъ артиллеріямъ Западной Европы.

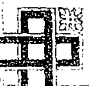
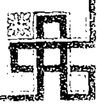
Но мы можемъ сдѣлать шагъ даже еще далѣе. Сохранившіеся наши памятники даютъ замѣтить, что въ русской артиллеріи того періода не только жили и циркулировали многія техническія идеи, занимавшія въ разное время умы тогдашнихъ техниковъ Западной Европы, но въ развитіи и осуществленіи нѣкоторыхъ изъ этихъ идей древняя Русь даже опередила Европу. Мы говоримъ о разновременныхъ, напр., попыткахъ къ устройству орудій для повторительной стрѣльбы, о попыткахъ возвращенія къ системѣ заряжанія съ казенной части и, наконецъ,—объ идеѣ нарѣзныхъ заряжаемыхъ съ казенной части орудій, представители которыхъ дошли до насъ въ качествѣ издѣлій нашего собственнаго домашняго производства. Изъ числа таковыхъ чрезвычайно поучительны два рѣдчайшіе экземпляра, хранящіеся въ нашемъ Артиллерійскомъ музеѣ: одинъ представляетъ гладкостѣнную желѣзную пищаль, приспособленную къ заряжанію съ казенной части, по идеѣ, весьма приближающейся къ современнымъ намъ орудіямъ, именно—утолщенная казенная часть его, обкованная на четырегранникъ, снабжена поперечнымъ горизонтальнымъ отверстіемъ для помѣщенія призматическаго клина (послѣдняго, къ сожалѣнію, не сохранилось), а въ срѣзѣ казен-

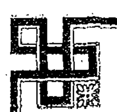
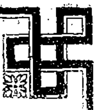

ной части имѣется сквозной каналъ, составляющій продолженіе канала орудія, для заряжанія послѣдняго; исключительный интересъ экземпляръ этотъ пріобрѣтаетъ по своей древности, ибо онъ несомнѣнно относится къ XVI вѣку, почему является едва-ли не единственнымъ въ своемъ родѣ. Что касается до другого памятника, то онъ представляетъ еще болѣе высокій интересъ для исторіи русской артиллерійской техники и, въ частномъ случаѣ,—нарѣзныхъ заряжающихся съ казенной части орудій, такъ какъ несомнѣнно свидѣтельствуетъ о знакомствѣ нашихъ предковъ съ подобной системой и притомъ значительно ранѣе, чѣмъ въ Западной Европѣ. Нашъ экземпляръ представляетъ бронзовую пищаль 3-дм. калибра, имѣющую 10 крупныхъ спиральныхъ нарѣзовъ и заряжающуюся съ казенной части, при чемъ закрываніе послѣдней производится посредствомъ клина, помѣщающагося въ поперечномъ клиновомъ отверстіи. На орудіи вылиты: годъ—1615, посвященіе (на лат. языкѣ) Царю Михаилу Ѳеодоровичу и русскій государственный гербъ, такъ что оно является на цѣлое полустолѣтіе опередившимъ всѣ древнѣйшіе образцы нарѣзныхъ орудій въ Западной Европѣ, не восходящіе ранѣе конца XVII столѣтія.

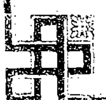
Подобные факты представляютъ одну изъ яркихъ страницъ въ исторіи русскаго артиллерійскаго дѣла, какъ еще разъ доказывающіе, что въ послѣднемъ, несмотря на всю тогдашнюю неудовлетворительность внѣшнихъ его формъ, нерѣдко циркулировали идеи свѣтлыя и совершенно вѣрныя, опережавшія свое время. Нельзя не упомянуть при этомъ и о другихъ фактахъ, хотя не столь рельефныхъ, но тѣмъ не менѣе имѣющихъ свое значеніе, ибо они даютъ поводъ думать, что, можетъ быть, нѣкоторыя артиллерійскія изобрѣтенія, опередившія свое время, получили у насъ, до извѣстной степени, широкое примѣненіе; такъ напр., съ большимъ любопытствомъ приходится остановиться передъ указа-

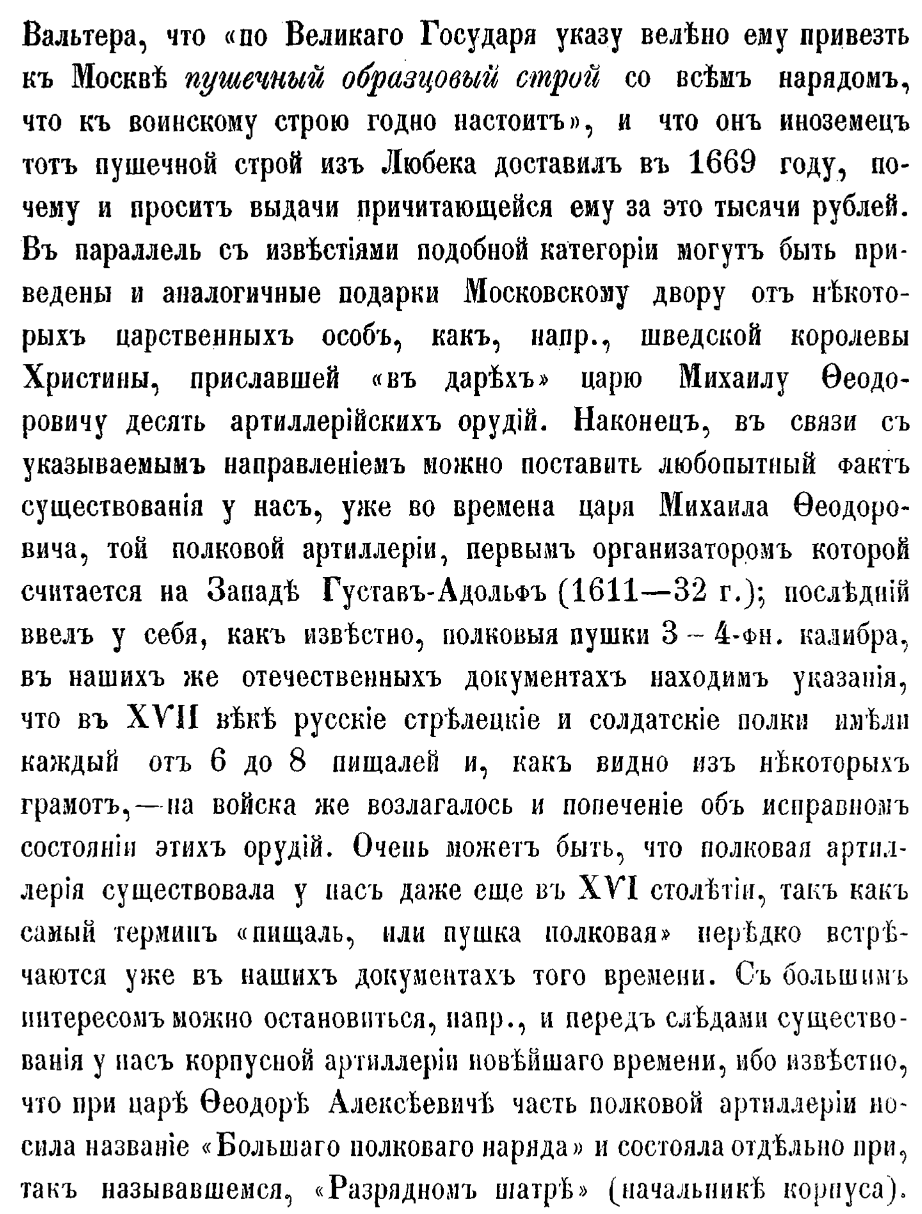

ніями древнихъ нашихъ городовыхъ описей, что въ числѣ военныхъ запасовъ г. Перми, въ 1614 году, состояло нѣсколько сотъ «ядеръ желѣзныхъ грановитыхъ», а равнымъ образомъ и въ Чердыни—въ 1680 году.

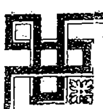
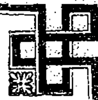
Что это за *грановитыя* ядра, и какая конструкція орудій ими обусловливалась?—вопросъ весьма любопытный, ибо за нимъ можетъ скрываться фактъ боевого употребленія нарѣзныхъ орудій! Къ тѣмъ же взглядамъ на указываемое направленіе или оттѣнокъ въ складѣ нашего тогдашняго артиллерійскаго искусства могутъ приводить и разныя историческія указанія, свидѣтельствующія, что если въ иныхъ случаяхъ наши техники додумывались до разныхъ разумныхъ вещей своимъ собственнымъ умомъ-разумомъ, то съ другой стороны имъ не чуждо было и движеніе артиллерійской техники на Западѣ. Однимъ изъ любопытнѣйшихъ фактовъ въ этомъ отношеніи можетъ, напр., служить, что въ составѣ нашей древней артиллеріи встрѣчаемъ въ XVII вѣкѣ слѣды существованія того же совершенно своеобразнаго рода легкихъ орудій, которыя одно время находились въ войскахъ шведскаго короля Густава-Адольфа, подъ названіемъ «кожаныхъ пушекъ», и состояли изъ латуннаго ствола, обвитаго засмоленными веревками, а сверху обтянутаго кожею, на которую нагонялся желѣзный обручъ съ цапфами. Совершенно подобное читаемъ, напр., въ описи вооруженія Пскова 1683 г., гдѣ находимъ между прочимъ—«5 пищалей кожаныхъ, обняты въ длину полосами, а поперегъ желѣзными обручами съ кольцами и въ серединѣ трубы мѣдныя». Въ болѣе общихъ формахъ то же самое можно заключить и изъ такихъ фактовъ, какъ, напр., выписка изъ-за границы разныхъ предметовъ артиллерійскаго снаряженія, въ смыслѣ извѣстныхъ нормальныхъ образцовъ, вѣроятно, для ознакомленія съ ними; любопытное указаніе въ этомъ родѣ встрѣчаемъ въ челобитной одного иноземца

Вальтера, что «по Великаго Государя указу велѣно ему привезть къ Москвѣ *пушечный образцовый строй* со всѣмъ нарядомъ, что къ воинскому строю годно настоитъ», и что онъ иноземецъ тотъ пушечной строй изъ Любека доставилъ въ 1669 году, почему и проситъ выдачи причитающейся ему за это тысячи рублей. Въ параллель съ извѣстіями подобной категоріи могутъ быть приведены и аналогичные подарки Московскому двору отъ нѣкоторыхъ царственныхъ особъ, какъ, напр., шведской королевы Христины, приславшей «въ дарѣхъ» царю Михаилу Ѳеодоровичу десять артиллерійскихъ орудій. Наконецъ, въ связи съ указываемымъ направленіемъ можно поставить любопытный фактъ существованія у насъ, уже во времена царя Михаила Ѳеодоровича, той полковой артиллеріи, первымъ организаторомъ которой считается на Западѣ Густавъ-Адольфъ (1611—32 г.); послѣдній ввелъ у себя, какъ извѣстно, полковыя пушки 3 - 4-фн. калибра, въ нашихъ же отечественныхъ документахъ находимъ указанія, что въ XVII вѣкѣ русскіе стрѣлецкіе и солдатскіе полки имѣли каждый отъ 6 до 8 пищалей и, какъ видно изъ нѣкоторыхъ грамотъ,—на войска же возлагалось и попеченіе объ исправномъ состояніи этихъ орудій. Очень можетъ быть, что полковая артиллерія существовала у насъ даже еще въ XVI столѣтіи, такъ какъ самый терминъ «пищаль, или пушка полковая» нерѣдко встрѣчаются уже въ нашихъ документахъ того времени. Съ большимъ интересомъ можно остановиться, напр., и передъ слѣдами существованія у насъ корпусной артиллеріи новѣйшаго времени, ибо извѣстно, что при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ часть полковой артиллеріи носила названіе «Большаго полковаго наряда» и состояла отдѣльно при, такъ называвшемся, «Разрядномъ шатрѣ» (начальникѣ корпуса).

Всѣ эти обстоятельства довольно поучительны для настоящей всесторонней оцѣнки состоянія нашего древняго пушечнаго

мастерства; съ ними нельзя не считаться, ибо они могутъ давать поводъ думать, что самая неудовлетворительность внѣшнихъ формъ нашей древней артиллеріи не зависѣла ли болѣе отъ какихъ либо причинъ, такъ сказать, внѣшнихъ, чѣмъ собственно отъ идей и воззрѣній тогдашнихъ нашихъ артиллерійскихъ техниковъ; является поводъ предполагать—не тормозилось ли наше артиллерійское дѣло такими причинами, какъ общей тогдашней косностью и застоемъ государственной администраціи, или отсутствіемъ руководящаго государственнаго ума? но болѣе близкое рѣшеніе подобнаго вопроса скрывается еще въ нашихъ архивахъ.

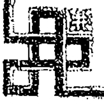
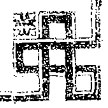
Теперь необходимо взглянуть еще на другую сторону артиллерійскаго искусства въ древней Руси—на личный персоналъ корпуса нашихъ древнихъ артиллеристовъ.

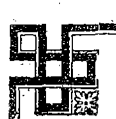
Исторія наша, къ сожалѣнію, не даетъ никакихъ указаній о томъ, изъ кого состоялъ служилый элементъ русской артиллеріи въ древнѣйшемъ ея періодѣ, и имѣлъ ли онъ хоть какіе либо зачатки извѣстной корпоративной организаціи, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ мало вѣроятія допускать, чтобы при довольно широкомъ у насъ употребленіи артиллерійскихъ орудій даже еще въ XV вѣкѣ какъ при оборонительныхъ, такъ и наступательныхъ дѣйствіяхъ, подборъ этого элемента былъ бы всякій разъ совершенно случайный, изъ людей совершенно неопытныхъ и незнакомыхъ съ своимъ дѣломъ. Надобно думать, что существовалъ извѣстный контингентъ людей, умѣвшихъ обращаться съ огнестрѣльными орудіями, какъ зародышъ, изъ котораго развилось впослѣдствіи самое сословіе пушкарей, но о порядкѣ ихъ службы въ тѣ времена мы ничего не знаемъ. Очень вѣроятно, что подобно тому, какъ было тогда и на Западѣ, контингентъ этотъ былъ у насъ наемный, и что въ составъ его входили тѣ же техники пушечники, которые занимались и изготовленіемъ самыхъ орудій;

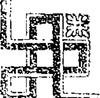
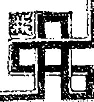

но такъ какъ въ числѣ этихъ техниковъ мы уже видѣли имена также русскія, то нѣтъ основанія считать, чтобы и тогдашняя пушкарская служба была исключительно удѣломъ лишь наемныхъ для того иноземцевъ, тѣмъ болѣе что, въ зависимости отъ размѣровъ употребленія и наличности нашей древней артиллеріи, самое число этихъ иноземцевъ потребовалось бы слишкомъ значительное. Характеръ сохранившихся историческихъ свѣдѣній о послѣднихъ заставляетъ однако признать, что въ болѣе раннія времена высшее руководство надъ боевымъ употребленіемъ нашей артиллеріи находилось именно въ рукахъ пушкарей иноземцевъ; такъ, имѣемъ свидѣтельства, что въ походѣ 1485 г. Іоанна III на Тверь всей артиллеріей начальствовалъ извѣстный уже намъ Фіоравенти, а при осадѣ Смоленска Великимъ Княземъ Василіемъ Іоанновичемъ, въ 1514 г., дѣйствіями русской артиллеріи управлялъ иноземецъ пушкарь Стефанъ; въ царствованіе того же Василія Іоанновича извѣстны также пушкари Іоаннъ—завѣдывавшій артиллерійской обороной Москвы при набѣгѣ Саипъ-Гирея, Бартоломей—участвовавшій въ казанскомъ походѣ, Никласъ—упоминаемый во главѣ московскихъ пушкарей въ 1521 г., Іорданъ—дѣйствовавшій изъ орудій при защитѣ Рязани, и т. д.. Подобному обстоятельству однако едва ли слѣдуетъ придавать особое значеніе, въ смыслѣ именно необходимости поручать русскія пушки завѣдыванію иностранцевъ, такъ какъ собственно дѣйствовать изъ орудій необходимо должны были умѣть пушкари и изъ русскихъ, а о какихъ либо тактическихъ задачахъ въ боевой практикѣ тогдашней артиллеріи не имѣли понятія и на Западѣ. Поэтому въ приведенныхъ фактахъ можно скорѣе видѣть развѣ лишь извѣстныя тенденціи своего времени, подобно тому, какъ напр. и гораздо позднѣе, во второй четверти XVIII вѣка, во главѣ русской артиллеріи встрѣчаемъ нѣмцевъ, не умѣвшихъ даже подписать свою фамилію по-русски.

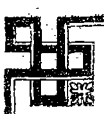

Какъ бы то ни было, но уже въ XVI вѣкѣ служилый артиллерійскій персоналъ нашъ является совершенно обособленнымъ, какъ отдѣльное сословіе пушкарей, со своими извѣстными правами, что, по всей вѣроятности, сложилось въ опредѣленныя формы около того же времени, какъ и учрежденіе перваго у насъ постояннаго войска стрѣльцовъ, т. е. въ половинѣ царствованія Ивана Грознаго (1551 г.), или немного ранѣе; такъ, въ 1545 г. пушкари упоминаются уже какъ бы въ корпоративномъ смыслѣ:—«съ пушкарей и съ пищальниковъ, пищальнаго зелья имати Государь не велѣлъ, потому что имъ быти самимъ на государевѣ службѣ». Наши древніе пушкари владѣли въ городахъ участками земли, селились особыми слободами, судились въ Пушкарскомъ приказѣ, принимали въ свою корпорацію новыхъ членовъ за извѣстными поруками своихъ сотоварищей:—что новому корпоранту «служить Государеву пушкарскую службу всякую, походную и посылочную, и съ Государевой службы не сбѣжать ни въ Крымъ, ни въ Литву, ни въ Нѣмцы, ни красть, ни играть, ни съ воры не знаться, ни надъ Государевой казной хитрости ни въ чемъ не учинить» и т. д.; въ другихъ случаяхъ въ порукѣ свидѣтельствуется, что нововыборные пушкари «люди добрые, животами прожиточны, не стары и не увѣчны и съ московскую пушкарскую службу и съ пушечную стрѣльбу ихъ будетъ» и проч.. Пушкари получали жалованье,—при Иванѣ Грозномъ оно заключалось въ 2 рубляхъ съ гривною деньгами на годъ и полуосьмины муки въ мѣсяцъ, московскіе же пушкари получали въ годъ еще «по сукну по доброму, цѣна по 2 рубля сукно»; позже содержаніе было нѣсколько увеличено. Званіе пушкаря не исключало мирныхъ занятій гражданина торговлей, ремеслами и пр., какъ напр. въ тѣхъ же поручныхъ записяхъ читаемъ, что—«язъ (слѣдуетъ имя) красильникъ, да язъ шапошникъ, да язъ рыбникъ, всѣ мы московскіе пушкари поручилися

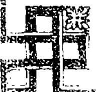
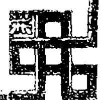
есми. .» и т. д.; но позже въ этомъ направленіи начинаются нѣкоторыя стѣсненія: посадскіе люди заставляютъ этихъ торговцевъ тянуть свое тягло, любопытный образчикъ чему встрѣчаемъ въ челобитной путивльскихъ пушкарей 1654 года, изъ которой видно, что въ случаѣ уклоненія отъ тягла отъ послѣднихъ требовалось прекращеніе ихъ торговли. Жалуясь на подобныя стѣсненія, челобитчики рисуютъ намъ нѣкоторыя черты своего быта и обязанностей: «Въ прошломъ 157 (1649) году—поясняютъ они—велѣно насъ (кто сидитъ въ лавкахъ) написати въ посадское тягло, а кто не похочетъ, велѣно лавки продать и быть въ пушкарѣхъ попрежнему; и мы холопи твои сказки въ томъ за руками дали, что въ лавкахъ сидѣть и въ посадскомъ тяглѣ быть не хотимъ, а хотимъ служить твою Государеву службу пушкарскую. А въ иныхъ твоихъ Государевыхъ городахъ пушкари и затинщики торговыми всякими промыслы промышляютъ и съ посадскими людьми тягла не тянутъ. А нынѣ насъ холопей твоихъ осталось всего 45 человѣкъ, и которые померли и въ тѣ мѣста никто не ставится, потому что стало Государь наложно; да изъ насъ холопей твоихъ, по ложной сказкѣ посадскихъ людей, взято въ посадъ пушкарей и затинщиковъ, которые служили твою Государеву службу лѣтъ по 30 и по 40 и болши, восмъ человѣкъ. А служимъ мы холопи твои, твою Государеву службу въ Путивлѣ въ городѣ, на караулѣхъ, и у погреба твоей Государевы зелейной казны и у твоихъ Государевыхъ хлѣбныхъ и соляныхъ запасовъ, день и нощь, безпрестанно; да изъ насъ же, холопей твоихъ, ежегодъ выбираютъ къ твоему Государеву дѣлу кружечнаго двора въ головы и въ цѣловальники къ сбору твоей Государевы казны и для твоихъ Государевыхъ тайныхъ дѣлъ и для провѣдыванія вѣстей въ Полшу и въ Литовскіе городы посылаютъ насъ же холопей твоихъ».

Такимъ образомъ, какъ видимъ, кругъ обязанностей пушкарскаго званія не ограничивался единственно службой при орудіяхъ; они кромѣ того содержали караулы, употреблялись на посылки, развѣдки, служили въ разныхъ выборныхъ должностяхъ, и т. д.. Служба ихъ вообще была пожизненною, и отъ нея освобождались только за старостью, болѣзнью или увѣчьемъ, при чемъ, какъ видно, подобныя увольненія находились въ извѣстной зависимости, или подъ извѣстнымъ контролемъ самой же корпораціи; по крайней мѣрѣ извѣстны случаи формальныхъ протестовъ со стороны послѣдней противъ нѣкоторыхъ изъ подобныхъ увольненій; такъ напр. около 1691 года одинъ изъ тульскихъ пушкарей былъ за болѣзнью отставленъ отъ службы, но въ упомянутомъ году (т. е. спустя даже нѣсколько лѣтъ послѣ отставки) бывшіе сотоварищи его подали коллективное челобитье, что будто онъ отъ той болѣзни выздоровѣлъ и потому служить ему можно; вслѣдствіе этого отставного пушкаря вытребовали за поруками изъ Тулы въ Пушкарскій приказъ, въ которомъ онъ въ свою очередь билъ челомъ объ освидѣтельствованіи —«что онъ къ Москвѣ прибрелъ и Великіе Государи пожаловали бъ его, велѣли скорбь его досмотрѣть, чтобъ ему живучи на Москвѣ голодною смертью не умереть!»

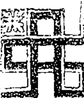
Наконецъ, кромѣ непосредственно пушкарей, къ артиллерійскому же служилому элементу должны быть причислены еще, такъ называвшіеся, затинщики,—имѣвшіе обязанностью дѣйствовать изъ затинныхъ пищалей, и воротники—ближайшіе оберегатели воротъ въ городахъ и острогахъ (укрѣпленіяхъ); сюда же, хотя, какъ элементъ второстепенный, относились еще артиллерійскіе кузнецы, плотники и гранатчики, предназначавшіеся для выполненія разныхъ соотвѣтственныхъ работъ по артиллерійскому вооруженію мирнаго и военнаго времени. Что касается общей численности личнаго состава, то приблизительное понятіе о томъ можно по-

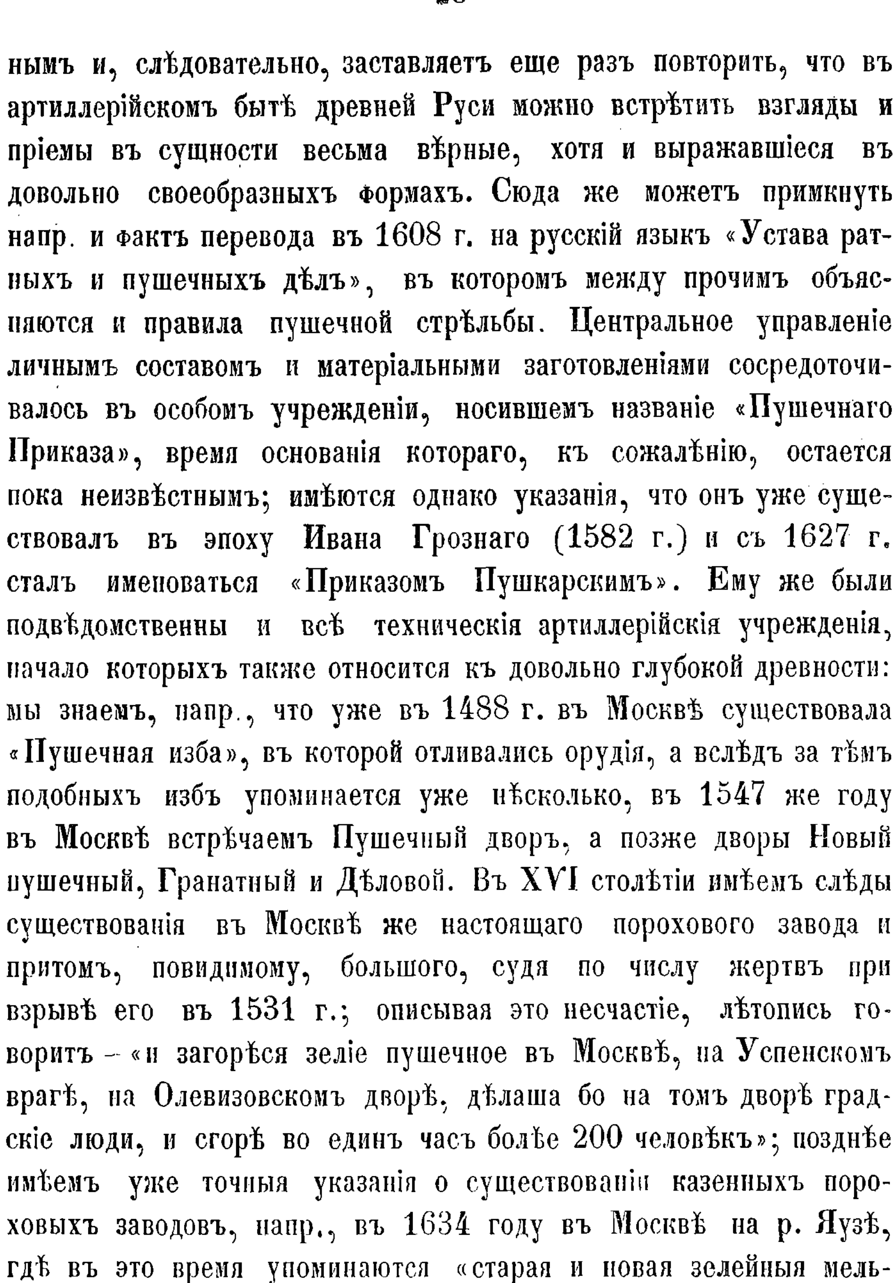

черпнуть изъ указанія, что напр. въ 1631 г. исчислялось (въ 82 городахъ) чиновъ, подвѣдомственныхъ Пушкарскому приказу, всего 3573 человѣка (изъ нихъ на одну Москву приходилось 479); но сюда включены однако разные техники и мастеровые, безъ которыхъ число собственно пушкарей и затинщиковъ исчисляется 2264 человѣка (изъ нихъ 318 пушкарей въ Москвѣ).

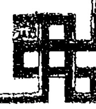
Говоря о служиломъ элементѣ нашей древней артиллеріи, нельзя пройти молчаніемъ, что въ области ея уже въ самыя далекія времена встрѣчаемъ слѣды чего-то въ родѣ высшей инспекціи, или повѣрки знанія пушкарями своего дѣла, выражавшейся въ смотрахъ практической стрѣльбы послѣднихъ. Такъ, имѣются извѣстія, что при Иванѣ Грозномъ подобные смотры въ Москвѣ производились ежегодно, и одинъ изъ нихъ, происходившій въ 1557 г. въ царскомъ присутствіи, даже подробно описанъ очевидцемъ англичаниномъ Дженкинсономъ, пріѣзжавшимъ тогда въ Россію. Отъ него мы узнаемъ, что упоминаемая стрѣльба производилась при довольно своеобразныхъ условіяхъ, именно въ глухую зимнюю пору (въ декабрѣ мѣсяцѣ), по мишенямъ, состоявшимъ изъ деревянныхъ набитыхъ землею срубовъ, имѣвшихъ въ толщину болѣе 4 саженъ! Подобныя же свидѣтельства находимъ и въ нашихъ отечественныхъ источникахъ, напр.: подъ 1647 г. имѣется указаніе, что въ Москвѣ велѣно было нарядить 30 человѣкъ земскихъ ярыгъ — «насыпати землею срубъ для пушечные пальбы», а отъ 1673 года сохранилось цѣлое любопытнѣйшее описаніе смотра боевой стрѣльбы, происходившаго во Москвѣ же, въ январѣ мѣсяцѣ, на Ваганьковѣ, въ присутствіи царя Алексѣя Михаиловича, иностранныхъ пословъ и донского атамана Фрола Минаева съ казаками. Эта періодичность повторенія тѣхъ же фактовъ даетъ поводъ заключать, что подобная повѣрка искусства стрѣльбы была въ тѣ времена дѣломъ зауряд-

нымъ и, слѣдовательно, заставляетъ еще разъ повторить, что въ артиллерійскомъ бытѣ древней Руси можно встрѣтить взгляды и пріемы въ сущности весьма вѣрные, хотя и выражавшіеся въ довольно своеобразныхъ формахъ. Сюда же можетъ примкнуть напр. и фактъ перевода въ 1608 г. на русскій языкъ «Устава ратныхъ и пушечныхъ дѣлъ», въ которомъ между прочимъ объясняются и правила пушечной стрѣльбы. Центральное управленіе личнымъ составомъ и матеріальными заготовленіями сосредоточивалось въ особомъ учрежденіи, носившемъ названіе «Пушечнаго Приказа», время основанія котораго, къ сожалѣнію, остается пока неизвѣстнымъ; имѣются однако указанія, что онъ уже существовалъ въ эпоху Ивана Грознаго (1582 г.) и съ 1627 г. сталъ именоваться «Приказомъ Пушкарскимъ». Ему же были подвѣдомственны и всѣ техническія артиллерійскія учрежденія, начало которыхъ также относится къ довольно глубокой древности: мы знаемъ, напр., что уже въ 1488 г. въ Москвѣ существовала «Пушечная изба», въ которой отливались орудія, а вслѣдъ за тѣмъ подобныхъ избъ упоминается уже нѣсколько, въ 1547 же году въ Москвѣ встрѣчаемъ Пушечный дворъ, а позже дворы Новый пушечный, Гранатный и Дѣловой. Въ XVI столѣтіи имѣемъ слѣды существованія въ Москвѣ же настоящаго порохового завода и притомъ, повидимому, большого, судя по числу жертвъ при взрывѣ его въ 1531 г.; описывая это несчастіе, лѣтопись говоритъ – «и загорѣся зеліе пушечное въ Москвѣ, на Успенскомъ врагѣ, на Олевизовскомъ дворѣ, дѣлаша бо на томъ дворѣ градскіе люди, и сгорѣ во единъ часъ болѣе 200 человѣкъ»; позднѣе имѣемъ уже точныя указанія о существованіи казенныхъ пороховыхъ заводовъ, напр., въ 1634 году въ Москвѣ на р. Яузѣ, гдѣ въ это время упоминаются «старая и новая зелейныя мельницы»; кромѣ того въ XVII же вѣкѣ извѣстны и нѣсколько част-

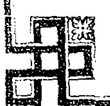
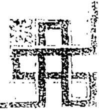

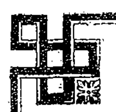

ныхъ заводовъ какъ литейныхъ, такъ и пороховыхъ, равнымъ образомъ находившихся въ вѣдѣніи Пушкарскаго приказа.

Въ таковыхъ главнѣйшихъ чертахъ представляется намъ древній періодъ русской артиллеріи, насколько возможно ихъ намѣтить въ предѣлахъ тѣснаго бѣглаго очерка. Въ теченіе этого трехъ-вѣковаго періода, артиллерія наша, несмотря на всѣ свои недостатки, являлась постоянной спутницей тогдашнихъ военныхъ дѣйствій какъ наступательныхъ, такъ и оборонительныхъ; напр., мы уже упоминали выше, что въ 1450 г. Димитрій Шемяка защищалъ Галичъ пушками отъ войскъ Василія Темнаго, при чемъ въ одномъ лѣтописцѣ сохранилось любопытное, хотя и видимо тенденціозное, извѣстіе о дѣйствіи этихъ пушекъ, что Москвитяне—«аже не взвидѣвъ божіяго свѣта пали лицемъ на землю; токмо храбрые ограждашася знаменіемъ креста, чая представленія свѣта»! Страницы нашихъ лѣтописей испещрены вообще свидѣтельствами, доказывающими, что наша артиллерія постоянно дѣлила съ войсками свѣтлые и темные моменты ихъ боевой жизни, и показывающими, какую притомъ видную роль игралъ нашъ древній «нарядъ» въ военныхъ дѣйствіяхъ; лѣтописи приписываютъ нерѣдко послѣднему въ разныхъ случаяхъ полное рѣшающее значеніе. Одинъ изъ характернѣйшихъ эпизодовъ въ этомъ смыслѣ встрѣчаемъ, напр., уже въ 1514 году, когда послѣ двухъ неудачныхъ походовъ подъ Смоленскъ, Великій Князь Василій Іоанновичъ осадилъ его въ третій разъ съ многочисленной артиллеріей, которая находилась подъ управленіемъ московскаго пушкаря Стефана. Лѣтопись яркими красками описываетъ, что творилось тогда подъ Смоленскомъ—«Князь Великій повелѣ со всѣхъ странъ града бити изъ пушекъ и изъ пищалей и огненными ядры во градъ стрѣляти, яко отъ пушечнаго и пищальнаго стуку и людскаго кричанія и вопля и отъ градскихъ людей сопротивнаго бою пу-

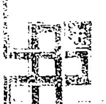
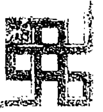

шекъ и пищалей, землѣ колебатись и другъ друга не видѣти, и въ куреніи пламени и дыма мнѣтись всему граду подыматись!» Лѣтопись даже отдѣльно подчеркиваетъ нѣкоторые моменты этой артиллерійской канонады, упоминая даже часы, когда производились съ нашей стороны выстрѣлы изъ какого-то огромнаго орудія: —«Повелѣ Князь Великій пушкарю Стефану пушками городъ бити Іюля въ 29 день въ Субботу, на третьемъ часу дня, изъ-за Днѣпра; и удари по городу большою пушкою по ихъ пушкѣ по наряженой, и ихъ пушку разорвало, и много въ городѣ въ Смоленску людей побило. Того же дни, на шестомъ часу дня, Стефанъ ту же пушку пустилъ и много мелкихъ ядеръ собра и окова ихъ свинцомъ и удари въ другой, и того болѣе въ городѣ людей побило...»; послѣ третьяго выстрѣла владыка Варсанофій вышелъ на мостъ и сталъ бить челомъ Великому Князю о пощадѣ.

Въ томъ же родѣ эпизодъ передаетъ наша исторія и про какого-то пушкаря Іордана, который при обложеніи Рязани Магметъ-Гиреемъ въ 1521 г. однимъ выстрѣломъ положилъ множество татаръ на мѣстѣ и разсѣялъ скопище ихъ, такъ что ханъ требовалъ даже головы этого Іордана. Въ 1560 г. бояринъ Морозовъ въ нѣсколько часовъ разбиваетъ орудіями стѣны Маріенбурга, и т. д..

Имѣются указанія о сильномъ дѣйствіи нашей древней артиллеріи и въ другихъ источникахъ, коихъ никакъ нельзя заподозрить въ пристрастіи. Такъ, извѣстный современникъ Ивана Грознаго—Курбскій, описывая Лифляндскую войну, говоритъ, что осажденная въ 1558 г. русскими Нарва, подвергшись сильному артиллерійскому огню, должна была просить перемирія, для обсужденія и переговоровъ о сдачѣ, а между тѣмъ отправила одновременно пословъ въ Москву и къ магистру Лифляндскому, прося послѣдняго о помощи; магистру при этомъ заявлялось, что (го-

воря словами Курбскаго)—«аще ли не дадите помощи, мы отъ такой великія стрѣльбы не можемъ терпѣти: поддадимъ градъ и мѣсто». Въ томъ же смыслѣ разсказываетъ Курбскій и о взятіи Дерпта, который упорно держался, но «егда уже мы—говоритъ онъ—стѣны мѣскія (городскія) изъ великихъ дѣлъ (орудій) разбихомъ, также изъ верхнихъ дѣлъ стрѣляюще, ово огнистыми кулями, ово каменными, немалую тщету въ людѣхъ сотворихомъ, тогда они начали раковати (переговаривать) съ нами.... вкратцѣ рещи сдали градъ».

Въ лѣтописяхъ нашихъ войнъ, конечно, найдутся и темныя страницы, но тѣ бывали и будутъ всегда въ исторіи всѣхъ народовъ, не могущей состоять изъ цѣпи однѣхъ удачъ и успѣховъ, и во всякомъ случаѣ масса боевыхъ услугъ, оказанныхъ артиллеріей въ тогдашнихъ войнахъ, представляетъ огромный перевѣсъ надъ частными случаями неудачнаго ея же употребленія. Но и на этихъ темныхъ страницахъ встрѣчаются факты, имѣющіе высокознаменательное значеніе, факты высокаго проявленія чувства долга среди нашихъ древнихъ артиллеристовъ; извѣстенъ напр. случай въ княженіе Василія Іоанновича, что когда послѣ неудачнаго похода подъ Казань русскія войска возвратились, потерявъ почти всю свою артиллерію, то къ одному изъ пушкарей, успѣвшему съ большими усиліями и опасностью спасти ввѣренныя ему орудія, Великій Князь обратился даже съ гнѣвнымъ упрекомъ за его самопожертвованіе: «Я ни во что не ставлю потерю ихъ (пушекъ)—сказалъ Василій,—лишь бы у меня остались люди, умѣющіе лить пушки и обходиться съ ними!» Извѣстенъ случай героическаго самопожертвованія московскихъ пушкарей подъ Венденомъ, въ 1578 г., дошедшій до насъ даже не изъ своихъ, а изъ чужеземныхъ источниковъ: осаждавшіе Венденъ воеводы Голицынъ и Шереметевъ, послѣ сраженія съ прибывшими на по-

мощь Вендену поляками и литовцами, вынуждены были ночью бросить свой укрѣпленный станъ, но состоявшіе при орудіяхъ пушкари, съ горстью другихъ храбрецовъ, рѣшились остаться на своихъ мѣстахъ, и когда на другой день непріятель, возобновивъ нападеніе, ворвался въ русскіе окопы, то эти безвѣстные герои предпочли смерть плѣну и въ глазахъ торжествующаго врага повѣсились на своихъ собственныхъ пушкахъ!

Любопытно наконецъ и то обстоятельство, что древняя русская артиллерія съ ея пушкарями нашла себѣ уголокъ и въ нашемъ народномъ эпосѣ; отъ XVI столѣтія имѣемъ первую настоящую пушкарскую пѣсню, какъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ подъ Казань ходилъ:

Подъ Казанку подъ рѣку подкопы подводилъ,
А пушки и снаряды въ чистомъ полѣ разставлялъ.
А татаре по городу похаживаютъ,
Они Грозному Царю насмѣхаются,
А и не быть нашей Казани за бѣлымъ за Царемъ!
А какъ тутъ нашъ Государь разгнѣвался,
Что подрывъ (подкопъ) такъ долго медлится,
Приказалъ онъ за то пушкарей казнить.
Какъ всѣ тутъ пушкари призадумалися,
А одинъ пушкарь поотважился:
Прикажи, Государь Царь, слово выговорить!
Не успѣлъ пушкарь слово вымолвить,
Тогда лишь догорѣли зажигательныя свѣчи,
И вдругъ разорвало бочки съ порохомъ.
Всѣ татаре тутъ устрашилися,
Они Бѣлому Царю поклонилися.

На рубежѣ XVIII столѣтія величаво воздвигается мощный обликъ царственнаго преобразователя древней Руси, ея военныхъ силъ и съ ними всей русской артиллеріи.

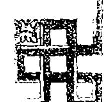

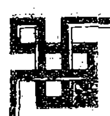

Петръ Великій, обнаруживавшій еще въ дѣтствѣ своемъ необыкновенную охоту къ забавамъ пушками, а затѣмъ въ юношествѣ полное увлеченіе военными потѣхами съ артиллеріей, не упустилъ во время своего заграничнаго путешествія не только самъ лично ознакомиться съ положеніемъ артиллерійскаго дѣла на Западѣ (*), но послалъ обучаться тому же и нѣсколько приближенныхъ къ себѣ лицъ, изъ числа своихъ сотоварищей бомбардировъ, раздѣлявшихъ его прежнія артиллерійскія потѣхи. Такимъ образомъ вѣнценосный капитанъ Бомбардирской роты, сформированной имъ у себя дома, обнаружилъ и здѣсь свой свѣтлый взглядъ, прибѣгнувъ къ вѣрному пріему для сознательной постановки русской артиллеріи, недостатки которой не могли укрыться отъ наблюдательнаго ума его; но вмѣстѣ съ тѣмъ едва ли будетъ безошибочнымъ считать, чтобы всѣ послѣдовавшія съ началомъ XVIII столѣтія коренныя реформы въ организаціи русской артиллеріи явились исключительно результатомъ лишь упомянутаго сравнительнаго изученія, и по крайней мѣрѣ значительная доля ихъ должна была явиться продуктомъ самостоятельныхъ идей Петра Великаго, или собственныхъ личныхъ взглядовъ его на дѣло, установившихся частью уже ранѣе, частью же выработавшихся подъ вліяніемъ всего видѣннаго имъ во время пребыванія за границей.

Такъ, указываемую самостоятельность можно усматривать въ самой мысли о переустройствѣ русской артиллеріи въ регулярный родъ войска, ибо зачатокъ этого дѣла представляетъ намъ Бомбардирская рота, учрежденная при Преображенскомъ полку уже въ 1695 году, слѣдовательно, еще до путешествія Петра Вели-

(*) Извѣстно, что учителемъ его артиллерійскому дѣлу въ Кенигсбергѣ былъ подполковникъ Штернфельдъ, отъ котораго царь получилъ даже надлежащій аттестатъ, по окончаніи пройденнаго теоретическаго и практическаго курса артиллеріи.

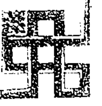

каго за границу; зачатокъ этотъ черезъ пять лѣтъ получилъ уже полное развитіе—въ реорганизаціи въ томъ же направленіи и всей русской артиллеріи.

Точно такъ же и въ дѣлѣ учрежденія у насъ полковой артиллеріи нельзя усматривать результатовъ лишь того же изученія артиллерійскаго искусства на Западѣ, потому что, какъ мы уже видѣли, полковая артиллерія, въ настоящемъ ея смыслѣ, существовала у насъ уже въ XVII столѣтіи, при стрѣлецкихъ и солдатскихъ полкахъ, и если что въ этомъ отношеніи было дѣйствительно заимствовано Петромъ Великимъ изъ-за границы, то развѣ лишь калибръ полковыхъ орудій, такъ какъ тѣ же 3-фн. пушки, имъ позже введенныя, находились (по почину Густава-Адольфа) тогда уже во всѣхъ иностранныхъ арміяхъ.

Сомнительно, наконецъ, чтобы и вообще разныя предначертанія Петра Великаго по упрощенію и установленію извѣстнаго единообразія въ матеріальной части русской артиллеріи были лишь огульнымъ подражаніемъ Западу, такъ какъ мы знаемъ, что и въ остальной Европѣ того времени въ устройствѣ артиллерійскихъ орудій, при установившихся уже извѣстныхъ калибрахъ, продолжало тѣмъ не менѣе существовать еще большое разнообразіе, и первая правильная система ихъ вводится во Франціи Вальеромъ лишь въ 1732 году.

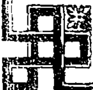
Вотъ почему во взглядѣ на артиллерійскія реформы Петра Великаго было бы правильнѣе держаться той точки зрѣнія, что въ одной части этихъ реформъ свѣтлый государственный умъ и непреклонная воля царственнаго преобразователя явились именно тѣмъ творческимъ руководящимъ началомъ, которое привело въ извѣстную систему и осуществило нѣкоторыя вѣрныя идеи, самостоятельно бродившія среди нашихъ артиллеристовъ еще въ XVII столѣтіи, или идеи, такъ сказать, унаслѣдованныя Петромъ

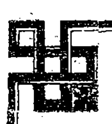
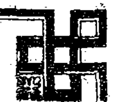

Великимъ отъ временъ, уже предшествовавшихъ, что въ другой части тѣхъ же реформъ Петръ Великій является непосредственно ихъ самостоятельнымъ иниціаторомъ и новаторомъ и, наконецъ, только въ третьей, едва ли даже не меньшей части—подражателемъ видѣннаго и заимствованнаго имъ непосредственно съ Запада. Не имѣя возможности здѣсь вдаваться въ развитіе указываемой точки зрѣнія, упоминаемъ лишь слѣдующее: что Петръ Великій имѣлъ во многомъ свои вполнѣ независимые взгляды и мысли въ области артиллерійскаго искусства, тому любопытный образчикъ представляетъ его идея о пользѣ боевого примѣненія конной артиллеріи, идея совершенно для того времени новая и самостоятельная, осуществленная въ извѣстныхъ рамкахъ имъ и на дѣлѣ, такъ какъ о томъ сохранились не только отрывочныя указанія въ документахъ Петровскаго времени (*), но имѣются даже и факты боевого употребленія конной артиллеріи въ нѣкоторыхъ военныхъ эпизодахъ 1702–1708 годовъ; нигдѣ на Западѣ въ то время о конной артиллеріи еще и не думали. Равнымъ образомъ и въ области чисто технической,—что Петръ Великій не безъ критики относился къ артиллерійскимъ новинкамъ запада, тому примѣромъ можетъ служить его любопытный отвѣтъ князю Куракину (русскому посланнику въ Парижѣ), на извѣщеніе послѣдняго объ изобрѣтеніи орудій, заряжающихся съ

(*) Покойный генералъ Ратчъ первый указалъ на это любопытное обстоятельство, отыскавъ въ архивѣ Преображенскаго полка указъ—«объ уборѣ артиллеристовъ конными». Съ своей стороны мы можемъ прибавить, что въ перепискѣ 1708 г. дѣйствительно встрѣчаются и фактическія распоряженія о томъ же. Такъ, 12 мая 1708 г., Генералъ-фельдцейхмейстеръ Брюсъ писалъ изъ похода въ Приказъ Артиллеріи, между прочимъ, слѣдующее: «Ежели есть готовые кафтаны и камзолы и штаны, то пришлите оныхъ 24 пары, выбравъ получше, а тѣ кафтаны будутъ употреблены коннымъ пушкарямъ, а буде нѣтъ готовыхъ, то прикажите оные дѣлать немедленно и пришлите черезъ почту». Въ другомъ письмѣ Брюса (1 іюня) подтверждается то же самое.

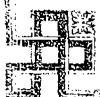
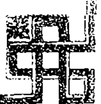

казенной части: «Пушки скорострѣльныя — писалъ царь, — у которыхъ клинъ снизу входитъ и выходитъ, сія инвенція давно намъ знакома, но не употребляли для того, когда раза два или три выстрѣлятъ, то такъ отъ селитры нагоритъ, что клина нельзя опустить»; то же самое проглядываетъ напр. и въ такихъ фактахъ, что, заказывая въ 1696 и 1699 г. орудія за границей, Петръ Великій предварительно самъ утверждаетъ чертежи ихъ, и т д..

Какъ-бы то ни было, но непосредственно съ началомъ XVIII столѣтія наступаетъ въ организаціи русской артиллеріи полный переворотъ, чему въ извѣстной степени долженъ былъ способствовать и несчастный исходъ Нарвской осады 1700-го года, гдѣ Петръ потерялъ 170 орудій, захваченныхъ Карломъ XII. Особенно кипучей дѣятельностью выдѣляется 1701-й годъ, въ теченіе котораго, по официальнымъ современнымъ свѣдѣніямъ, было вылито вновь 268 орудій (въ томъ числѣ болѣе ста полковыхъ 3-фн. пушекъ), подъ надзоромъ ближайшаго ревностнаго исполнителя воли Петра Великаго — думнаго дьяка Андрея Виніуса, получившаго послѣ нарвской катастрофы титулъ «надзирателя артиллеріи» (*). Это была уже не та прадѣдовская наша артиллерія, въ которой древнія пищали различались между собою собственными именами, при безконечномъ разнообразіи величины, вѣса и прочихъ размѣровъ, но извѣстная артиллерійская система, съ извѣстными опредѣленными калибрами орудій и прочими конструктивными данными, хотя еще и не окончательно прочно установившимися; съ этихъ поръ въ устройствѣ матеріальной части русской артиллеріи вводится новый принципъ капитальной важности — упрощеніе и еди-

(*) Какъ извѣстно, подъ Нарвой попалъ въ плѣнъ къ шведамъ и первый русскій Генералъ-фельдцейхмейстеръ царевичъ Александръ Имеретійскій, званіе котораго заступилъ Брюсъ въ 1704 году.

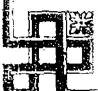
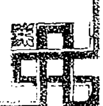

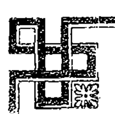
нообразіе ея орудій, стремленіе къ чему выразилось и въ установленіи Генералъ-фельдцейхмейстеромъ Брюсомъ, въ 1707 году, опредѣленной артиллерійской шкалы.

Трудно конечно требовать, чтобы такой новый и сложный вопросъ, какъ раціональная конструкція и система артиллерійскихъ орудій, былъ сразу рѣшенъ безошибочно, особенно при тогдашнемъ уровнѣ теоретической, научной стороны артиллерійскаго дѣла, почему напр. въ отношеніи конструкціи разныхъ орудій довольно долго еще замѣчаются болѣе или менѣе значительныя колебанія, главнымъ образомъ, относительно длины и вѣса образцовъ одного и того же калибра. Но варіанты эти видимо являются не результатомъ какого либо частнаго произвола, ибо всякія отступленія отъ данныхъ размѣровъ формально запрещались; извѣстны напр. строгіе указы Петра Великаго, чтобы изготовляемые предметы по артиллерійской части— «ни чертою болѣе или менѣе назначеннаго были», или чтобъ никакихъ орудій, безъ чертежей за подписью Брюса, не лить; слѣдовательно, измѣнялись самые чертежи и образцы, что и является вполнѣ понятнымъ, не идущимъ въ разрѣзъ съ основнымъ принципомъ созданія Петромъ Великимъ новой артиллеріи на раціональныхъ началахъ. То же самое впрочемъ, какъ уже сказано, имѣло вполнѣ мѣсто и на Западѣ.

Подобныя же колебанія замѣчаются отчасти и въ организаціонномъ отношеніи, въ зависимости, вѣроятно, отъ тѣхъ же причинъ, что по крайней мѣрѣ можно выслѣдить относительно состава самыхъ орудій въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ вновь созданной Петромъ артиллеріи. Послѣдняя, въ общемъ итогѣ преобразованій Петра Великаго, является въ его царствованіе въ слѣдующихъ формахъ:

а) Артиллерія полковая—состоявшая изъ двухъ 3-фн. пушекъ при каждомъ пѣхотномъ и драгунскомъ полкахъ и особой Бомбардирской роты при лейбъ-гвардіи Преображенскомъ; особен

ность упомянутыхъ пушекъ составляла придача къ каждой изъ нихъ двухъ 6-фн. мортирокъ, помѣщенныхъ на боевой оси, по сторонамъ тѣла орудія.

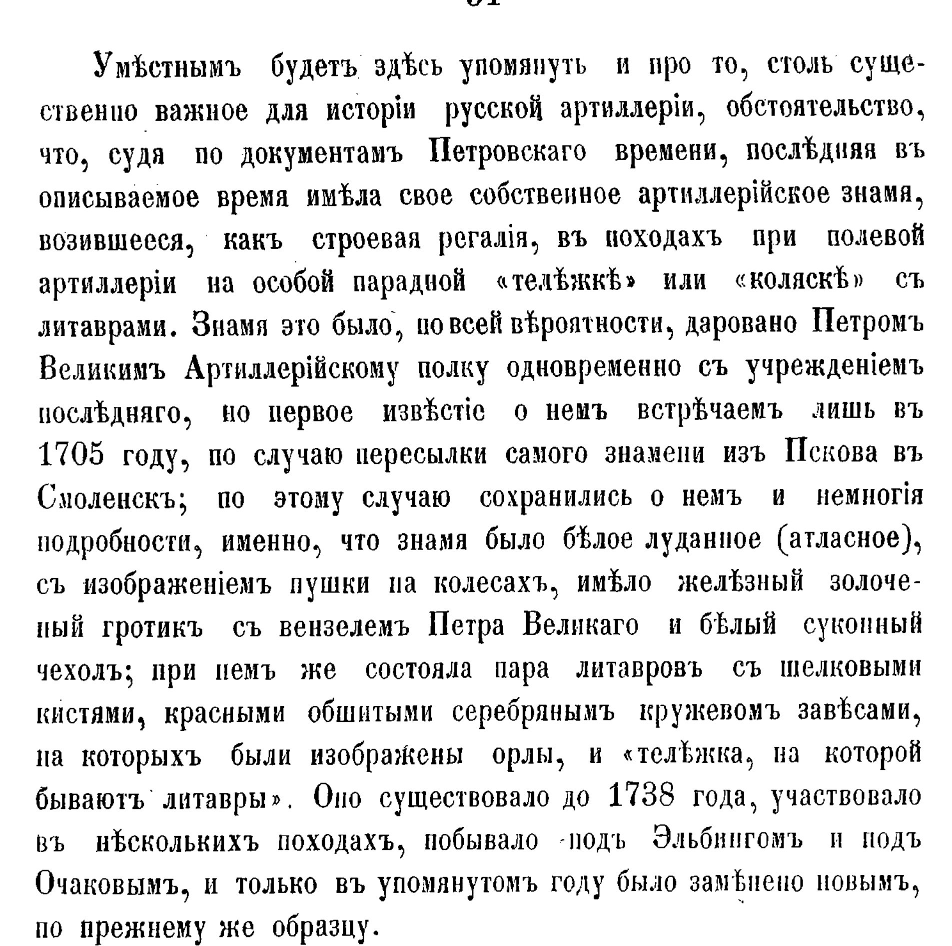
б) Полевая—представляемая словами Устава 1716 года, какъ «движимый арсеналъ и магазинъ войскъ», заключала въ себѣ, кромѣ массы разныхъ телѣгъ, роспусковъ, палубъ, ящиковъ и проч., еще и извѣстный контингентъ артиллерійскихъ орудій, но о составѣ послѣдняго свѣдѣнія не вполнѣ согласны; изъ сравненія ихъ надо заключать, что въ полевую артиллерію Петра Великаго входили: пушки 12-фн., 8-фн., 6-фн. и 3-фн., гаубицы 1-пд. и ½-пд. и мортиры 2-пд. и 1-пудовыя. Личный составъ ея представлялъ Артиллерійскій полкъ, о чемъ будетъ сказано ниже.

в) Большая, или осадная,—состоявшая изъ пушекъ 24-фн. и 18-фн. и мортиръ 9-пд., 5-пд. и 3-пудовыхъ.

г) Гарнизонная, или крѣпостная,—имѣвшая впрочемъ, какъ вездѣ и всегда, составъ довольно разнообразный. По извѣстіямъ 1725 г. въ Петербургской гарнизонной артиллеріи напр. полагалось содержать: пушки чугунныя 24 фн., 18-фн., 12-фн., 6-фн. и 3-фн., мортиры 5-пд., 2-пд., 1-пд. и 6-фн. кегорновы и гаубицы 2-пд., 1-пд. и ½-пудовыя.

Наконецъ, строевой элементъ, или личный составъ Петровской артиллеріи (собственно полевой), представлялся Артиллерійскимъ полкомъ, учрежденіе котораго относится къ 1700 году и первымъ начальникомъ котораго былъ поступившій въ русскую службу иноземецъ полковникъ Гошке. По анштальту 1712 г. Артиллерійскій полкъ раздѣлялся на собственно Артиллерійскій и Инженерный (*), при чемъ первый состоялъ изъ 1 бомбардирской и 6 канонирскихъ ротъ, а второй—изъ 1 минерной и 6 инженерныхъ.

(*) Артиллерійское и инженерное вѣдомства въ тѣ времена составляли одно общее и раздѣлены еще не были.

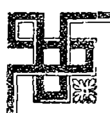

Умѣстнымъ будетъ здѣсь упомянуть и про то, столь существенно важное для исторіи русской артиллеріи, обстоятельство, что, судя по документамъ Петровскаго времени, послѣдняя въ описываемое время имѣла свое собственное артиллерійское знамя, возившееся, какъ строевая регалія, въ походахъ при полевой артиллеріи на особой парадной «телѣжкѣ» или «коляскѣ» съ литаврами. Знамя это было, по всей вѣроятности, даровано Петромъ Великимъ Артиллерійскому полку одновременно съ учрежденіемъ послѣдняго, но первое извѣстіе о немъ встрѣчаемъ лишь въ 1705 году, по случаю пересылки самого знамени изъ Пскова въ Смоленскъ; по этому случаю сохранились о немъ и немногія подробности, именно, что знамя было бѣлое луданное (атласное), съ изображеніемъ пушки на колесахъ, имѣло желѣзный золоченый гротикъ съ вензелемъ Петра Великаго и бѣлый суконный чехолъ; при немъ же состояла пара литавровъ съ шелковыми кистями, красными обшитыми серебрянымъ кружевомъ завѣсами, на которыхъ были изображены орлы, и «телѣжка, на которой бываютъ литавры». Оно существовало до 1738 года, участвовало въ нѣсколькихъ походахъ, побывало подъ Эльбингомъ и подъ Очаковымъ, и только въ упомянутомъ году было замѣнено новымъ, по прежнему же образцу.

Къ сожалѣнію, эта артиллерійская святыня до нашего времени не сохранилась.

Независимо отъ поименованныхъ реформъ, заботы Петра Великаго о коренномъ переустройствѣ русской артиллеріи выразились и въ развитіи органовъ технической производительности тогдашняго артиллерійскаго вѣдомства; такъ, въ разное время его царствованія возникли два казенныхъ пороховыхъ завода—Петербургскій (на Аптекарскомъ островѣ) и Охтенскій, построенъ оружейный заводъ въ Тулѣ, арсеналъ въ Петербургѣ и нѣсколько

другихъ техническихъ заведеній второстепеннаго значенія (оружейные дворы, лабораторіи и проч.) въ разныхъ пунктахъ Россіи. Наконецъ, не осталась безъ реформы и центральная артиллерійская администрація, представителемъ которой (еще со временъ Ивана Грознаго) былъ Пушечный или Пушкарскій приказъ, переименованный въ 1701 году въ «Приказъ Артиллеріи»; послѣдній, измѣнивъ свое названіе, но оставаясь на дѣлѣ учрежденіемъ того же прежняго типа (хотя и имѣвшимъ во главѣ своей уже особу Генералъ-фельдцейхмейстера), просуществовалъ вплоть до введенія Петромъ Великимъ новой коллегіальной системы управленія (1718—20 г.); съ этого же времени центральная артиллерійская администрація сосредоточивается уже въ Петербургѣ, въ «Канцеляріи Главной Артиллеріи» (1720 г.), и московскій Приказъ обращается въ мѣстный органъ второстепеннаго значенія, подъ названіемъ Артиллерійской Конторы.

Прилагая столько заботъ и попеченій о всѣхъ отрасляхъ артиллерійскаго дѣла, Петръ Великій имѣлъ зато не мало случаевъ видѣть, какую активную помощь стала оказывать создаваемая имъ артиллерія другимъ родамъ войскъ въ военныхъ событіяхъ того времени, являясь въ бояхъ то равноправной участницей одержанныхъ побѣдъ, то главной даже виновницей послѣднихъ. Въ современныхъ «юрналахъ» (журналахъ) Петра Великаго о военныхъ дѣйствіяхъ въ теченіе Сѣверной войны встрѣчаемъ цѣлый рядъ памятныхъ въ этомъ отношеніи фактовъ: такъ, напримѣръ, уже въ концѣ 1701 г. (30 декабря), въ сраженіи подъ Эрестферомъ, дѣйствіе русской артиллеріи остановило успѣхи шведовъ и тѣмъ не только спасло разстроенные уже полки Шереметева отъ пораженія, но даже дало ему возможность одержать побѣду надъ непріятелемъ; объ этомъ эпизодѣ самъ Царь писалъ въ слѣдующихъ словахъ: «но когда наша артиллерія прибыла, кото-

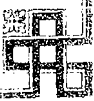
*

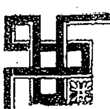

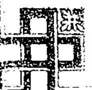
рою непріятеля одержали, паки немедленно въ ордеръ баталіи устроясь, непріятеля атаковали и по четырехъ-часномъ бою съ поля сбили»; виновникомъ этого блестящаго артиллерійскаго успѣха былъ одинъ изъ артиллерійскихъ птенцовъ Петра Великаго—Корчминъ, который въ критическую минуту боя подоспѣвъ съ своими орудіями—«по непріятелю картечью скорострѣльною стрѣльбою стрѣлять велѣлъ и тѣмъ непріятеля въ конфузію привелъ». Не менѣе поучителенъ и бой подъ Лѣснымъ 28 сентября 1708 г., въ которомъ шведы, несмотря на перевѣсъ своихъ силъ, держались оборонительнаго образа дѣйствій: Левенгауптъ, разоривъ мостъ, расположился за переправой, обстрѣливая которую артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ, удерживалъ нашихъ драгунъ, пока къ послѣднимъ не подоспѣли пять орудій; мѣткій огонь послѣднихъ заставилъ шведовъ убрать свою артиллерію, а пѣхота непріятельская, спасаясь отъ дѣйствія выстрѣловъ, вынуждена была лечь на землю, но—пишетъ Петръ Великій—«наши пушки оныхъ стали подымать, того ради симъ манеромъ не возмогли избавиться, и оная пѣхота ушла въ лѣсъ»; это дало возможность русскимъ войскамъ совершить переправу, за которой послѣдовала атака шведскаго лагеря и пораженіе непріятеля.

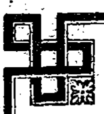
Нельзя не упомянуть также, напримѣръ, что и въ тяжеломъ для Петра событіи 1711 года на Прутѣ наша артиллерія сдѣлала все, что могла, для спасенія чести русскаго оружія: отбивая нападеніе турокъ на дивизію Алларта, наши орудія били двойными зарядами (ядрамъ съ картечью) и производили въ массѣ непріятеля ужасное опустошеніе; въ связи съ тѣмъ же событіемъ извѣстенъ эпизодъ, что кавалерійскій отрядъ генерала Януса только огню своихъ 12 полковыхъ пушекъ былъ обязанъ спасеніемъ при нападеніи на него многочисленной турецкой конницы.

Но не въ однихъ только полевыхъ дѣйствіяхъ артиллерія Петра Великаго заявила такое важное свое значеніе; не менѣе видную роль она заняла и въ осадной войнѣ, чему примѣровъ также сохранилось не мало. Такъ, въ 1704 году, подъ стѣнами той же Нарвы, гдѣ четыре года назадъ русскія войска потерпѣли пораженіе отъ Карла XII и оставили въ рукахъ побѣдителя почти всю свою артиллерію, Петръ Великій явился, въ свою очередь, сокрушителемъ нарвскихъ укрѣпленій и показалъ Нарвѣ силу своихъ крупныхъ орудій. Въ журналѣ царя о разгромѣ послѣдней читаемъ: «Въ воскресенье (6 августа) въ самую литургію осѣлъ съ основанія Нарвенскаго бастіона каменнаго фасъ, и съ него земляной брустверъ осыпался весь въ ровъ знатно отъ многаго метанія бомбъ нашихъ», а затѣмъ свидѣтельствуется, какъ успѣшно было дѣйствіе русскихъ бомбъ по фланкирующимъ непріятельскимъ орудіямъ, какъ многіе станки послѣднихъ взметывало даже на воздухъ и проч.. Правдивость этихъ показаній журнала подтверждается и свидѣтельствами противной стороны: Принцъ Виртембергскій (полковникъ шведскихъ драгунъ) въ своихъ запискахъ пишетъ, что—непріятель, соорудивши батареи, произвелъ въ короткое время огнемъ артиллеріи ужасное опустошеніе въ городѣ; онъ сдѣлалъ брешь съ двухъ сторонъ....; одинъ бастіонъ, обвалившись вдругъ, засыпалъ ровъ своими обломками и открылъ такую широкую брешь, черезъ которую 100 человѣкъ могли пройти развернутымъ фронтомъ! Результатомъ, какъ извѣстно, было взятіе Нарвы. При осадѣ Риги, въ 1709 г., огонь осадныхъ батарей заставилъ замолчать и скрыться обратно въ Динаминдъ три шведскіе корабля (въ томъ числѣ одинъ «бомбардирской»), явившіеся было на помощь городу и начавшіе обстрѣливать наши осадныя работы. При взятіи Выборга, въ 1710 г., городъ подвергся пятидневной бомбардировкѣ, спасаясь отъ которой жители скрывались

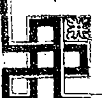
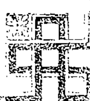

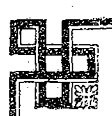

въ погребахъ; русскія батареи сдѣлали въ укрѣпленіяхъ города такую брешь, что по словамъ современной реляціи — «когда по сдачѣ города наши солдаты для карауловъ пришли, то на томъ брешу два баталіона строемъ стали»!

И т. д..

Таковы современные факты о боевой практикѣ новой Петровской артиллеріи, которыхъ сохранилось довольно, несмотря, вообще, на скупость военной литературы относительно участія артиллеріи на поляхъ брани. Но самымъ блестящимъ днемъ Петровской артиллеріи останется 27 іюня 1709 года, день битвы подъ Полтавой. Мы имѣемъ о ней извѣстія съ двухъ сторонъ,— съ нашей и непріятельской, и въ обоихъ свидѣтельствуется одно и то же—рѣшившее участь сраженія дѣйствіе русскихъ пушекъ. Въ началѣ боя шведы понесли большія потери, подвергшись перекрестному изъ редутовъ огню нашихъ орудій, при чемъ, какъ самъ Петръ Великій свидѣтельствуетъ, 6 баталіоновъ шведской пѣхоты и нѣсколько десятковъ эскадроновъ кавалеріи были оторваны и бросились искать спасенія въ лѣсу; затѣмъ артиллерійскимъ огнемъ была отбита атака Левенгаупта на лѣвый флангъ нашего лагеря и, наконецъ, въ послѣдній періодъ боя—въ моментъ главной атаки шведовъ та же наша артиллерія явилась рѣшительницей побѣды, нанеся войскамъ Карла XII страшныя опустошенія. Объ этомъ послѣднемъ актѣ Полтавской драмы въ современныхъ шведскихъ реляціяхъ передается, напримѣръ, что «нѣсколько полковъ въ особенности пострадали отъ русской артиллеріи: Кальмарскій полкъ одною очередью выстрѣловъ былъ наполовину ею уничтоженъ, тутъ былъ убитъ и командиръ его полковникъ Ранкъ; та же участь постигла и Упсальскій полкъ, который потерялъ и своего полковника Стернгека, подполковника Поста и маіора Анрепа». Еще болѣе краснорѣчивыя слова посвящаетъ тому же

эпизоду непосредственный участникъ битвы—Принцъ Виртембергскій: «Шведская пѣхота—говоритъ онъ—съ новымъ чрезвычайнымъ одушевленіемъ пошла въ атаку, но была остановлена русской артиллеріей, которая, громя съ фронта, валила цѣлые ряды и производила страшное опустошеніе. Бой закипѣлъ съ ожесточеніемъ, но въ шведскихъ войскахъ распространились вездѣ смятеніе и безпорядокъ. Король истощалъ свои усилія, чтобы устроить войска, но тщетно; лошади подъ его носилками были убиты русскими ядрами, онъ велѣлъ запречь другихъ, но и тѣхъ не пощадила русская артиллерія, они были разбиты въ дребезги, и самъ онъ былъ опрокинутъ»....

Прибавимъ съ своей стороны, что въ Полтавскомъ сраженіи у Петра Великаго было 69 орудій (32 полевой артиллеріи и 37—полковой), выпустившихъ въ теченіе боя 1471 зарядъ, при чемъ изъ числа послѣднихъ на долю полковыхъ пушекъ пришлось 986. Характеристикой боя можетъ служить и то, что всѣми орудіями было выпущено 572 картечи (изъ нихъ полковой артиллеріей—324), т. е. болѣе одной трети всѣхъ израсходованныхъ снарядовъ!

Результаты плодотворной дѣятельности Петра Великаго, какъ артиллериста, были крайне важны; существуютъ извѣстія, что къ концу его царствованія Россія имѣла уже слишкомъ 5000 орудій полковой, полевой, осадной и крѣпостной артиллеріи, цыфра огромная, но идущая отъ современниковъ; вѣроятно, впрочемъ, въ нее включено не мало и такихъ орудій, которыя составляли наслѣдіе отъ прежней, до-реформенной древней Руси.

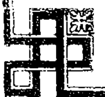
По кончинѣ Петра Великаго русская артиллерія вступила въ періодъ затишья и застоя, продолжавшійся до половины царствованія Елисаветы Петровны, т. е. до вступленія въ управленіе артиллеріей графа Шувалова. За это время во главѣ послѣдней

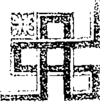

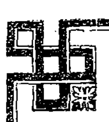
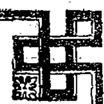

стояли послѣдовательно Генералъ-фельдцейхмейстеры Гинтеръ, Минихъ, принцъ Людвигъ Гессенъ-Гомбургскій и Репнинъ, всѣ кромѣ послѣдняго нѣмцы, не умѣвшіе даже своей фамиліи подписать по-русски; при нихъ дѣло ограничивалось лишь внѣшностью, да неудачными и безтолковыми измѣненіями въ матеріальной части нашей артиллеріи, по иностраннымъ образцамъ, безъ всякихъ къ тому достаточныхъ основаній или опытовъ; въ результатѣ сдѣлали изъ артиллеріи бремя для войскъ и довели ее до такого состоянія, что, какъ увидимъ немного далѣе, на это дѣло было обращено даже серьезное вниманіе свыше. Зато упоминаемое время богато обиліемъ разныхъ «инвенцій» или измышленій по артиллерійской части, представлявшихъ неудачныя выдумки разныхъ прожектеровъ, главнымъ образомъ, иностранныхъ; не безынтересно замѣтить при этомъ, что наибольшею вздорностью отличались именно инвенціи этихъ послѣднихъ, хотя изобрѣтатели ихъ подчасъ занимались подобными дѣлами по офиціальнымъ порученіямъ изъ Россіи. Для небольшой иллюстраціи можно упомянуть здѣсь, напр., о предложенной въ 1743 году заряжающейся съ казенной части пушкѣ, изъ которой можно стрѣлять цѣлую недѣлю день и ночь, не переставая; о двуствольной пушкѣ для стрѣльбы желѣзными прутьями, изъ которой каждымъ выстрѣломъ полагалось убивать по 36 человѣкъ, и т. п..

За это глухое время отмѣтимъ только фактъ переименованія центральнаго артиллерійскаго управленія изъ «Канцеляріи Главной Артиллеріи» въ «Канцелярію отъ Артиллеріи и Фортификаціи» (1729 г.) и усиленіе состава полковой артиллеріи армейскихъ полковъ до 4 орудій на каждый пѣхотный и драгунскій полкъ. Любопытнымъ явленіемъ однако въ эту же глухую пору представляется фактъ постановки на научную почву вопроса о значеніи правильнаго вращательнаго движенія въ воздухѣ выстрѣлен-

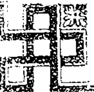
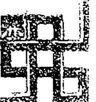
ныхъ снарядовъ!—Извѣстны труды по этому предмету русскаго ученаго Лейтмана, представленные имъ въ 1728—29 гг. и изданные затѣмъ въ Россіи и за границей, труды, опередившіе на много лѣтъ первыя попытки въ томъ же родѣ даже въ Западной Европѣ, гдѣ первымъ теоретическимъ изслѣдователемъ того-же вопроса считаютъ англичанина Робинса. Не безынтересно вообще и то, что въ упомянутомъ періодѣ лица серьезно и наиболѣе трудившіяся надъ артиллерійскими вопросами были вовсе не артиллеристами, а совершенно посторонними—членами Петербургской Академіи Наукъ; таковыми извѣстны двое: вышеупомянутый Іоганъ Лейтманъ и позже—Андрей Нартовъ, получившій въ 1740 году даже званіе совѣтника при Главной Артиллеріи!

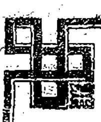
Во второй половинѣ XVIII вѣка снова встрѣчаемъ періодъ усиленной дѣятельности по развитію русской артиллеріи.

Въ 1756 году Генералъ-фельдцейхмейстеромъ былъ назначенъ генералъ-аншефъ графъ П. И. Шуваловъ, при чемъ въ Высочайше конфирмованномъ 31 мая докладѣ Конференціи приводятся очень характерные мотивы самаго назначенія: «Артиллерія, не имѣвъ многіе годы сряду главнаго командира (*)—говорится въ докладѣ,—при частыхъ перемѣнахъ нижнихъ командировъ, для случающихся притомъ почти неминуемо многихъ неисправностей и упущеній, нынѣ въ такое слабое и невыгодное состояніе пришла, что вмѣсто нужнаго теперь поправленія можетъ до того дойти, что и самое поправленіе, буде не весьма поздно, то однакожъ крайне трудно будетъ»!

Изъ этого можно видѣть, въ какомъ положеніи застало русскую артиллерію назначеніе новаго Генералъ-фельдцейхмейстера,

(*) То есть Генералъ-фельдцейхмейстера; предшественникъ Шувалова Репнинъ умеръ въ 1748 г..

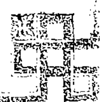
и слѣдовательно какъ много должна была быть обязана послѣдняя его полезной дѣятельности.

Графъ Шуваловъ, подобно своимъ предшественникамъ, не былъ также собственно артиллеристомъ, и въ упомянутомъ назначеніи конечно не малую роль играло вліяніе его при тогдашнемъ дворѣ; тѣмъ не менѣе въ немъ нельзя не подмѣтить той, такъ сказать, артиллерійской жилки, и притомъ даже сильной, которой и слѣдовъ не было у его предшественниковъ (кромѣ развѣ Гинтера) и которая, въ связи съ здравымъ взглядомъ Шувалова на современныя артиллерійскія требованія, вызвала его на усиленную дѣятельность въ этой области.

Доказательствами указанной наклонности можетъ служить уже то, что нѣкоторыя артиллерійскія нововведенія Шувалова ведутъ свое начало еще до его назначенія Генералъ-фельдцейхмейстеромъ, такъ что, напр., въ вышеупомянутомъ представленіи Конференціи личность графа выставляется, какъ дѣятеля, уже себя заявившаго: — «Онъ, изобрѣтеніемъ весьма полезной, всѣмъ сенатомъ и генералитетомъ освидѣтельствованной и конфирмованной гаубицы, уже столько оказалъ къ артиллерійскому искусству тщанія, охоты и самаго знанія, что непремѣнно надѣяться можно, что его попеченіемъ, а паче примѣромъ, подчиненные ободрены и побуждены будутъ искусство и труды къ тому простирать, чтобы славное великой Елисаветы царствованіе новыми полезными изобрѣтеніями блистаніе получило».

Естественно, что съ назначеніемъ Шувалова на постъ главы артиллеріи задатки его новаторской дѣятельности нашли себѣ полный, можно сказать даже неограниченный просторъ, но къ чести того же Шувалова надобно сказать, что, несмотря на свое всесильное положеніе, онъ далеко не претендовалъ на непогрѣшимость своего авторитета; онъ напр. не только не

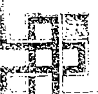
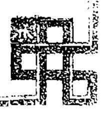

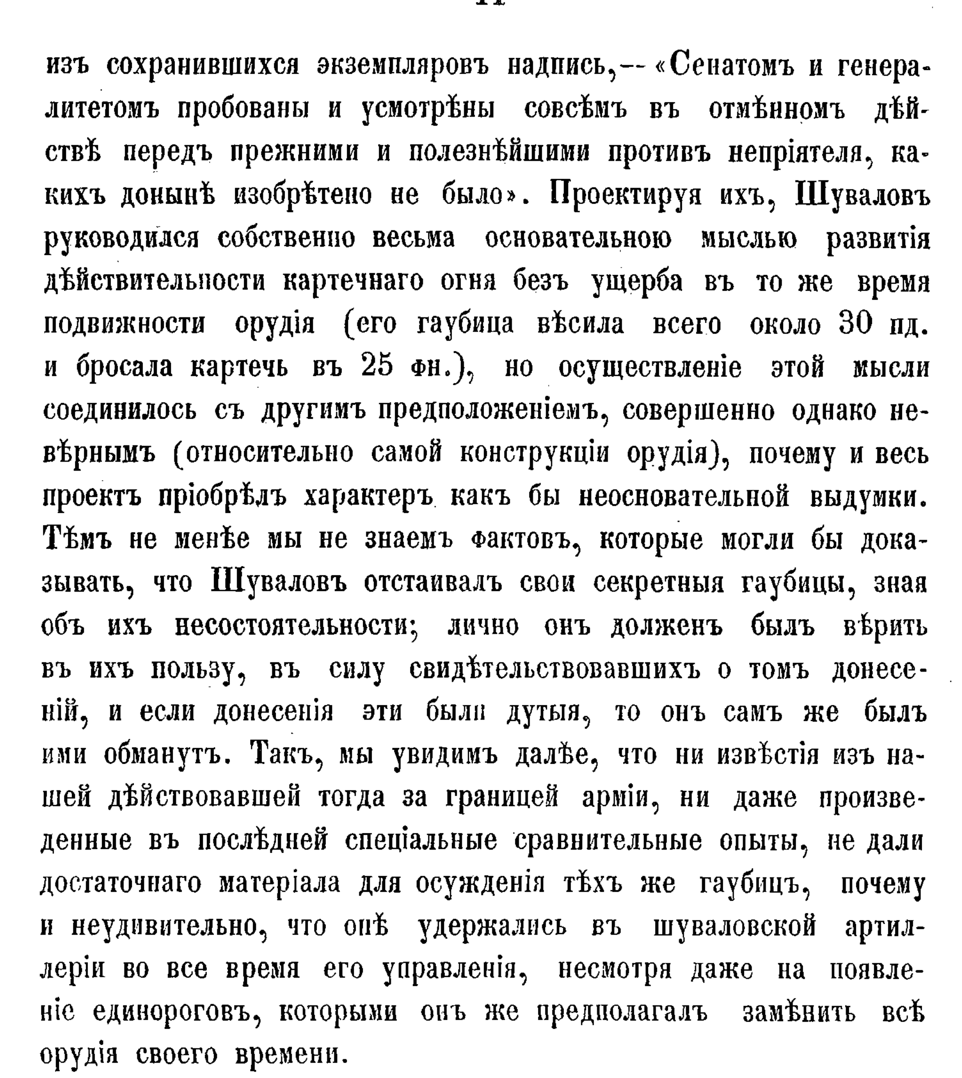

уклонялся отъ различныхъ сравнительныхъ опытовъ надъ введенными уже орудіями, но и призывалъ къ соучастію въ разработкѣ разныхъ техническихъ артиллерійскихъ вопросовъ тогдашнія наличныя силы подвѣдомственной ему артиллеріи. Поэтому было бы неосновательно смотрѣть на Шувалова, какъ на вельможнаго прожектера, злоупотреблявшаго своимъ вліяніемъ для осуществленія разныхъ техническихъ затѣй, и если въ числѣ его артиллерійскихъ изобрѣтеній нѣкоторыя впослѣдствіи оказались не совсѣмъ удачными, то причина тому кроется скорѣе въ заблужденіи, въ которое его самого вводили неправильные или невѣрно освѣщенные результаты испытаній тѣхъ или другихъ его проектовъ, безусловно восхвалявшихся въ угоду всесильному любимцу Императрицы.

Нововведенія Шувалова имѣли участь не одинаковую, при чемъ болѣе позднія изъ нихъ оказались наиболѣе удачными; какъ извѣстно, единороги его удержались у насъ вплоть до появленія нарѣзной артиллеріи.

Первыми, по порядку ихъ появленія, были секретныя гаубицы, имѣвшія назначеніемъ дѣйствовать картечью, а нѣсколько позже и другими снарядами, но особой (овальной) формы; орудію придана была весьма своеобразная конструкція, именно — овальный каналъ съ таковымъ же раструбомъ въ дулѣ и цилиндрической каморой (впослѣдствіи измѣненной въ коническую), въ чемъ и заключался весь секретъ его устройства: предполагалось, что при подобномъ видѣ канала картечныя пули будутъ разлетаться болѣе въ стороны, чѣмъ вверхъ, и слѣдовательно непріятельскій фронтъ будетъ подвергаться гораздо большему пораженію, чѣмъ отъ картечи изъ орудій обыкновенныхъ. Гаубицы эти появились уже въ 1753 году, т. е. еще до назначенія Шувалова Генералъ-фельдцейхмейстеромъ, и были, какъ гласитъ вырѣзанная на одномъ

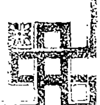

изъ сохранившихся экземпляровъ надпись,—«Сенатомъ и генералитетомъ пробованы и усмотрѣны совсѣмъ въ отмѣнномъ дѣйствѣ передъ прежними и полезнѣйшими противъ непріятеля, какихъ донынѣ изобрѣтено не было». Проектируя ихъ, Шуваловъ руководился собственно весьма основательною мыслью развитія дѣйствительности картечнаго огня безъ ущерба въ то же время подвижности орудія (его гаубица вѣсила всего около 30 пд. и бросала картечь въ 25 фн.), но осуществленіе этой мысли соединилось съ другимъ предположеніемъ, совершенно однако невѣрнымъ (относительно самой конструкціи орудія), почему и весь проектъ пріобрѣлъ характеръ какъ бы неосновательной выдумки. Тѣмъ не менѣе мы не знаемъ фактовъ, которые могли бы доказывать, что Шуваловъ отстаивалъ свои секретныя гаубицы, зная объ ихъ несостоятельности; лично онъ долженъ былъ вѣрить въ ихъ пользу, въ силу свидѣтельствовавшихъ о томъ донесеній, и если донесенія эти были дутыя, то онъ самъ же былъ ими обманутъ. Такъ, мы увидимъ далѣе, что ни извѣстія изъ нашей дѣйствовавшей тогда за границей арміи, ни даже произведенные въ послѣдней спеціальные сравнительные опыты, не дали достаточнаго матеріала для осужденія тѣхъ же гаубицъ, почему и неудивительно, что онѣ удержались въ шуваловской артиллеріи во все время его управленія, несмотря даже на появленіе единороговъ, которыми онъ же предполагалъ замѣнить всѣ орудія своего времени.

Вслѣдъ за секретными гаубицами появились въ 1757 году, такъ называвшіяся, «близнята»; новое орудіе представляло собою двѣ вмѣстѣ слитыя, помѣщавшіяся на одномъ лафетѣ легкія гаубицы 6-фн. калибра, имѣвшія дѣйствовать гранатами, каркасами и картечью. Назначая эти орудія исключительно для полковой артиллеріи (по 4 на полкъ), Шуваловъ имѣлъ въ виду и

въ этомъ случаѣ усиленіе картечнаго огня (вчетверо сравнительно съ 3-фн. полковыми пушками), а также увеличеніе дѣйствительности стрѣльбы гранатами, получавшейся весьма слабою изъ тѣхъ мортирокъ, которыя имѣлись при лафетахъ полковыхъ пушекъ. Въ то же время «близнята» обладали и большою подвижностью, такъ какъ собственно орудіе вѣсило всего $11\frac{1}{2}$ пд. и возилось на парѣ лошадей.

Но наиболѣе важнымъ проектомъ Шувалова являются предложенныя имъ въ томъ же 1757 г. длинныя гаубицы съ коническими каморами, получившія отъ своего изобрѣтателя названіе единороговъ и назначавшіяся для стрѣльбы всѣми родами снарядовъ какъ сплошными, такъ разрывными, зажигательными и проч.. Введенію ихъ Шуваловъ придавалъ огромное значеніе и предполагалъ замѣнить ими всѣ орудія, какъ видно даже и свои вышеупоминавшіеся «близнята», въ виду чего и самые единороги явились весьма разнообразныхъ калибровъ (*); вотъ напр. какія выгоды этихъ орудій выставлялись самимъ же Шуваловымъ: относительно единорога двухкартаунгаго (96-фн.) онъ говорилъ, что подобное орудіе, не уступая въ дѣйствительности выстрѣловъ 24-фн. пушкѣ, имѣетъ огромное преимущество, обладая сильнымъ разрывнымъ дѣйствіемъ своихъ снарядовъ,—обстоятельство

(*) Въ именномъ указѣ 1760 г., по поводу сравнительныхъ опытовъ надъ системой Шувалова, калибры и соотношеніе единороговъ къ старымъ орудіямъ указывались слѣдующіе:

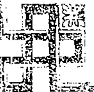
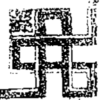
«Двукартаунный (96-фн.) единорогъ, вѣсомъ 112 пд., верстается съ 2-пд. мортирой.

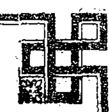
1-карт. (48-фн.) единорогъ, вѣсомъ 60 пд., верстается съ 12-фн. пушкой и съ 1-пд. гаубицей.

$\frac{1}{2}$-карт. (24-фн.) единорогъ, вѣсомъ 30 пд., верстается съ 8-фн. (72 пд.) и 6-фн. (56 пд.) пушками и еще съ $\frac{1}{2}$-пд. гаубицей.

12-фн. единорогъ верстается съ 3-фн. пушкой (17 пд.).

8-фн. (вѣсомъ 11 пд.) и 3-фн. (вѣсомъ 7 пд.) единороги верстаются съ 3-фн. пушкой».

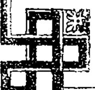
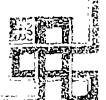

крайней важности при прицѣльной стрѣльбѣ по землянымъ насыпямъ; картечь единорога заключаетъ гораздо больше пуль; единорогъ можетъ замѣнить тогдашнюю 2-пд. мортиру, стрѣлявшую только навѣсно. Подобныя же выгоды выставлялись въ пользу единороговъ и другихъ калибровъ, сравнительно съ соотвѣтственными калибрами прежнихъ орудій. Такъ напр. Шуваловъ передаетъ объ опытѣ, произведенномъ въ 1757 году для сравненія дѣйствія картечи ½-картаунпаго (24-фн.) единорога съ ½-пд. гаубицей (старой): съ разстоянія 100 сж. изъ обоихъ орудій было выпущено по 714 пуль,— изъ единорога попало въ мишень 281, а изъ гаубицы 15 (!), при чемъ гаубицу заряжали вдвое болѣе времени (вѣроятно по причинѣ разности устройства каморъ). Затѣмъ единороги 12-фн. и 8 фн. калибровъ, сравнительно съ 3-фн. пушками, имѣли передъ послѣдними слѣдующее преимущество: 12-фн. единорогъ, дѣйствуя гораздо сильнѣе картечью, стрѣлялъ сверхъ того разрывными снарядами (10-фн. гран.) лучше, чѣмъ пушка своими 3-фн. ядрами, и слѣдовательно помѣщеніе мортирокъ на боевой оси лафетовъ полковыхъ орудій дѣлалось совершенно излишнимъ; единорогъ 8-фн. калибра, будучи вѣсомъ гораздо легче даже 3 фн. пушки и немного уступая ей въ дѣйствительности своихъ выстрѣловъ (кромѣ однако картечи, которая въ немъ была сильнѣе), имѣлъ лафетъ разборный, почему такой единорогъ получалъ возможность дѣйствовать вездѣ, и даже тамъ, куда нельзя провезти 3-фн. пушку.

Изъ этого можно видѣть, что калибры шуваловскихъ единороговъ находились въ весьма широкихъ предѣлахъ, начиная съ тяжелыхъ орудій осадной артиллеріи и кончая легкими орудіями полковой.

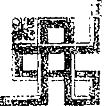
Въ какомъ размѣрѣ удалось Шувалову ввести на дѣлѣ свои новыя орудія, въ точности еще не выяснено, но, какъ видно, достигнуть

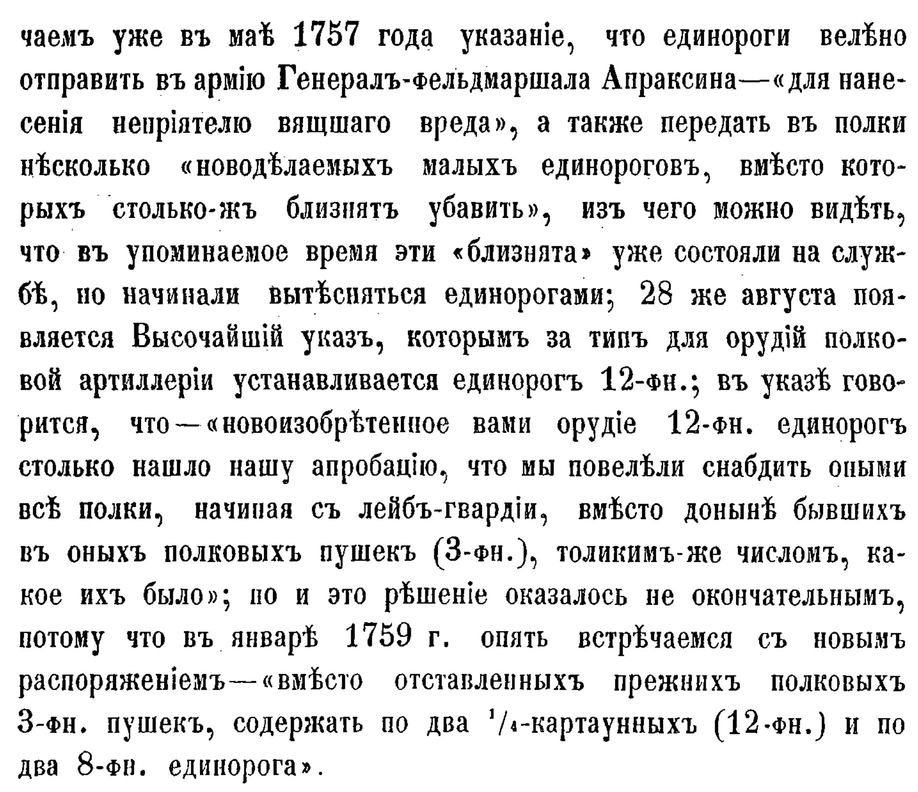

того вполнѣ онъ не успѣлъ, вѣроятно по причинѣ непродолжительной своей дѣятельности; со смертью же его (въ январѣ 1762 г.), дѣло артиллерiйской реформы частью совсѣмъ заглохло, частью же остановилось на полумѣрахъ. Изъ имѣющихся по этому предмету свѣдѣнiй видно, что относительно секретныхъ гаубицъ въ 1754 г. состоялось сенатское распоряженiе заготовить ихъ всего 69, но въ 1756 г. и это число ихъ сокращено, а признано достаточнымъ — «сдѣлать и содержать только по числу полевыхъ пѣхотныхъ полковъ, а именно — 50», при чемъ рекомендовалось ихъ отнюдь не разбивать по полкамъ, а держать при паркахъ полевой артиллерiи; указывалось также, чтобы подъ этими гаубицами были непремѣнно крѣпкiе лафеты и хорошiя лошади (за послѣднихъ велѣно платить по 30 рублей), для устраненiя всякихъ препятствiй въ быстромъ и полезномъ употребленiи упоминаемыхъ орудiй. Въ сентябрѣ 1758 г. секретныя гаубицы встрѣчаемъ и при гвардейскихъ пѣхотныхъ полкахъ, гдѣ ихъ велѣно содержать — «вмѣсто прежнихъ ½-пудовыхъ, соединяя партiями обще съ единорогами». Личный составъ при нихъ былъ особый: первоначально при 69 гаубицахъ были назначены состоять одинъ подполковникъ съ нѣсколькими офицерами, 69 бомбардировъ и 276 гатлангеровъ бомбардирскихъ, т. е. по 5 человѣкъ на орудiе, но въ 1756 году число это было нѣсколько увеличено. Сюда выбирались люди самые лучшiе и надежные, ибо конструкцiя гаубицъ охранялась, какъ государственный секретъ, напр., дуло орудiя постоянно скрывалось подъ чехломъ, прислуга обязывалась присягою хранить ввѣренную имъ тайну, и т. п.; извѣстно, наконецъ, что эти секретныя гаубицы участвовали и въ заграничной кампанiи, веденной нашими войсками противъ Пруссiи, при чемъ нѣсколько ихъ попало въ плѣнъ къ Фридриху Великому.

Относительно двухъ другихъ проектовъ Шувалова встрѣ-

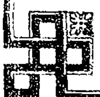
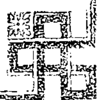

чаемъ уже въ маѣ 1757 года указаніе, что единороги велѣно отправить въ армію Генералъ-фельдмаршала Апраксина—«для нанесенія непріятелю вящшаго вреда», а также передать въ полки нѣсколько «новодѣлаемыхъ малыхъ единороговъ, вмѣсто которыхъ столько-жъ близнятъ убавить», изъ чего можно видѣть, что въ упоминаемое время эти «близнята» уже состояли на службѣ, но начинали вытѣсняться единорогами; 28 же августа появляется Высочайшій указъ, которымъ за типъ для орудій полковой артиллеріи устанавливается единорогъ 12-фн.; въ указѣ говорится, что—«новоизобрѣтенное вами орудіе 12-фн. единорогъ столько нашло нашу апробацію, что мы повелѣли снабдить оными всѣ полки, начиная съ лейбъ-гвардіи, вмѣсто донынѣ бывшихъ въ оныхъ полковыхъ пушекъ (3-фн.), толикимъ-же числомъ, какое ихъ было»; но и это рѣшеніе оказалось не окончательнымъ, потому что въ январѣ 1759 г. опять встрѣчаемся съ новымъ распоряженіемъ—«вмѣсто отставленныхъ прежнихъ полковыхъ 3-фн. пушекъ, содержать по два ¹/₄-картаунныхъ (12-фн.) и по два 8-фн. единорога».

Такимъ образомъ, какъ видно, по крайней мѣрѣ относительно полковой артиллеріи, вопросъ о нормальномъ вооруженіи довольно долго не получалъ даже и надлежащей устойчивости.

Въ свое время шуваловскія нововведенія надѣлали не мало шума и нетолько въ сферахъ военныхъ внутри Россіи, но даже за границей, при чемъ о достоинствахъ ихъ какъ у насъ дома, такъ и при иностранныхъ дворахъ, были высказаны самыя противоположныя мнѣнія. Высочайшимъ указомъ, въ ноябрѣ 1758 г., графу Шувалову, въ виду заявленнаго черезъ графа Эстергази желанія «Римской императрицы и королевы» ознакомиться съ новыми орудіями, предписывалось—«Повелѣваемъ вамъ не токмо секретъ сихъ орудій открыть, но по нѣсколько и самихъ ихъ къ

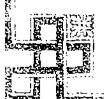

вѣнскому двору отправить», вслѣдствіе чего нѣсколько секретныхъ гаубицъ и единороговъ дѣйствительно въ 1759 г. были доставлены въ Вѣну, вмѣстѣ съ русскою при нихъ командою и офицерами. Результаты испытанія этихъ орудій въ Вѣнѣ оказались крайне удачными: — «по учиненнымъ въ присутствіи обоихъ Императорскихъ Величествъ опытамъ, особливое ихъ дѣйствіе всѣхъ смотрителей въ немалое удивленіе привело», вслѣдствіе чего орудія было положено даже отправить въ дѣйствовавшую австрійскую армію и ходатайствовали о разрѣшеніи послать съ ними же состоявшую при орудіяхъ русскую команду.

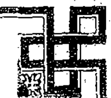
Но съ другой стороны извѣстно также, что когда въ 1758 г. Фридрихъ Великій захватилъ въ плѣнъ 20 шуваловскихъ гаубицъ въ Цорндорфскомъ сраженіи, то онъ поставилъ ихъ на выставку въ Берлинѣ, подъ ироническимъ объявленіемъ — «секретъ русскихъ»!

Не менѣе противоположныя мнѣнія циркулировали и въ русскихъ военныхъ кружкахъ, хотя оппозиція была конечно подпольною и опиралась, главнымъ образомъ, на нѣмецкую служилую партію, насчитывавшую не мало своихъ поборниковъ въ тогдашнемъ личномъ составѣ русской артиллеріи. Открыто мало кто отваживался порицать шуваловскія орудія, но тѣмъ не менѣе подъ рукою распускались всевозможные неблагопріятные толки, которые настолько распространились въ разныхъ слояхъ общества, что вызвали наконецъ офиціальное вмѣшательство правительства: была предпринята цѣлая серія сравнительныхъ опытовъ надъ старыми и новыми орудіями, состоявшими въ нашей дѣйствовавшей за границей арміи, и кромѣ того затребованы письменныя «реляціи» отъ высшаго генералитета той же арміи, въ качествѣ лицъ, имѣвшихъ случай видѣть боевое употребленіе состоявшей подъ ихъ командою артиллеріи.

4

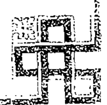

На «реляціяхъ» этихъ, довольно любопытныхъ для своего времени и составлявшихъ повидимому немаловажный секретъ (онѣ даже сохранялись въ особыхъ запечатанныхъ конвертахъ, съ надписью «безъ приказу не распечатывать»), нельзя нѣсколько не остановиться.

Именными **Высочайшими** рескриптами въ февралѣ 1760 года повелѣно было генералъ-аншефамъ Броуну и князю Голицыну и генералъ-поручикамъ графу Чернышеву, Бороздину и Панину, изъ которыхъ только одинъ Бороздинъ принадлежалъ къ артиллерійскому вѣдомству,—«подать о преимуществахъ между старой и новой артиллеріи объясненіе»; «доставленныя ими Императрицѣ «реляціи» представляютъ три группы:

Графъ Чернышевъ и князь Голицынъ уклонились отъ прямого отвѣта, подъ предлогомъ незнанія артиллеріи. Чернышевъ писалъ, что не имѣетъ—«ни такого большаго свѣдѣнія, ни такого большаго искусства въ артиллерійской наукѣ, чтобы такое важное дѣло описать могъ, и потому видитъ себя не въ состояніи», но прибавилъ все-таки, что въ сраженіи при Цорндорфѣ 12-фн. единороги дѣйствовали весьма хорошо, и кромѣ того онъ имѣлъ случай лично видѣть одинъ весьма удачный выстрѣлъ шуваловской гаубицы противъ непріятельской кавалеріи. Въ томъ же родѣ отвѣчалъ и Голицынъ, что онъ, «не знавъ искусства артиллеріи, точно донесть не въ состояніи», но также прибавилъ, что въ обѣ кампаніи артиллерія при арміи «производила самое желаемое дѣйство»!

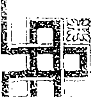
Броунъ и Бороздинъ явились безусловными поборниками новыхъ орудій. Отъ послѣдняго изъ нихъ (въ качествѣ начальника всей артиллеріи при заграничной арміи) Императрица требовала объясненій, по поводу заявленія генералъ-фельдмаршала Салтыкова, будто лафеты подъ шуваловскими орудіями крайне непроч-

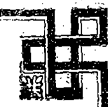

ны, да и самые артиллеристы «не довольно прилежны въ прицѣливаніи орудій», въ опроверженіе чего Бороздинъ приводилъ однако довольно вѣскія доказательства; онъ сообщалъ, что напр. въ сраженіи при Пальцигѣ изъ 36-ти шуваловскихъ гаубицъ было сдѣлано 1074 выстрѣла, но поврежденія оказались только въ четырехъ лафетахъ (не помѣшавшія впрочемъ ихъ дѣйствію до самаго конца сраженія); что въ томъ же дѣлѣ, изъ шести единороговъ 48-фн. было сдѣлано 353 выстрѣла, и повредился лишь одинъ лафетъ (послѣ баталіи починенъ), а изъ семнадцати единороговъ 24-фн. выпущено 557 снарядовъ, и попортились только три лафета, также однако дѣйствовавшіе до окончанія дѣла; наконецъ, еще случай поломки лафета былъ въ одной 12-фн. пушкѣ, но этимъ вся порча лафетовъ и исчерпывается, такъ какъ во всѣхъ прочихъ орудіяхъ какъ въ старыхъ, такъ и новыхъ, несмотря на многое число сдѣланныхъ изъ нихъ выстрѣловъ, лафеты выдержали огонь вполнѣ исправно. Равнымъ образомъ какъ въ сраженіи при Франкфуртѣ, такъ и вообще во всѣхъ походныхъ движеніяхъ, они сохранились въ полной цѣлости.

Что же касается упрека «въ недовольной прилежности прицѣливанія», то подобное обвиненіе Бороздинъ признавалъ совершенно несправедливымъ, ссылаясь какъ на неоднократныя изъявленія благодарности отъ Генералъ-фельдцейхмейстера за отличное дѣйствіе русскихъ орудій, успѣвавшихъ сбивать непріятельскія батареи съ такихъ разстояній, съ которыхъ тѣ не могли даже еще вредить нашимъ, такъ равнымъ образомъ и на реляціи самого же генералъ-фельдмаршала,—«не оставившаго приписать новой артиллеріи достойную рекомендацію» (въ реляціи отъ 2 августа 1759 г. о Франкфуртскомъ сраженіи, графъ Салтыковъ напр. доносилъ: «Весь артиллерійскій корпусъ заслуживаетъ, чтобъ я особливое **Вашему Императорскому Величеству** подалъ свидѣтельство,

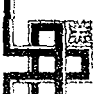

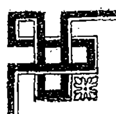
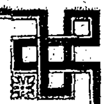

какъ ужасному дѣйству орудій, такъ и искусству и ревности дѣйствовавшихъ оными»); наконецъ, то же самое засвидѣтельствовано и въ главномъ армейскомъ журналѣ. Въ заключеніе Бороздинъ выставляетъ на видъ, что примѣчанія достойно, какъ въ сраженіяхъ подъ Пальцигомъ и Франкфуртомъ артиллеристы, «не взирая ни на какіе страхи, съ невѣроятной скоростью батареи уставляли и искуснымъ навожденіемъ орудія черезъ свой фрунтъ вредили войски и батареи непріятельскія».

Поддерживая вполнѣ Бороздина, генералъ-аншефъ Броунъ, какъ участникъ обѣихъ кампаній, свидѣтельствовалъ о гораздо сильнѣйшей дѣйствительности новыхъ орудій, сравнительно со старыми, какъ на дистанціяхъ дальнихъ, такъ и при дѣйствіи картечью на ближнихъ; въ доказательство мѣткости нашихъ выстрѣловъ Броунъ приводилъ свои личныя наблюденія, какъ напр.: еще до начала Цорндорфскаго сраженія онъ, замѣтивъ вдали на высотѣ, за третьей непріятельской линіей, скопленіе конныхъ всадниковъ, приказалъ открыть по нимъ огонь изъ единороговъ, при чемъ брошенныя бомбы попали прямо въ упомянутую толпу и съ урономъ ее разсѣяли; другой примѣръ онъ же указывалъ въ дѣлѣ при Гросъ-Эгерсдорфѣ, когда при атакѣ непріятельской кавалеріей праваго крыла арміи, гдѣ находилась дивизія Броуна, нашей пѣхотѣ не пришлось выпустить ни одного патрона, потому что та кавалерія—«единственно одною артиллеріею (шуваловскія гаубицы и единороги) разбита и испровержена была, а часть оставшей убѣжавъ скрылась въ лѣсъ». Наконецъ Броунъ писалъ, что во время командованія имъ Обсерваціоннымъ корпусомъ артиллерія послѣдняго (состоявшая исключительно изъ новыхъ орудій) подвергалась испытаніямъ во многихъ маршахъ и дѣйствіяхъ, при чемъ ей случалось (какъ напр. подъ Кистриномъ) производить безостановочный огонь въ теченіе болѣе чѣмъ десяти часовъ,

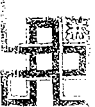
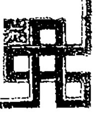

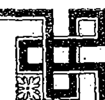
и при всемъ томъ однако ни одинъ лафетъ не получилъ серьезнаго поврежденія, да и малыя были крайне рѣдки.

До извѣстной степени противъ орудій Шувалова высказался однако самъ генералъ-фельдмаршалъ Салтыковъ и Панинъ. Графъ Салтыковъ заявилъ черезъ послѣдняго, что считаетъ необходимымъ оставить въ дѣйствующей арміи хотя часть старыхъ орудій, такъ какъ: 1) взятые изъ строя люди, въ случаѣ убыли настоящихъ артиллеристовъ, стрѣляютъ изъ старыхъ пушекъ лучше, чѣмъ изъ новыхъ, и—«приходятъ въ нерасторопность» отъ большаго отката послѣднихъ; 2) лафеты и ящики новыхъ орудій непрочны и требуютъ большаго числа лошадей; 3) при новыхъ орудіяхъ затрудняется пользованіе непріятельскими зарядами, которые приходится для этого передѣлывать; такъ было напр. въ кампанію 1759 г., когда послѣ двухъ генеральныхъ баталій наша артиллерія разстрѣляла почти весь свой комплектъ и принуждена была пополниться на счетъ запасовъ, оказавшихся къ счастію захваченными у непріятеля.

Передавая мнѣніе Салтыкова, генералъ-поручикъ Панинъ добавлялъ съ своей стороны, что,—«не имѣвъ случая искусства артиллерійскаго ни самой первѣйшей части учиться и не бывавши никогда на сравнительныхъ пробахъ», онъ (Панинъ) можетъ только подтвердить уже сказанное Салтыковымъ (въ первомъ и второмъ пунктахъ), и хотя дѣйствіе единороговъ гораздо сильнѣе, чѣмъ пушекъ, но—«вкругъ тѣхъ единороговъ деревянные снаряды (sic) требуютъ нѣкотораго поправленія какъ для лучшей прочности, такъ и къ облегченію въ возкѣ, особливо ящики, кои въ ходу весьма широки и гораздо тягостны».

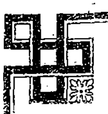
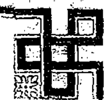
Всѣ эти «реляціи» поступили на разсмотрѣніе Конференціи, а отсюда на заключеніе того же Шувалова. Въ своемъ докладѣ по этому поводу, послѣдній, сдѣлавъ нѣсколько колкихъ замѣчаній по

адресу Голицына и Панина (какъ напр., что—«примѣтилъ ли господинъ генералъ-аншефъ (Голицынъ) хотя то, столько ли старая артиллерія желаемое дѣйство могла производить, какъ новая, ибо онъ о семъ столько же коротко сказалъ, какъ и объ незнаніи артиллерійскаго искусства», или что—«правильное и похвальное откровеніе, что онъ (Панинъ) артиллерійской науки не знаетъ, но похвально бы было и то, когда чево не знать, о томъ и не говорить»), представилъ длинное возраженіе на замѣчанія своихъ противниковъ. Онъ писалъ напр., что собственно артиллерійскіе канониры, несмотря на недостатокъ времени, быстро усвоивали себѣ обращеніе съ новыми орудіями, для службы при которыхъ никакой особой науки не требуется, а большей привычкѣ простыхъ солдатъ къ старымъ пушкамъ нельзя же придавать серьезнаго значенія, такъ какъ бывали и такія времена, когда стрѣляли изъ фитильныхъ ружей съ подсошекъ, а между тѣмъ пришлось же перейти къ новымъ ружьямъ кремневымъ; что откатъ единороговъ вовсе не таковъ, чтобы наводить страхъ на прислугу; что о поврежденіи лафетовъ и ящиковъ нигдѣ, ни въ реляціяхъ, ни въ журналахъ, не упоминается, и ему (Шувалову) не доносилось, а исключительные, единичные случаи поломокъ возможны вездѣ и всегда; что разсчитывать на непріятельскіе заряды «худая надежда», а лучше было бы своевременно обратить вниманіе на тѣ мѣропріятія, которыя предлагались Шуваловымъ же для обезпеченія запасовъ арміи, но остались безъ исполненія (учрежденіе крѣпости-склада и пр.), и тогда—«никакой худобы, ниже о томъ впредь надежду полагать снабдевать себя непріятельскими зарядами, господину Генералъ-Фельдмаршалу разсуждать поводу не было»; наконецъ, на неясное замѣчаніе Панина о «деревянныхъ снарядахъ» при единорогахъ, Шуваловъ, колко указавъ, что таковыхъ при орудіяхъ не полагается, но

вѣроятно рѣчь идетъ о лафетахъ, ящикахъ и колесахъ, возражалъ, что прочность лафетовъ доказана на дѣлѣ, а ящики тѣ же, какіе были и при старыхъ полковыхъ пушкахъ, и т. д..

Что касается до упомянутыхъ выше сравнительныхъ опытовъ надъ старой и новой артиллеріей, произведенныхъ при заграничной арміи Салтыкова, то таковые происходили въ январѣ 1760 г. при Маріенвердерѣ, во время зимовки нашихъ войскъ въ Великомъ герцогствѣ Познанскомъ, для чего туда былъ спеціально командированъ артиллеріи генералъ-поручикъ Глѣбовъ. Опыты производились надъ секретными гаубицами, а также всѣхъ калибровъ единорогами, и продолжались четыре дня, при чемъ оказавшіеся результаты засвидѣтельствованы подписями 160 лицъ и самимъ фельдмаршаломъ Салтыковымъ.

Не имѣя возможности вдаваться здѣсь въ какія либо цыфровыя подробности, упомянемъ только, что въ послѣдовавшемъ затѣмъ 16 февраля именномъ указѣ, къ которому во всеобщее свѣдѣніе были (на цѣлыхъ шести листахъ) приложены результаты сказанныхъ опытовъ, прямо говорилось—«Понеже произносились нѣкоторые неосновательные слухи, клонящіеся къ уменьшенію той пользы, какую дѣйствительно приноситъ новоизобрѣтенная нашимъ Генералъ-фельдцейхмейстеромъ графомъ Шуваловымъ артиллерія, то хотя послѣ доказаннаго и утвержденнаго превосходства оной передъ старою, не заслуживали бъ помянутые слухи уваженія, однакожъ, дабы и оные единожды пресѣчь и всякое сумнительство истребить, указали мы ......» и т. д.; ссылаясь же на приложенные результаты, какъ на ясное доказательство превосходства новой артиллеріи, указъ говоритъ, «что нѣтъ ни одного такого изъ новоизобрѣтенныхъ орудій, которое-бъ знатнымъ образомъ во всемъ не превосходило старыхъ».

Мы должны были остановиться на приведенныхъ подробно-

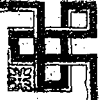

стяхъ, такъ какъ ими хотя нѣсколько иллюстрируется этотъ весьма интересный, но недостаточно еще разработанный періодъ русской артиллеріи, который, безъ сомнѣнія, закончился бы полнымъ перерожденіемъ послѣдней, еслибы управленіе Шувалова было болѣе продолжительно. Тѣмъ не менѣе въ теченіе своего шестилѣтняго прибыванія Генералъ-фельдцейхмейстеромъ Шуваловъ успѣлъ сдѣлать не мало существенно полезныхъ преобразованій; такъ напр., независимо отъ обязанныхъ ему своимъ появленіемъ единороговъ, имъ же введено всеобщее употребленіе картузовъ къ зарядамъ и шпиглей, отмѣнено заряжаніе шуфлой, введено употребленіе скорострѣльныхъ трубокъ, брандкугелей и свѣтящихъ ядеръ; сдѣланъ весьма важный шагъ по организаціи собственныхъ перевозочныхъ средствъ артиллеріи, такъ какъ со временъ Шувалова подъ полевую артиллерію полагаются уже лошади не наемныя, а казенныя (хотя въ мирное время артиллерія ими и не пользовалась), при чемъ погонщики (фурлейты) и разные мастеровые, какъ-то шорники, сѣдельники, коновалы и проч., были соединены въ общую команду, раздѣленную на три роты и получившую названіе фурштата, подъ общимъ начальствомъ шталмейстера; этимъ Шуваловъ даже опередилъ артиллеріи всѣхъ прочихъ государствъ. Кромѣ того при немъ же (1757 г.) получилъ новую организацію и личный составъ полевой артиллеріи: образованы два артиллерійскіе полка, каждый въ составѣ двухъ баталіоновъ изъ одной бомбардирской и 4-хъ канонирскихъ ротъ, для службы какъ при полевой, такъ и при осадной артиллеріи; образована особая команда (изъ трехъ отдѣльныхъ ротъ, съ фурштатомъ же) при новоизобрѣтенныхъ секретныхъ гаубицахъ, а съ прибавленіемъ къ послѣднимъ единороговъ команда эта (1758 г.) доведена до 5-ротнаго состава, съ подраздѣленіемъ каждой роты на семь «партій» (по 2 гаубицы и 1 единорогу), и пон-

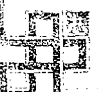
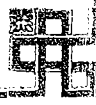

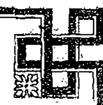
тонная рота съ 117 понтонами. Вообще, къ чести Шувалова надобно сказать, что дѣятельность его коснулась всѣхъ сторонъ современной ему артиллеріи, и къ одной изъ существенныхъ заслугъ его можетъ быть отнесено также окончательное уничтоженіе довольно крупнаго зла той эпохи—преимуществъ нѣмецкаго элемента въ нашей артиллеріи, относительно разныхъ повышеній и назначеній: Шуваловъ вывелъ въ своемъ вѣдомствѣ всякое различіе между русскими и иноземцами.

Хорошею же чертою его является и выказанное имъ радѣніе о внѣшней, такъ сказать, представительности своего рода оружія: наша полевая артиллерія, какъ было уже упомянуто ранѣе, имѣла со временъ Петра Великаго свое собственное артиллерійское знамя, возившееся на особой «телѣжкѣ» или «коляскѣ»; Шуваловъ въ 1760 году приказалъ соорудить для знамени роскошную парадную колесницу, со всѣми къ ней принадлежностями (*), и такъ какъ постройка ея потребовала огромныхъ, особенно для того времени, денегъ—4000 рублей, то онъ принялъ этотъ расходъ на свои собственныя средства, пожертвовавъ для того все свое по чину жалованье!

Наконецъ, можно прибавить еще, что, посвящая свои труды артиллерійской техникѣ, Шуваловъ поинтересовался и далекимъ прошлымъ русской артиллеріи; его инициативѣ обязано еще съ 1756 года начало централизаціи разныхъ «инвенторскихъ и курьезныхъ предметовъ», валявшихся въ забвеніи во многихъ монастыряхъ и учрежденіяхъ; предметы эти, вслѣдствіе испрошеннаго имъ Высочайшаго повелѣнія, начали свозиться въ артиллерію въ Петербургъ и образовали такимъ образомъ ядро, изъ котораго впослѣдствіи выросло наше столь замѣчательное по оби-

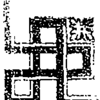
(*) Хранится понынѣ въ СПБ. Артиллерійскомъ музеѣ.

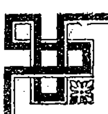

лію своихъ памятниковъ и единственное древлехранилище—нынѣшній Артиллерійскій музей.

Такимъ образомъ шуваловскій періодъ, несмотря на свою непродолжительность, является однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ и содержательныхъ, тѣмъ болѣе, что все время онъ сопровождался и внѣшними военными событіями, въ которыхъ русской артиллеріи приходилось играть весьма видную роль. Семилѣтняя война даетъ цѣлый рядъ боевыхъ заслугъ шуваловской артиллеріи, о которыхъ частью уже пришлось упомянуть выше и которыя, конечно, служили не малой наградой дѣятельному Генералъ-фельдцейхмейстеру, почему было бы несправедливо не коснуться ихъ здѣсь нѣсколько подробнѣе. Такъ, въ современныхъ журналахъ военныхъ дѣйствій читаемъ за 1757 годъ, что напр. при воинскихъ эволюціяхъ у мѣстечка Гуджаны—«дѣйствіе артиллеріи, а особливо новоизобрѣтенныхъ Генералъ-фельдцейхмейстеромъ графомъ Шуваловымъ орудій, было наиотличнѣйшее»; въ реляціи Апраксина о сраженіи при Гросъ-Эгерсдорфѣ говорится, что—«наша артиллерія, а особливо новоизобрѣтенныя шуваловскія гаубицы, такое притомъ имѣли дѣйствіе, что, заслуживая ему (Шувалову) справедливую похвалу, не токмо не допустили стремящагося непріятеля ворваться въ наши линіи, но паче кавалерію его въ крайнее привели смѣшеніе». Въ 1758 году Ферморъ, донося о баталіи при урочищѣ Фюрстенфельдъ, писалъ, что—«отъ нашей артиллеріи непріятель, а особливо кавалерія его, крайне много претерпѣла; оная приблизилась было къ намъ, дабы завести сраженіе, но такъ сильно артиллеріею встрѣчена была, что, перестраиваясь многократно для сравненія дѣланныхъ въ ней отъ великаго урону промежекъ, наконецъ, съ крайнимъ безпорядкомъ въ бѣгъ обратилась и пѣхоту свою равномѣрно къ ретирадѣ принудила». Въ донесеніяхъ изъ-подъ Бреславля 1760 года опять встрѣ-

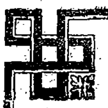
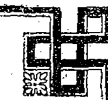

чаемъ—«огонь нашихъ батарей былъ такъ успѣшенъ, что не только съ непріятельскихъ батарей всѣ пушки сбиты и въ недѣйствіе приведены, но и самого непріятеля съ великимъ урономъ прогнали, и деревня, при которой батареи находились, совсѣмъ отъ ядеръ сожжена была», или—«неустрашимости и бодрости нашей пѣхоты, конницы и артиллеріи служителей, равно какъ и проворства въ стрѣльбѣ сихъ послѣднихъ, довольно описать не можно»!

Но этими общими отзывами еще далеко не исчерпывается рядъ доблестныхъ фактовъ боевой практики нашей, шуваловскаго времени, артиллеріи; сохранилось не мало и частныхъ эпизодовъ, одинаково характерныхъ въ указываемомъ отношеніи, которые хотя частью также заслуживаютъ быть упомянутыми. Такъ, въ 1758 году весь Кюстринъ былъ въ короткое время обращенъ, дѣйствіемъ нашихъ батарей, въ пепелъ, при чемъ первый пожаръ въ городѣ былъ произведенъ выстрѣлами изъ единороговъ; извѣстіе объ этомъ настолько обрадовало Шувалова, что онъ написалъ Фермору: «Упомянутое въ журналѣ вашемъ обстоятельство, что отъ четвертой изъ единорога брошенной бомбы въ городѣ загорѣлись......, тому, кто толь хорошо имъ дѣйствовалъ, годовое не въ зачетъ жалованье». Въ 1759 г. при рекогносцировкѣ окрестностей мѣстечка Львовска графъ Салтыковъ, замѣтивъ, что непріятель устраиваетъ батарею,—«приказалъ тотчасъ насупротивную построить, съ которой по непріятелю изъ картаунныхъ (48-фн.) единороговъ пальба съ такимъ успѣхомъ произведена, что онъ (непріятель) съ своей стороны не болѣе двухъ выстрѣловъ учинить могъ, но съ поспѣшностью пушки свои съ батарей свезъ». Въ сраженіи подъ Франкфуртомъ, генералъ-маіоръ Берхъ, встрѣтивъ густую непріятельскую колонну, открылъ по ней такой огонь изъ состоявшихъ при немъ полковыхъ пушекъ, «а наипаче—говорится въ журналѣ—даванными тогда

всѣмъ на сраженіе подводимымъ полкамъ изъ полевой артиллеріи единорогами и шуваловскими гаубицами», что непріятель былъ совершенно разсѣянъ. Затѣмъ напр. при занятіи Берлина въ 1760 г. графъ Чернышевъ приказалъ артиллеріи маіору Лаврову атаковать съ двумя ротами Вятскаго полка главную непріятельскую батарею, расположенную между городомъ и деревней Лихтенбургомъ; Лавровъ, взявъ четыре 12-фн. пушки и два 24-фн. единорога,—«данное ему повелѣніе такъ храбро и проворно исполнилъ, что при третьемъ выстрѣлѣ изъ единороговъ непріятельскіе ящики зажжены, и чрезъ то непріятель, съ крайнимъ поспѣшеніемъ оставя батарею, ретировался, оставивъ два орудія съ цѣлымъ ящикомъ зарядовъ».

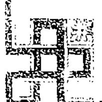
Подобныхъ примѣровъ можно было бы привести еще довольно, но мы должны ограничиться тѣмъ, что уже сказано. Припомнимъ еще только эпизодъ изъ сраженія подъ Кунерсдорфомъ (1759 г.), въ которомъ дѣйствія русской артиллеріи дали совершенно иной оборотъ исходу самаго дѣла. Извѣстно, что Фридрихъ фланговымъ движеніемъ успѣлъ атаковать наше лѣвое крыло съ тыла и, приведя въ безпорядокъ послѣднее, захватилъ въ плѣнъ 70 нашихъ орудій; торжество его однако было непродолжительнымъ, потому что на помощь успѣла явиться остальная артиллерія съ центра и съ праваго фланга: наши артиллеристы, оставивъ тамъ на позиціи тяжелыя 12-фн. и 6-фн. пушки, успѣли во-время прискакать съ одними единорогами и, открывъ огонь по непріятелю, остановили успѣхи послѣдняго, благодаря чему наши войска успѣли устроиться, и побѣда была вырвана изъ рукъ врага. Фридрихъ былъ, въ свою очередь, разбитъ на голову и потерялъ при этомъ 165 орудій.

Преждевременная смерть Шувалова помѣшала довести до окончанія или осуществить вполнѣ проектированныя имъ ре-

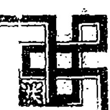

формы, преемникъ же его, новый Генералъ-фельдцейхмейстеръ Вильбоа (1762 г.) вовсе не сочувствовалъ идеямъ своего предшественника, почему не только не счелъ нужнымъ ими руководствоваться, но не замедлилъ даже уничтожить нѣкоторыя изъ шуваловскихъ нововведеній, какъ напр. изгнавъ сначала секретныя гаубицы, а затѣмъ и двухъ-картаунные единороги, замѣненные имъ (хотя и не надолго) 2-пд. мортирами. Поэтому въ русской артиллеріи послѣ Шувалова остались довольно рѣзкія несообразности, какъ напр.: въ ротахъ полевой артиллеріи, рядомъ съ тяжелой 12-фн. пушкой (вѣсомъ въ 182 пуда), возившейся на 15 лошадяхъ, находились 24-фн. единороги (вѣсомъ въ 60 пд.), запрягавшіеся шестью, и пушки 6-фн. (вѣсомъ 85 пд.)—семью лошадьми, обстоятельство, бросавшееся въ глаза даже современникамъ, которые говаривали, что соединять при такихъ условіяхъ 12-фн. пушку съ 1/2-пд. единорогомъ значитъ впрягать жеребца и вола къ одному дышлу; равнымъ образомъ и въ полковой артиллеріи—въ однихъ полкахъ было по четыре 3-фн. пушки, а въ другихъ по четыре 8-фн. единорога и проч.. Удачный опытъ возможности быстрой перемѣны позиціи единорогами, успѣвшими, какъ мы видѣли, подъ Кунерсдорфомъ перенестись во-время съ одного фланга позиціи на другой, создалъ даже, какъ пишетъ генералъ Ратчъ, особое выраженіе—дѣйствовать «по-Кунерсдорфски», т. е. оставлять тяжелыя, неповоротливыя орудія на мѣстныхъ батареяхъ, а при всякомъ движеніи въ боевыхъ линіяхъ выѣзжать только съ одними единорогами, что и практиковалось напр. въ румянцовскихъ и суворовскихъ войнахъ. Кромѣ того какъ при Вильбоа, такъ и при послѣдующихъ Генералъ-фельдцейхмейстерахъ, графахъ Орловѣ и Зубовѣ, вообще матеріальная часть нашей артиллеріи (не исключая орудій, снарядовъ и пороха), отличалась своимъ плохимъ состояніемъ и раз-

нообразіемъ, такъ что, напр., даже одноименные калибры орудій нерѣдко оказывались на дѣлѣ не одинаковыми; все это въ связи съ упадкомъ самой техники въ издѣліяхъ, упадкѣ практическихъ занятій и проч., породило въ концѣ-концовъ крайне невыгодное мнѣніе объ артиллеріи Екатерининскаго времени,—дѣйствительность огня ея стала въ глазахъ всѣхъ не болѣе, какъ дѣломъ исключительно одной лишь удачи!

При запутанности свѣдѣній о составѣ матеріальной части нашей артиллеріи во второй половинѣ XVIII столѣтія, трудно даже достовѣрно разобраться въ вопросѣ о томъ, какіе калибры и роды орудій должны считаться, въ тѣхъ или другихъ случаяхъ, нормальными въ организаціонномъ отношеніи. Точнаго разграниченія въ указываемомъ смыслѣ не находимъ даже въ современномъ руководствѣ для изученія артиллеріи, изданномъ въ 1767 г. (*) и, прибавимъ, весьма обстоятельномъ, въ которомъ говорится только, что въ Россіи употребляются слѣдующія орудія:

Пушки: осадныя 24-фн. и 18-фн.; полевыя 12-фн., 8-фн. и 6-фн. и полковыя 3-фн..

Мортиры: осадныя 9-пд. и 5-пд.; полевыя 2-пд.; кромѣ того имѣются 3-пд., 1-пд. и 1/2-пд., но употребляемыя рѣдко.

Гаубицы: 1-пд. и 1/2-пд.; имѣется еще немного 2-пд. въ гарнизонахъ.

Единороги: въ осадной артиллеріи 2-крт., 1-крт., 1/2-картаунные и 12-фн.; въ полевой тѣ же и еще 8-фн. и 3-фн..

Отсюда, въ связи съ изложеннымъ выше, можно замѣтить, что авторъ цитованнаго курса самъ не вполнѣ ясно отдавалъ себѣ отчетъ въ организаціонномъ распредѣленіи артиллерійскихъ орудій своего времени.

(*) «Артиллерійскія предложенія» — Вельяшева-Волынцева, Спб. 1767 г.

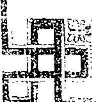

Личный составъ полевой артиллеріи въ царствованіе Екатерины II былъ значительно усиленъ, такъ какъ въ 1763 году являются уже пять артиллерійскихъ полковъ: 1 бомбардирскій, 2 фузилерныхъ и 2 канонирскихъ, всѣ десяти-ротнаго состава (*), а въ 1793 году сформированы для службы при осадныхъ орудіяхъ еще три бомбардирскіе баталіона (по 5 ротъ въ каждомъ); наконецъ въ 1794 г. учреждены пять конно-артиллерійскихъ ротъ, имѣвшихъ каждая по семи 6-фн. пушекъ и семи ¼-пд. единороговъ.

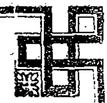
Весьма любопытнымъ обстоятельствомъ для исторіи русской артиллеріи Екатерининскихъ временъ является однако то, что, несмотря на всѣ свои указанные выше недостатки, наша артиллерія въ теченіе турецкихъ войнъ упоминаемой эпохи успѣла тѣмъ не менѣе занести на страницы своей лѣтописи цѣлый рядъ боевыхъ заслугъ и замѣчательныхъ по своей удачѣ и результатамъ военныхъ эпизодовъ! Благопріятствовали ли тому какія либо исключительныя условія, какъ напр. извѣстный уровень боевыхъ качествъ непріятеля, съ которымъ ей приходилось бороться, или же причину удачи надо искать въ умѣньи и способностяхъ лицъ, ею тогда дѣйствовавшихъ, рѣшить пока трудно, но подобныхъ фактовъ, во всякомъ случаѣ, нельзя обойти молчаніемъ.

Вотъ, напр., что читаемъ по поводу этого въ нашей военной литературѣ:

(*) Нѣсколько ранѣе (1762 г.) временно существовалъ даже гвардейскій бомбардирскій баталіонъ, составленный изъ бомбардирской роты Преображенскаго полка и артиллерійскихъ командъ Семеновскаго и Измайловскаго; кромѣ того изъ бомбардирскихъ ротъ обоихъ артиллерійскихъ полковъ былъ образованъ еще другой, бомбардирскій же баталіонъ, называвшійся полевымъ, но оба въ томъ же году переформированы попрежнему.

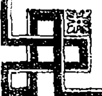
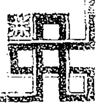

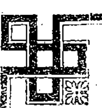
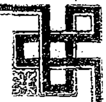
«Говоря о недостаткахъ современняго состоянія пѣхоты и кавалеріи», пишетъ историкъ упомянутыхъ войнъ,—«нельзя не сказать о чрезвычайномъ преимуществѣ нашей артиллеріи, сравнительно съ непріятельской. Если матеріальное ея состояніе и не было блистательно, то боевое искусство справедливо возбуждало удивленіе во всѣхъ иностранныхъ волонтерахъ, бывшихъ свидѣтелями ея дѣйствій, которыми начиналось и кончалось съ успѣхомъ каждое дѣло съ противникомъ. Непріятель до такой степени боялся нашего артиллерійскаго огня, что одно извѣстіе о присутствіи при какомъ нибудь отрядѣ артиллерійскихъ орудій наводило на него паническій страхъ».

Въ этомъ же смыслѣ доносилъ въ 1769 году и князь Голицынъ изъ-подъ Хотина, отзываясь съ особенной похвалой о блистательномъ дѣйствіи нашей артиллеріи подъ начальствомъ полковника Мелисино, которая, напр., съ первыхъ выстрѣловъ сбила непріятельскую батарею.

Въ одномъ изъ сраженій подъ тѣмъ же Хотиномъ, отличное дѣйствіе нашей артиллеріи (Мелисино) заставило турокъ бросить свои окопы и бѣжать, при чемъ сильный отрядъ турецкой кавалеріи пытался атакой остановить съ нашей стороны преслѣдованіе, но и онъ едва успѣлъ показаться, какъ дѣйствіемъ той же артиллеріи былъ обращенъ въ безпорядочное бѣгство.

Изъ другихъ эпизодовъ здѣсь же можно упомянуть о генеральномъ сраженіи 29 августа: турки атаковали нашъ правый флангъ, но перекрестный огонь изъ редутовъ и превосходное дѣйствіе батарей, руководимыхъ тѣмъ же Мелисино, не допустили непріятеля до нашей позиціи; кавалерія его была обращена въ такое стремительное бѣгство, что находившаяся за ней для поддержки пѣхота не рѣшилась даже двинуться впередъ и осталась на мѣстѣ.

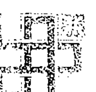

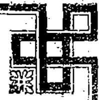
Еще любопытнѣе извѣстія встрѣчаемъ въ донесеніи Императрицѣ графа Румянцева, въ 1770 году. Въ своемъ рапортѣ (13 іюня) онъ писалъ, напр., что—«Артиллерія наша выдержала чрезвычайную пробу и оказала, въ какомъ оная наилучшемъ состояніи (sic). Я думалъ въ каждомъ мѣстѣ, гдѣ насилу вылѣзть и подняться было верхомъ всаднику, что должно сокрушиться въ дребезги ея повозкамъ, но, напротивъ,—она вездѣ свои тягости не только безъ опасности, но почти безъ порчи взвозила, на что всѣ иностранцы, при арміи находящіеся, съ удивленіемъ взираютъ!»— «Только собственный опытъ отъемлетъ невѣроятность», прибавляетъ Румянцевъ, вѣроятно, опасаясь самъ, чтобы сло́ва его не показались преувеличенными.

Подобный лестный отзывъ послѣ всего, изложеннаго выше, долженъ показаться нѣсколько страннымъ, но онъ можетъ находить себѣ объясненіе въ томъ, что наиболѣе употребительными орудіями въ нашей артиллеріи со временъ Шувалова служили единороги, которые дѣйствительно отличались значительною подвижностью. Кромѣ того можно прибавить, что Румянцевъ дѣйствительно вѣрилъ въ силу и значеніе своей артиллеріи, такъ какъ это можетъ до извѣстной степени доказываться и введенными имъ новыми тактическими пріемами. Извѣстно, напр., что до него въ большомъ ходу было употребленіе рогатокъ, которыми окружали себя наши войска, въ особенности противъ кавалеріи; Румянцевъ вмѣсто рогатокъ началъ употреблять усиленный огонь артиллеріи, располагая ее цѣлыми батареями передъ фронтомъ нѣсколькихъ каре, на которыя разбивалъ свою армію, и такимъ образомъ доставлялъ послѣднимъ взаимную артиллерійскимъ огнемъ поддержку.

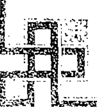
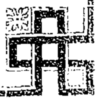
Кампаніи 1770 и 1771 гг. представляютъ не мало разнообразныхъ случаевъ весьма удачнаго употребленія нашей артил-

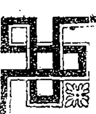

леріи. Такъ, при осадѣ Бендеръ (1770 г.) дѣйствія послѣдней были настолько замѣчательны, что возбуждали справедливое удивленіе всѣхъ иностранцевъ; особенно выдавались результаты картечныхъ выстрѣловъ Каменскаго, имѣвшіе задачею не допускать снабженія крѣпости водою; при штурмѣ же 16 сентября дѣйствіе всей нашей артиллеріи было такъ сильно, что начальникомъ ея, генераломъ Вульфомъ, графъ Панинъ не могъ нахвалиться передъ Императрицей. Подъ Журжей (1771 г.) отъ нашихъ орудій башни крѣпости обращались въ развалины, разбитыя стѣны едва держались, во многихъ мѣстахъ оказались бреши, и былъ взорванъ складъ пороха. У Тульчи, при отраженіи вылазки турокъ, съ нашей стороны дѣйствовало единственное, успѣвшее прибыть изъ Рени, орудіе, но и оно удачными выстрѣлами тотчасъ же успѣло потопить одно изъ судовъ съ непріятельскимъ десантомъ; то же самое повторилось и при Чикошнетахъ, гдѣ нашими выстрѣлами было потоплено шесть турецкихъ судовъ. При атакѣ, подъ Бабадагомъ, укрѣпленнаго батареями турецкаго лагеря, Вейсманъ выслалъ впередъ свою полевую артиллерію, которая раздѣлилась на двѣ части и открыла огонь по непріятелю; дѣйствія командовавшихъ ими офицеровъ (Розена и Базина) были такъ удачны, что турецкія батареи принуждены были замолчать и самъ визирь вскорѣ началъ отступленіе, и т. д..

Въ заключеніе описываемаго періода нельзя не упомянуть и объ Очаковскомъ штурмѣ 1788 года, представляющемъ ту особенность, что въ немъ наши артиллеристы содѣйствовали успѣшному исходу его не столько своими орудіями, сколько личнымъ мужествомъ, принявъ непосредственное участіе въ приступѣ, въ рядахъ шедшихъ на штурмъ колоннъ пѣхоты. Вооруженные ружьями бомбардиры, подъ командой маіора Меллера, пошли на приступъ въ составѣ второй колонны, и хотя послѣдняя была

отбита, но они одни ворвались на стѣны и успѣли даже отворить изнутри городскія ворота. Первыми же ворвались бомбардиры и на бастіонъ, штурмованный шестою колонной, и такимъ образомъ въ этотъ кровопролитный день наши артиллеристы все-таки покрыли себя громкой славой!

XIX вѣкъ въ исторіи русской артиллеріи довольно рѣзко распадается на двѣ части, замѣтно различающіяся характеромъ своей дѣятельности: первая половина его выдается, главнымъ образомъ, усиленной дѣятельностью въ области организаціонной, вторая характеризуется полнымъ капитальнымъ переворотомъ въ устройствѣ матеріальной части, произведеннымъ введеніемъ совершенно новой системы нарѣзныхъ, заряжающихся съ казенной части орудій. Оба періода являются, такимъ образомъ, въ высокой степени важными по объему и значенію достигнутыхъ ими результатовъ.

Начало новаго переустройства русской артиллеріи, завершившагося въ первой половинѣ нашего вѣка, проявилось уже въ исходѣ столѣтія минувшаго и именно по иниціативѣ Цесаревича Павла Петровича: въ отрядѣ войскъ, расположенномъ въ мѣстѣ постояннаго пребыванія Великаго Князя - Гатчинѣ, создалась своего рода школа для устройства на новыхъ основаніяхъ всѣхъ родовъ оружія, а въ томъ числѣ и артиллеріи.

Составивъ себѣ уже въ 1786 г. артиллерійскую команду на четыре орудія, Великій Князь тогда же, хотя дѣло ограничивалось лишь строевыми ученьями съ холостыми зарядами, нашелъ свои орудія неудобными и приказалъ отлить для себя шесть 3-фн. пушекъ (вѣсомъ въ 20 пд.), къ которымъ вслѣдъ за тѣмъ принялъ, по совѣту полковника Эйлера, лафеты съ передками, вмѣсто существовавшихъ ранѣе лафетовъ оглобельныхъ, требовавшихъ для стрѣльбы весьма неудобнаго условія—отпряжки лоша-

VYTAUTO DID. UNIV. BIBLIOTEKA

дей. Но когда въ 1791 г. Цесаревичъ перешелъ къ боевой стрѣльбѣ изъ своей артиллеріи, то, разочаровавшись совершенно въ дальности и картечномъ дѣйствіи имѣвшихся у него 3-фн. пушекъ, приказалъ изтотовить для гатчинскихъ войскъ орудія большихъ калибровъ, но значительно облегченнаго вѣса, съ цѣлью сохраненія ихъ подвижности, именно шесть пушекъ 6-фн. (вѣсомъ въ 20 пд.), двѣ пушки 12-фн. (вѣсомъ въ 30 пд.) и четыре единорога $^1/_4$-картаунныхъ (12-фн.). Затѣмъ послѣдовало раздѣленіе гатчинской артиллеріи на 4 команды (три пѣшихъ и одну конную) и наименованіе ея ротою, при чемъ въ постоянный составъ послѣдней назначены были и лошади. Всѣ подобныя измѣненія, вмѣстѣ съ установленіемъ напр. извѣстныхъ правилъ для ученья роты въ конномъ строю, представляли собою новинку, незнакомую даже на Западѣ, и были позже проведены во всю нашу артиллерію.

Къ этому же времени относится и начало дѣятельности другого лица, которому русская артиллерія впослѣдствіи была такъ много обязана своими успѣхами,— извѣстнаго Аракчеева, состоявшаго сначала преподавателемъ артиллеріи и математики въ кадетскомъ корпусѣ, а затѣмъ адъютантомъ при генералѣ Мелисино. Когда, въ концѣ 1792 года, Цесаревичъ обратился къ послѣднему съ просьбой назначить въ гатчинскую артиллерію свѣдущаго офицера, то выборъ Мелисино палъ на Аракчеева, котораго судьба такимъ образомъ и выдвинула на роль одного изъ самыхъ крупныхъ военныхъ дѣятелей (*).

Аракчеевъ не замедлилъ поставить въ образцовый порядокъ

(*) Извѣстно, что по прибытіи въ Гатчину Аракчеевъ подвергнулся практическому экзамену со стороны Великаго Князя, и успѣвъ угодить ему удачной стрѣльбой по редуту изъ имѣвшейся въ Гатчинѣ 2-пд. мортиры, сразу попалъ въ милость. Цесаревичъ назначилъ его командиромъ своей артиллерійской роты и далъ право съ этого дня бывать всегда при своемъ обѣденномъ столѣ.

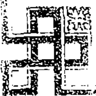

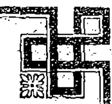
гатчинскую артиллерію, обученіе которой стрѣльбѣ, лабораторному дѣлу и проч. было доведено имъ до примѣрнаго состоянія. Надо отдать справедливость, что дѣйствительно дѣятельность его не знала отдыха, такъ что Аракчеевъ часовъ по двѣнадцати въ день проводилъ въ ученьяхъ и при исполненіи прочихъ своихъ обязанностей; современники говаривали о немъ, что—«jamais poête pyndarique ne fut plus impérieusement tourmenté de son Apollon, que cet homme n'est obsédé de son démon martial»!

Основанія, выработанныя въ гатчинской артиллеріи, послужили почвой, на которой развились дальнѣйшія организаціонныя преобразованія во всей русской артиллеріи, начавшіяся со вступленіемъ на престолъ Павла I. По воцареніи его во главѣ артиллеріи былъ поставленъ генералъ-маіоръ Челищевъ (1797 г.), съ званіемъ Инспектора Артиллеріи, такъ какъ слѣдующій послѣ графа Зубова Генералъ-фельдцейхмейстеръ—Великій Князь Михаилъ Павловичъ фактически вступилъ въ управленіе лишь съ 1819 года, хотя и былъ облеченъ этимъ званіемъ со дня своего рожденія (28 января 1798 г.). Мѣсто Челищева въ началѣ 1799 г. (4 января) заступилъ Аракчеевъ, но не надолго, такъ какъ черезъ 9 мѣсяцевъ (1 октября) вышелъ въ отставку, и преемникомъ его былъ назначенъ Амбразанцевъ (бывшій по 7 марта 1800 г.), что не мѣшало однако первому принимать участіе въ разныхъ организаціонныхъ работахъ, такъ какъ подпись—«отставной генералъ-маіоръ Аракчеевъ» встрѣчаемъ въ современныхъ, подобнаго рода документахъ. Амбразанцева смѣнилъ Корсаковъ, и затѣмъ въ 1803 году (14 мая) управленіе всей артиллеріей, сначала въ качествѣ Инспектора, а потомъ (1808 г.) и Генералъ-инспектора всей Артиллеріи (*), снова переходитъ въ

(*) Въ то же время, 12 декабря 1807 г., Инспекторомъ былъ назначенъ генералъ-лейтенантъ Меллеръ-Закомельской.

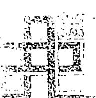

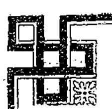
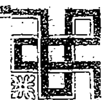

руки Аракчеева, вплоть до вступленія Великаго Князя Михаила Павловича въ дѣйствительное отправленіе своихъ обязанностей, какъ Генералъ-фельдцейхмейстера (1819 г.).

Не имѣя возможности въ рамкахъ настоящаго очерка слѣдить за постепеннымъ развитіемъ реформъ, совершившихся въ указанный періодъ (1796—1819 г.), мы должны ограничиться хотя краткимъ указаніемъ главнѣйшаго, что было въ этомъ отношеніи достигнуто по разнымъ отдѣламъ тогдашней артиллеріи.

Относительно матеріальной части однимъ изъ существенныхъ улучшеній явилась замѣна прежнихъ тяжелыхъ 12-фн. пушекъ новыми, того же калибра, но много облегченными и представлявшими два вида: 12-фн. пушки «средней пропорціи» (вѣс. ок. 50 пд.) и 12-фн.—«меньшей пропорціи» (вѣс. ок. 28 пд.). Кромѣ того, были проектированы такія же пушки «большой пропорціи» (вѣс. ок. 96 пд., для осадной артиллеріи), но послѣднія въ употребленіе введены не были. Другія орудія, какъ-то $^1/_2$-пд. и $^1/_4$-пд. единороги, а также 6-фн. пушки, были значительно облегчены, въ виду общаго стремленія къ увеличенію подвижности артиллеріи. Затѣмъ—упрощена матеріальная часть, отмѣнены излишнія наружныя украшенія, и обращено вниманіе на правильность арсенальныхъ издѣлій, для чего вырѣзаны на мѣдныхъ доскахъ нормальные шаблоны и разосланы въ арсеналы, а въ 1805 году изданъ и атласъ чертежей всѣхъ полевыхъ орудій; введены (1802 г.) привинтные діоптры, а въ 1809 г.—привѣсные прицѣлы. Въ полковыхъ лафетахъ уничтожена оглобельная запряжка, вообще же облегчены всѣ лафетныя оковки, что отозвалось и на числѣ лошадей подъ орудіями; зарядныя фуры снова замѣнены ящиками, но значительно улучшенными, которые положено имѣть одинаковыми для всѣхъ орудій, съ разницей лишь въ укладкѣ и съ замѣной прежней парусинной обивки крыши же-

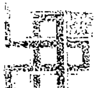

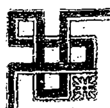
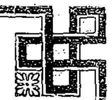
лѣзною; изданы въ 1805 и 1807 г. чертежи лафетовъ, ящиковъ и обоза, и т. д..

По части организаціонной, уже въ 1798 г. особая комиссія подъ предсѣдательствомъ Великаго Князя Александра Павловича разработала подробные и обстоятельные штаты для полковой, полевой и осадной артиллеріи. Въ штатахъ этихъ, относительно полковой артиллеріи, сдѣланъ весьма важный шагъ къ введенію послѣдней въ общую сферу артиллерійскаго управленія: въ каждомъ полку было положено имѣть пять орудій со столькими же зарядными фурами (четыре 6-фн. пушки и одинъ 12-фн. единорогъ), при офицерѣ и 60 человѣкахъ прислуги, носившей названіе артиллерійской команды, но команда эта должна была уже составить отдѣльную при полку часть, приписанную къ одному изъ артиллерійскихъ баталіоновъ, и зависѣть отъ артиллерійскаго вѣдомства. Всего полковыхъ орудій въ 1798 г. полагалось 522.

Для полевой артиллеріи тѣми же штатами удержаны преобразованія, совершившіяся въ ней уже нѣсколько ранѣе, а именно въ ноябрѣ 1796 года, когда, по вступленіи на престолъ Павла I, гатчинская артиллерія и пушкарскія команды трехъ гвардейскихъ полковъ были соединены въ одно цѣлое, подъ названіемъ гвардейскаго артиллерійскаго баталіона, а изъ прежнихъ бомбардирскихъ, фузилерныхъ и канонирскихъ полковъ сформированы— 10 полевыхъ баталіоновъ, 3 осадные (безъ орудій) и кромѣ того 1 конный баталіонъ (изъ конныхъ ротъ, образованныхъ въ 1794 году). По штату 1798 г. каждый полевой баталіонъ (какъ пѣшіе, такъ и конный) состоялъ изъ 5 ротъ (*), при 60 орудіяхъ, при чемъ въ пѣшей ротѣ полагалось шесть 24-фн. единороговъ и шесть 12-фн. пушекъ (средней и меньшей пропорціи), а въ конной—шесть 12-фн. единороговъ и шесть 6-фн. пу-

(*) Кромѣ гвардейскаго, въ которомъ 3 пѣшія роты и 1 конная.

шекъ (*); для возки орудій и повозокъ состоялъ особый фурштатъ изъ лошадей (**) и прислуги, въ количествѣ около 440 человѣкъ.

Всего въ полевой артиллеріи должно было насчитываться поэтому 696 орудій.

Что касается, наконецъ, осадной артиллеріи, то, какъ уже сказано, на личный составъ ея назначались три осадные баталіона (каждый 5-ротнаго же состава), но люди этихъ баталіоновъ несли общую службу съ полевыми баталіонами и только въ случаѣ надобности получали свои орудія изъ арсеналовъ, гдѣ они находились на храненіи. Численность каждаго баталіона (безъ фурштата, котораго при нихъ не было) простиралась до 1348 человѣкъ, общее же число осадныхъ орудій, состоявшихъ по свѣдѣніямъ 1798 г. въ С.-Петербургѣ и Кіевѣ, было всего 103, а именно: единороговъ 1-пд.—15, пушекъ 24-фн.—25, пушекъ 18-фн.—21, мортиръ 5-пд.—33 и мортиръ 2-пд.—9.

Такимъ образомъ общая цыфра русской артиллеріи полковой, полевой и осадной (кромѣ крѣпостной или гарнизонной) составляла въ 1798 г. около 1320 орудій.

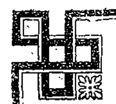
На указанныхъ мѣропріятіяхъ организаціонная работа однако далеко не остановилась, и движеніе ея продолжалось еще долгое время. Мы можемъ указать здѣсь только главнѣйшее:

Относительно полковой артиллеріи самымъ крупнымъ фактомъ можетъ считаться значительный шагъ къ ея упраздненію, въ смыслѣ полнаго изъятія изъ состава войсковыхъ частей. Въ 1800 г. (6 марта) всѣ состоявшія въ полкахъ артиллерійскія команды съ ихъ орудіями повелѣно было отдѣлить и отправить въ полевую

(*) Въ гвардейскомъ баталіонѣ число орудій было иное; въ немъ въ трехъ пѣшихъ ротахъ состояло: единороговъ 1/2-пд.—4, пушекъ 12-фн.—15, пушекъ 6-фн.—11, а въ конной—шесть 6-фн. пушекъ; всего 36 орудій.

(**) Постоянныхъ лошадей для запряжки полагалось однако всего лишь на 80 орудій.

артиллерію, съ фактическимъ присоединеніемъ ихъ къ тѣмъ частямъ послѣдней, въ которыхъ онѣ до того числились, находясь какъ бы въ постоянномъ откомандированіи. Такимъ образомъ постоянное существованіе артиллерійскихъ командъ въ армейскихъ полкахъ прекратилось, но взамѣнъ этого было повелѣно, чтобы полевая артиллерія, въ случаѣ движенія войскъ, была распредѣляема слѣдующимъ образомъ: «Въ каждый гренадерской и мушкатерской баталіонъ отряжать отъ артиллерійскихъ полковъ по три орудія (*), изъ коихъ два собственно для баталіона и одно къ составленію въ арміи батарей». Въ 1803 же году порядокъ этотъ былъ измѣненъ: положено при каждомъ баталіонѣ имѣть для арміи по двѣ роты, въ составѣ каждая изъ восьми 6-фн. пушекъ и четырехъ 12-фн. единороговъ (**), съ тѣмъ, чтобы всѣ эти орудія при первомъ востребованіи отдѣлялись отъ своихъ артиллерійскихъ баталіоновъ и присоединялись къ назначеннымъ войсковымъ частямъ (по шести орудій на полкъ), съ которыми и слѣдовали, чтобы не стѣснить движенія послѣднихъ тяжелой артиллеріей. Всего такимъ образомъ для гвардейскихъ полковъ было назначено 22 и для армейскихъ—504 орудія.

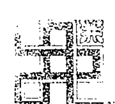
Въ области полевой артиллеріи послѣдующія организаціонныя измѣненія направлялись къ развитію артиллерійскихъ частей въ количественномъ отношеніи. Не останавливаясь на деталяхъ этого прогрессивнаго движенія, укажемъ только на нѣкоторые общіе его итоги, а именно:

Въ 1803 г. составъ нашей артиллеріи былъ опредѣленъ слѣдующій: 1 гвардейскій баталіонъ, 18 полевыхъ и 2 конныхъ,

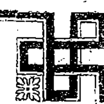

(*) По одной 12-фн. пушкѣ средней и меньшей пропорцій и одинъ единорогъ 2I-фн.

(**) Въ гвардейскомъ баталіонѣ въ каждой изъ таковыхъ ротъ положено вмѣсто двѣнадцати десять орудій (5 единороговъ 12-фн. и 5 пушекъ 6-фн.). Кромѣ того въ каждомъ артиллерійскомъ баталіонѣ состояло еще по четыре 3-фн. единорога (въ гвардейскомъ—2), назначавшихся спеціально для егерскихъ полковъ.

при чемъ полевые положено соединить въ двухъ-баталіонные полки (*), которыхъ такимъ образомъ составилось девять. Каждый баталіонъ имѣлъ 4 роты (2 батарейныя и 2 легкія) (**), а конный—пять. Всего должно было быть ротъ: батарейныхъ—38, легкихъ—38 и конныхъ—11, каждая въ двѣнадцать орудій, при чемъ составъ этихъ орудій назначенъ слѣдующій (***):

Въ батарейной ротѣ.	Пушекъ 12-фн. средней пропорціи	4
	— 12-фн. меньшей пропорціи	4
	Единороговъ ½-пд.	4
	— 3-фн. (*для сгерс. полковъ*)	2
Въ легкой ротѣ.	Пушекъ 6-фн.	8
	Единороговъ 12-фн.	4
Въ конной ротѣ.	Пушекъ 6-фн.	6
	Единороговъ 12-фн.	6

При этомъ рота принята за такую часть, которая могла бы дѣйствовать независимо, или отдѣльно, а вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣланъ еще важный шагъ—уничтоженъ фурштатъ (****).

Кромѣ того въ 1804 году изъ конной артиллеріи образована особая инспекція (*****).

Въ 1806 г. состоялось другое, не менѣе важное измѣненіе: артиллерія преобразована въ бригады. Поводомъ къ этому послужило состоявшееся въ томъ же году **Высочайше** утвержденное расписаніе войскъ на дивизіи, по которымъ была распредѣлена и артиллерія:—«къ каждому пѣхотному полку опредѣляется по половинѣ полевой артиллерійской роты съ

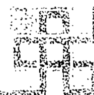
(*) Организація артиллерійскихъ полковъ была предпринята первый разъ еще въ 1800 году, но уже въ августѣ 1801 года полки снова были раздѣлены на баталіоны, съ присвоеніемъ каждому изъ послѣднихъ своего номера.

(**) Въ гвардейскомъ кромѣ того *пятая рота, конная.*

(***) Кромѣ гвардейскаго баталіона, въ которомъ число и составъ орудій были нѣсколько иные.

(****) Изъ нѣкоторыхъ подробностей можно указать еще, что къ батарейному орудію ящиковъ полагалось—3, а къ легкому—2; лошадей подъ батарейное орудіе—6, подъ легкое и конное—по 4.

(*****) Гвардейская конная рота въ 1805 г. была совершенно отдѣлена отъ баталіона и поручена въ вѣдѣніе Цесаревича Константина Павловича.

6-ю легкими орудіями, которымъ по отправленію службы состоять въ точной командѣ полковыхъ шефовъ; при всякомъ движеніи полка, онѣ (полуроты) находятся при ономъ, какъ и во время ученій и въ лагеряхъ, но по внутренности своей зависятъ отъ командировъ артиллерійскихъ» (*). Вслѣдствіе этого Аракчеевъ, сообщая Военному Министру, что—«по раздѣленіи нынѣ артиллеріи по дивизіямъ разрушился и составъ оной по полкамъ и по баталіонамъ, а потому самому и управленіе полкомъ артиллерійскаго шефа, по раздѣленію ротъ на столь большомъ пространствѣ, не только затруднительно, но можно увѣрительно сказать даже сдѣлалось и невозможнымъ», представилъ (25 іюня) проектъ переформированія артиллеріи въ бригады, на что 25 августа и послѣдовало **Высочайшее** утвержденіе (**).

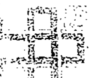
Къ концу 1806 года въ нашей артиллеріи числилось 18 бригадъ (кромѣ Кавказской, Грузинской, Сибирской и двухъ резервныхъ), состоявшихъ частью изъ шести, частью изъ четырехъ ротъ (въ числѣ коихъ одна въ бригадѣ — конная), но по окончаніи войны 1807 г. число всѣхъ бригадъ повелѣно довести до 26-ти (въ томъ числѣ три резервныя) и всѣмъ присвоить одинаковый составъ изъ шести ротъ: 2-хъ батарейныхъ, 2-хъ легкихъ, 1 конной и 1 понтонной (***).

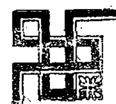
Въ 1808 г. во всей полевой артиллеріи насчитывалось 130 ротъ съ 1550 орудіями, при чемъ въ концѣ того же года состоялся

(*) Такимъ образомъ тактическій пріемъ раздробленія орудій по полкамъ продолжалъ еще сохранять свою силу.

(**) Основанія этого преобразованія были приняты слѣдующія: а) счисленіе артиллеріи имѣть норотно; б) роты остаются въ положеніи нынѣ существующемъ; в) въ каждой дивизіи число всѣхъ артиллерійскихъ ротъ именовать бригадою, по номеру дивизіи, кромѣ гвардейскаго баталіона; г) бригадою командуетъ полковникъ; д) въ каждомъ корпусѣ состоитъ артиллерійскій генералъ, который командуетъ всѣми въ немъ бригадами; онъ есть частный инспекторъ сихъ бригадъ.

(***) Кромѣ гвардейской артиллеріи, которая попрежнему составляла баталіонъ.

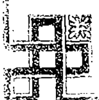
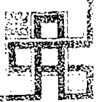

указъ, которымъ окончательно прекращалось влiянiе строевого армейскаго начальства на хозяйственную часть артиллерiи; въ указѣ говорится — «объ отобранiи состоящихъ при армейскихъ полкахъ на отчетѣ полковыхъ шефовъ легкихъ артиллерiйскихъ ротъ, съ тѣмъ, чтобъ онѣ состояли съ сего времени во всемъ на отчетѣ командующихъ ими артиллерiйскихъ штабъ-офицеровъ».

Въ 1811 г. гвардейскiй баталiонъ названъ л.-гв. артиллерiйской бригадой, и утвержденъ штатъ гвардейской конной артиллерiи, которой положено состоять изъ двухъ батарей, каждой въ 8 орудiй; кромѣ того положено начало сосредоточенiя вообще конной артиллерiи, которая, вмѣсто прежняго раздробленiя, была сгруппирована въ резервныхъ и запасныхъ бригадахъ; окончательное обособленiе ея въ конныя бригады при кавалерiйскихъ дивизiяхъ послѣдовало въ 1815 году. Во время отечественной войны 1812 г. составъ нашей артиллерiи получилъ развитiе въ такой мѣрѣ, что вся дѣйствующая артиллерiя могла выставить въ поле до 1840 орудiй.

Наконецъ, можно еще прибавить, что въ 1816 г. гвардейская артиллерiя является уже состоящею изъ двухъ бригадъ, каждая изъ двухъ батарейныхъ и одной легкой ротъ, при чемъ **Высочайше** подтверждено—«чтобы ротные начальники, по примѣру полевой артиллерiи, были настоящими хозяевами своихъ ротъ, и чтобы часть внутренняя оставаласъ на ихъ отвѣтственности».

Что касается до артиллерiи осадной и крѣпостной, то о нихъ въ этомъ же перiодѣ замѣтимъ лишь слѣдующее:

Въ 1799 году Аракчеевъ, озабочиваясь дурнымъ состоянiемъ матерiальной части тогдашней осадной артиллерiи, испросилъ **Высочайшее** утвержденiе на составленное имъ положенiе, по которому на каждый изъ трехъ осадныхъ баталiоновъ было повелѣно

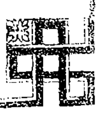

имѣть по 50 большихъ орудій (*); указомъ же 1803 г. (20 іюня) общее число осадныхъ орудій увеличено до 180.

Крѣпостная артиллерія до 1809 года не имѣла надлежащей организаціи и представляла сборъ нѣсколькихъ ротъ и множества командъ, различнаго состава и величины. По свѣдѣніямъ 1798 г., всѣ крѣпости и укрѣпленія были раздѣлены на части: а) Финляндскую, б) Лифляндскую, в) Кіевскую, г) Астраханскую и д) Сибирскую, въ которыхъ насчитывалось болѣе 6800 орудій, распредѣленныхъ впрочемъ весьма неравномѣрно, въ 1799 же году всѣ гарнизонныя роты и команды были раздѣлены на 5 инспекцій. Въ 1809 году **Высочайше** утверждены штаты гарнизонной артиллеріи, по которымъ послѣдняя была раздѣлена на 10 округовъ и получила болѣе или менѣе прочный составъ.

Наконецъ, относительно центральной артиллерійской администраціи можно добавить, что прежній центральный органъ артиллерійскаго управленія— «Канцелярія Главной Артиллеріи и Фортификаціи», послѣ отставки графа Зубова (послѣдняго Генералъ-фельдцейхмейстера Екатерининскаго времени) переименованный въ 1797 г. въ «Артиллерійскую Экспедицію», является въ силу штатовъ и положеній 1798 г. уже какъ отдѣлъ Военной Коллегіи, при чемъ управляющій Экспедиціей былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и начальникомъ всего артиллерійскаго вѣдомства. Въ 1802 году послѣдовало окончательное выдѣленіе инженерной части изъ сферы дѣйствій артиллерійскаго вѣдомства, и началось образованіе министерствъ, а съ 1812 года въ составѣ Министерства Военнаго открываетъ (19 марта) свои дѣйствія уже Артиллерійскій Департаментъ, во главѣ котораго (директоромъ) поставленъ Инспекторъ артиллеріи. Съ учрежденіемъ въ 1815 г. Главнаго Штаба **Его**

(*) Именно: пушекъ 24-фн.—15, пушекъ 18-фн.—15, единороговъ 1-пд.—10, мортиръ 5-пд.—5 и мортиръ 2-пд. 5; кромѣ того 40 кегорновыхъ мортирокъ.

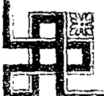
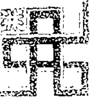

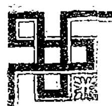

Императорскаго Величества, въ составъ его былъ назначенъ и Инспекторъ артиллеріи, который былъ поставленъ въ зависимость отъ Военнаго Министра только по дѣламъ хозяйственнымъ, а о прочихъ вносилъ представленія частью Начальнику Главнаго Штаба, частью же самому **Государю Императору**.

Таковъ былъ, въ самыхъ крупныхъ чертахъ, ходъ артиллерійскихъ организаціонныхъ реформъ по 1819 годъ, тѣсно связанныхъ съ именемъ неутомимаго труженика въ этой области—графа Аракчеева. Дѣятельность его почти не оставила пробѣловъ и не упустила ничего, что могло бы въ то время послужить на пользу артиллеріи: изданіе штатовъ, развитіе ея боевыхъ средствъ, поднятіе образовательнаго ценза ея личнаго состава, учрежденіе Ученаго Артиллерійскаго Комитета и основаніе изданія Артиллерійскаго Журнала, учрежденіе разныхъ школъ и классовъ для офицеровъ и нижнихъ чиновъ, установленіе нормальныхъ образцовъ и размѣровъ для орудій, лафетовъ и вообще матеріальной части артиллеріи, улучшеніе всѣхъ техническихъ заготовленій и т. д., все это, благодаря попеченіямъ Аракчеева, подняло русскую артиллерію на высокую степень развитія и послужило почвой, на которой вновь окрѣпли ея славныя боевыя традиціи; въ походахъ 1812—14 г. наша артиллерія стяжала заслуженныя похвалы Европы, - и мы съ особеннымъ удовольствіемъ должны теперь остановиться хотя на нѣкоторыхъ боевыхъ воспоминаніяхъ, связанныхъ съ участіемъ нашихъ старыхъ артиллеристовъ въ великихъ военныхъ событіяхъ, ознаменовавшихъ собою начало XIX столѣтія.

Боевая лѣтопись нашей артиллеріи за упоминаемое время такъ богата свѣтлыми страницами, что мы нисколько не опасаемся омрачить ихъ упоминаніемъ о знаменитомъ Аустерлицкомъ сраженіи (20 ноября 1805 г.), окончившемся полной побѣдой Наполеона

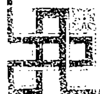
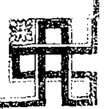

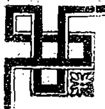
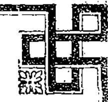

надъ союзной русско-австрійской арміей, потерявшей въ этотъ роковой день болѣе 100 орудій. Не опасаемся и потому, что причины самой катастрофы, при всемъ ихъ обиліи (начиная съ крупныхъ стратегическихъ ошибокъ самаго плана сраженія (*), отдѣльныхъ частныхъ распоряженій во время хода послѣдняго и кончая пагубными почвенными условіями Аустерлица), менѣе всего могутъ быть отыскиваемы непосредственно въ боевыхъ качествахъ тогдашнихъ русскихъ войскъ вообще, или артиллеріи послѣднихъ—въ частности; тѣ же напр. офицеры и солдаты, которые были здѣсь, дрались послѣ и подъ Бородиномъ, гдѣ покрыли себя славою, и въ подобномъ смыслѣ аустерлицкій разгромъ представляетъ не мало весьма поучительнаго. Для примѣра передадимъ нѣсколько частныхъ эпизодовъ изъ хода боя въ центрѣ позиціи, прорвать который было ближайшей задачей всѣхъ усилій Наполеона.

Въ центрѣ нашей позиціи находилась, какъ извѣстно, наша гвардія съ гвардейскимъ артиллерійскимъ баталіономъ, состоявшимъ изъ трехъ пѣшихъ и одной конной ротъ; сюда же Наполеонъ направилъ въ атаку, между прочимъ, и свою гвардію съ ея артиллеріей. Въ завязавшемся затѣмъ дѣлѣ огонь французскихъ орудій заставилъ отступить преображенцевъ и семеновцевъ, но подоспѣвшіе на помощь конно-гвардейцы и лейбъ-гусары съ конной ротой гвардейской артиллеріи, которой командовалъ полковникъ Костенецкій, остановили успѣхъ непріятеля. Поддерживаемые частымъ огнемъ этой роты, они кинулись въ атаку и, опрокинувъ непріятельскую кавалерію, наткнулись на находившійся за нею баталіонъ французской пѣхоты, открывшій въ свою очередь огонь,

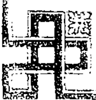
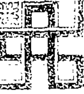
(*) Извѣстно, что по плану австрійскаго генерала Вейротера войска союзниковъ разошлись на цѣлыхъ 14 верстъ, для обхода французовъ съ фланговъ, крайне ослабивъ центръ свой, чѣмъ Наполеонъ и воспользовался, обрушившись всѣми силами на послѣдній.

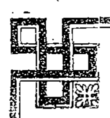
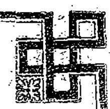

но тогда четыре орудія Костенецкаго (подъ командой штабсъ-капитана Козена), воспользовавшись удобной для движенія полянкой, вынеслись впередъ и, подскакавъ къ баталіону такъ близко, что ясно были видны даже лица непріятеля, успѣли дать по немъ пять картечныхъ выстрѣловъ; французское каре было разгромлено и не успѣло притти въ себя, какъ на него снова налетѣли конно-гвардейцы и совершенно разсѣяли. Той же участи подвергся и цѣлый полкъ французской пѣхоты, спѣшившій къ своимъ на выручку.

Узнавъ объ этомъ успѣхѣ русской гвардіи, Наполеонъ немедленно послалъ на помощь эскадроны генерала Раппа и даже своихъ мамелюковъ, прибытіе которыхъ совершенно измѣнило ходъ дѣла. Свѣжіе эскадроны Раппа опрокинули нашу кавалерію и, врубившись въ пѣхоту, привели войска наши въ сильное разстройство, въ результатѣ чего дѣло было окончательно проиграно, и началось крайне трудное отступленіе, по топкой, заросшей виноградниками мѣстности. Орудія Козена едва могли слѣдовать по вязкой почвѣ и пользовались всякой возможностью, чтобы отстрѣливаться отъ непріятеля; прислуга была спѣшена, чтобы помогать измученнымъ лошадямъ и перебѣгала отъ одного орудія къ другому, помогая ихъ вытаскивать. Непріятельскіе стрѣлки и мамелюки пользовались каждой подобной остановкой и насѣдали на орудія, но, благодаря помощи конно-гвардейцевъ, Козенъ успѣлъ наконецъ съ огромными потерями выбраться на дорогу, и орудія были спасены. Еще болѣе тяжелую участь довелось испытать другой половинѣ той же конной роты, оставшейся подъ начальствомъ самого Костенецкаго: при отступленіи по тѣмъ же злополучнымъ виноградникамъ она дошла до овражистаго ручья, черезъ который необходимо было перебраться, но въ это время въ тылъ Костенецкаго заскакали французскіе кавалеристы съ маме-

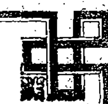

люками и кинулись на орудія. Тогда здѣсь повторилось нѣчто подобное тому, что было въ 1788 году подъ Очаковымъ, гдѣ наши бомбардиры съ ружьями въ рукахъ полѣзли на штурмъ крѣпости: Костенецкій, со своими офицерами Столыпинымъ, Сеславинымъ и Остенъ-Сакеномъ, собравъ прислугу, кинулся въ атаку на французовъ, расчищая путь своимъ орудіямъ, и успѣлъ два головныхъ провезти до упомянутаго ручья, по четыре заднихъ остались все-таки въ рукахъ непріятеля. Тогда Костенецкій, отличавшійся необыкновенной физической силой, вдвоемъ съ такимъ же богатыремъ фейерверкеромъ Масловымъ, повернули назадъ, на выручку остальныхъ, а за ними бросились и Столыпинъ съ Сакеномъ. Вторичное появленіе этой горсти всадниковъ навело паническій ужасъ на мамелюковъ (*), и храбрецамъ удалось отбить еще два орудія, послѣднія же два, при которыхъ уцѣлѣлъ только единственный, и притомъ раненый ѣздовой, пришлось бросить.

Нельзя здѣсь также не упомянуть о не менѣе характерномъ эпизодѣ и въ пѣшей гвардейской ротѣ, отступавшей въ тѣхъ же виноградникахъ, гдѣ бой вообще обратился въ рядъ рукопашныхъ схватокъ. Рота, попавъ на какую-то тропинку, уходила отъ непріятельскихъ стрѣлковъ и мамелюковъ, отстрѣливаясь изъ одного орудія на отвозахъ, какъ вдругъ въ орудіи этомъ (подъ командой подпоручика Демидова) лопнулъ отвозъ, и послѣдовавшій затѣмъ залпъ французовъ положилъ на мѣстѣ всю уцѣлѣвшую еще часть прислуги. Демидовъ остался при орудіи: выхва-

---

(*) Сохранилось преданіе, какъ передаетъ генералъ Ратчъ, что напр. Масловъ, увидя въ рукахъ мамелюка русскій банникъ, бросился за нимъ, но тотъ какъ-бы догадываясь о причинѣ нападенія, самъ, не сопротивляясь, подалъ банникъ противнику. Имя Костенецкаго пріобрѣло извѣстность даже среди непріятеля и, спустя два года, въ Тильзитѣ, французы весьма интересовались подробностями о знакомомъ имъ безстрашномъ рубакѣ (le grand sabreur).

тивъ шпагу, онъ одинъ бросился защищать его отъ набѣжавшихъ французовъ и, конечно, нашелъ-бы славную смерть подъ ихъ штыками, какъ вдругъ раздались возгласы — «l'empereur», и самъ Наполеонъ неожиданно появился тутъ-же (*).—«Faites moi fusiller, sire», воскликнулъ въ отчаяніи Демидовъ,—«j'ai perdu mon canon!..» Но Наполеонъ, цѣня храбрость, ласково отвѣтилъ ему: «Consolez vous, vous l'avez vaillamment défendu et il y a, jeune homme, quelque honneur d'être pris par les français»; геройскій юноша былъ спасенъ, хотя и не избѣгъ плѣна.

Много подробностей сохранилось вообще объ этомъ роковомъ днѣ, въ теченіе котораго наши орудія передвигались и утопали въ невылазной грязи, освобождаясь изъ нея только благодаря нечеловѣческимъ усиліямъ и помощи со стороны пѣхоты. Во многихъ перипетіяхъ боя наша артиллерія доблестно исполнила свой долгъ, какъ напримѣръ писалъ командиръ кавалергардскаго полка Депрерадовичъ, донося генералу Малютину, что присланныя къ нему четыре орудія—«совершенно способствовали намѣренію моему удержать позицію и не допускать непріятеля переправиться, ибо высланные измайловскіе стрѣлки въ короткое время прогнали непріятельскихъ, а артиллерія не только заставила сильную канонаду непріятельскую умолкнуть, но отличною дѣятельностью, нанеся большой вредъ ихъ фронту, принудила со всею силою отступить на немалое разстояніе и даже внѣ выстрѣловъ». Были артиллерійскія роты потерявшія всѣ орудія, но винить въ томъ нужно не ихъ, а всѣ сдѣланныя въ этотъ роковой день ошибки, не исключая и неправильнаго употребленія самой артиллеріи относительно тогдашней тактики Наполеона, всѣ злосчастныя обстоятельства боя, не выключая напр. и невозможной вязкости

(*) Эту свою встрѣчу съ Демидовымъ въ пылу битвы Наполеонъ приказалъ изобразить на картинѣ Аустерлицкаго сраженія.

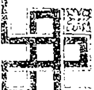

аустерлицкой почвы, ставившія нашу артиллерію въ безвыходное при неудачѣ положеніе, на жертву непріятеля, получавшаго возможность уничтожать прислугу и лошадей, врываться на батареи и захватывать орудія въ самомъ безпомощномъ состояніи. Мы знаемъ, напр., что въ нѣкоторыхъ спасшихся орудіяхъ оставалось по одной и по три лошади, что большая часть послѣднихъ была ранена въ голову, какъ же трудно было самое спасеніе, можетъ указывать напр. фактъ, что за одинъ изъ подобныхъ подвиговъ фейерверкеръ Кабицкій былъ даже награжденъ офицерскимъ чиномъ. Мы знаемъ, что на лѣвомъ флангѣ битвы многіе изъ нашихъ артиллеристовъ погибли, спасая свои орудія по льду замерзшаго озера, такъ какъ ледъ не выдерживалъ, и орудія вмѣстѣ съ людьми проваливались, и т. д..

Повторяемъ, что если принять во вниманіе совокупность всѣхъ несчастныхъ обстоятельствъ Аустерлица, то потеря такой массы орудій легко найдетъ себѣ объясненіе безъ всякаго ущерба боевымъ качествамъ нашей артиллеріи.

Въ кампанію 1806 года, особымъ значеніемъ роли, выпавшей на долю вновь пополненной и многочисленной нашей артиллеріи, выдаются зимнія сраженія подъ Чарновымъ и Пултускомъ; въ особенности замѣчателенъ первый изъ этихъ боевъ, происходившій все время въ темнотѣ декабрьской ночи.

Въ бою подъ Чарновымъ (11 декабря) отрядъ графа Остермана имѣлъ двѣ роты артиллеріи: батарейную маіора Осипова и конную—Мерлина, огнемъ которыхъ были встрѣчаемы всѣ атаки французовъ на нашу позицію. Дѣло началось уже въ сумерки (въ 5 часовъ пополудни), и двѣ первыя атаки были отбиты исключительно нашими пушками; Беннигсенъ доносилъ объ этомъ, что—«непріятель былъ встрѣченъ картечью и побѣжалъ». При третьей атакѣ нашъ правый флангъ былъ оттѣсненъ, но въ центрѣ не-

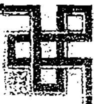

пріятель былъ снова отбитъ. Затѣмъ въ наступившей темнотѣ на позиціи осталась только конная рота и полковыя орудія (*), выжидавшія новой атаки Даву, которая и послѣдовала въ часъ ночи, но и это нападеніе, освѣщаемое только огнемъ сражавшихся, было отбито:—«полковая и конная артиллерія—писалъ Беннигсенъ,—подъ прикрытіемъ всѣхъ баталіоновъ, выдержала четвертое непріятельское нападеніе». Наконецъ послѣ пятой атаки, въ которой наша артиллерія снова явилась главной виновницей отраженія и этого натиска Даву (Беннигсенъ доносилъ, что нашимъ баталіонамъ пришлось бросаться въ штыки только тамъ, гдѣ нельзя было дѣйствовать артиллеріи), Остерманъ уже на разсвѣтѣ самъ снялся съ позиціи и отступилъ за Чарново (**).

Въ сраженіи подъ Пултускомъ (14 декабря) нашей артиллеріи выпала еще болѣе видная роль, рѣшившая участь самаго боя, при чемъ особенно отличился своей распорядительностью командиръ конной роты полковникъ Ставицкій. Французы одновременно повели атаку на всю нашу позицію, при чемъ, однако, главный ударъ направили на правый флангъ, но вездѣ потерпѣли неудачу, благодаря искусному употребленію нашихъ орудій. Атака ихъ на лѣвый флангъ была отбита своевременно прибывшими резервами и сильнымъ дѣйствіемъ поставленной тамъ батареи, занявшей отличную позицію. Въ центрѣ французскую кавалерію постигла катастрофа: генералъ Дороховъ, умышленно обратясь въ быстрое отступленіе со своими Изюмскими гусарами, завлекъ непріятеля на батарейную роту Васильева, которую маскировалъ до послѣдней минуты и которая по уговору уже приготовилась встрѣтить французовъ картечью; почти подъ самыми дулами пушекъ изюмцы, быстро очистивъ фронтъ батареи, открыли послѣдней несшагося

(*) Батарейную роту, въ виду предположеннаго отступленія, пришлось отправить назадъ.

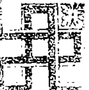
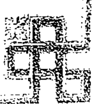
(**) За этотъ бой Мерлинъ, Осиповъ и Кудрявцевъ были награждены георгіевскими крестами.

за ними непріятеля, и брошенный Васильевымъ градъ картечи разсѣялъ преслѣдовавшихъ, нанеся имъ огромныя потери. Точно такъ же огнемъ нашихъ орудій была опрокинута кавалерія непріятеля и въ другихъ пунктахъ центра позиціи, но участь сраженія рѣшилась не здѣсь, а на правомъ флангѣ, куда были направлены главныя усилія французовъ. Здѣсь подъ напоромъ послѣднихъ наши войска были настолько потѣснены, что потеряли даже 6 орудій, но своевременно прибывшая батарейная рота Глухова перетянула вѣсы побѣды: принявъ на себя отступавшія войска наши, рота открыла губительный огонь—«нѣсколько залповъ съ сей батареи—доносилъ Беннигсенъ—побили великое множество непріятеля и удержали его стремленіе», а тѣмъ временемъ подоспѣли резервы, и позиція наша была сохранена. Тогда Беннигсенъ самъ перешелъ въ наступленіе и бросилъ въ атаку 20 эскадроновъ кавалеріи, но послѣднимъ, какъ видно, не довелось встрѣтить сопротивленія, потому что непріятель оказался уже сломленнымъ: конная рота Ставицкаго успѣла обскакать кавалерію и, быстро снявшись съ передковъ, взяла во флангъ непріятельскую пѣхоту, которая сильнымъ и удачнымъ огнемъ этихъ орудій была совершенно опрокинута и разсѣяна. На лѣвомъ флангѣ также послѣдовало не менѣе удачное наступленіе нашихъ колоннъ съ легкими орудіями, громъ которыхъ, говоря словами современниковъ, — возвѣстилъ конецъ сраженія и побѣду; французы были разбиты на всѣхъ пунктахъ и понесли огромныя потери. Свидѣтельствуя о блестящихъ дѣйствіяхъ артиллеріи въ бою подъ Пултускомъ, главнокомандующій доносилъ **Государю** о храбрости русскихъ войскъ и писалъ, что – особенно рекомендуетъ «егерскіе полки и всѣхъ артиллерійскихъ офицеровъ, дѣйствовавшихъ искусно и благоуспѣшно, въ чемъ и непріятель сознается» (*).

(*) Ставицкій и Васильевъ за дѣло подъ Пултускомъ были награждены георгіевскими крестами.

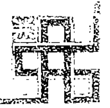

Можно было бы привести еще не мало славныхъ эпизодовъ изъ той же кампаніи, какъ напр. изъ дѣла (янв. 1807 г.) при селеніи Зинкенѣ, гдѣ два конныя орудія поручика Сухозанета не задумались вступить въ смертное единоборство съ несравненно превосходившею въ числѣ артиллеріей французовъ (у Сухозанета черезъ полчаса осталось въ живыхъ только четыре канонира, всѣ же прочіе, а равно и лошади, были перебиты), но къ сожалѣнію ихъ приходится обходить, въ виду и безъ того многочисленныхъ событій гораздо большей важности.—Наступилъ день битвы подъ Прейсишъ-Эйлау.

27 января 1807 года русская армія подъ предводительствомъ Беннигсена, имѣя при себѣ до 500 орудій, приняла для защиты Кенигсберга самое кровопролитное и упорное сраженіе своего времени, у Прейсишъ-Эйлау. Позиція наша представляла тупой исходящій уголъ, въ вершинѣ котораго находилась огромная центральная батарея въ 70 орудій, по флангамъ же позиціи двѣ другія, нѣсколько меньшія: на правомъ въ 60 и на лѣвомъ въ 40 орудій; остальныя артиллерійскія роты были расположены въ интервалахъ между полками. Начальникомъ всей артиллеріи былъ генералъ-маіоръ Рѣзвый, но, распоряжаясь только на лѣвомъ флангѣ, артиллерію праваго фланга онъ поручилъ Кутайсову, а центра —Левенштерну. Сраженіе началось рано утромъ, атакой маршала Сульта на нашъ правый флангъ, при чемъ со стороны французовъ въ ней приняли участіе 150 орудій, но несмотря на это огонь нашей артиллеріи остановилъ напоръ непріятеля, не успѣвшаго достичь здѣсь никакого успѣха, такъ что для поддержки Сульта Наполеонъ долженъ былъ двинуть еще цѣлый корпусъ Ожеро́. Послѣдній, слѣдуя во время страшной поднявшейся мятели, несшей цѣлые вихри въ лицо французамъ, сбился съ направленія и неожиданно для себя очутился передъ упомянутой центральной ба-

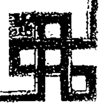

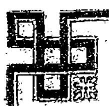
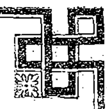

тареей, которая къ тому же была нарочно замаскирована двумя нашими пѣхотными полками; послѣдствія этой неожиданности были ужасны: Московскій и Шлиссельбургскій полки быстро демаскировали стоявшія за ними 70 орудій, и послѣднія открыли по французамъ такой убійственный огонь картечью, что весь корпусъ Ожеро былъ совершенно разгромленъ; послѣдовавшая затѣмъ атака въ штыки нашей пѣхоты довершила пораженіе здѣсь французовъ, такъ что цѣлый корпусъ Ожеро пересталъ существовать, и немногіе спасшіеся остатки его были расформированы Наполеономъ и распредѣлены по другимъ частямъ.

Между тѣмъ, пока происходило все описанное, на лѣвомъ нашемъ флангѣ появился корпусъ Даву, двинутый Наполеономъ въ обходъ нашей позиціи; миновавъ находившуюся тамъ нашу 40-орудійную батарею, Даву стремительно атаковалъ Остермана и настолько оттѣснилъ наше лѣвое крыло, что оно образовало прямой уголъ съ остальной позиціей; батареи французовъ получили такимъ образомъ возможность дѣйствовать перекрестнымъ огнемъ, и наступилъ тотъ критическій моментъ, которымъ должна была рѣшиться вся участь сраженія. Но въ эту роковую минуту съ праваго фланга принеслись во весь опоръ три наши конныя роты (Ермолова, Яшвиля и Богданова), за которыми уже было послано, и, занявъ позицію, остановили торжествующаго непріятеля градомъ картечи изъ 36-ти орудій. Французы подались назадъ и укрылись въ близлежавшей деревнѣ (Ауклапенъ), но снаряды Ермолова успѣли зажечь ее, и Даву вынужденъ былъ отступить далѣе. Насколько горячъ былъ здѣсь бой, можно судить уже изъ того, что напр. Ермоловъ не нашелъ возможнымъ оставить вблизи свои передки и ящики, и долженъ былъ отослать ихъ назадъ, выложивъ предварительно на снѣгъ всѣ орудійные заряды.

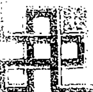

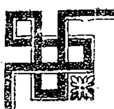
Такимъ образомъ наша артиллерія явилась здѣсь ближайшей виновницей одержанной побѣды, потому что, пока происходилъ описанный эпизодъ, войска Остермана успѣли устроиться, и подошедшій корпусъ Лестока атаковалъ французовъ во флангъ, вслѣдствіе чего Даву вынужденъ былъ къ дальнѣйшему отступленію.

Этимъ окончилась знаменитая битва 27 января, стоившая столько жертвъ и крови; обѣ стороны удержали свои позиціи и приписывали себѣ побѣду, но ночью Беннигсенъ снялся и отступилъ къ Кенигсбергу, какъ бы предупредивъ Наполеона, который самъ признавался, что иначе французы должны бы были оставить сами поле сраженія (*).

Послѣднимъ актомъ упоминаемой кампаніи было несчастное для насъ сраженіе подъ Фридландомъ (2 іюня), но и здѣсь, при самыхъ тяжкихъ обстоятельствахъ, русскія войска выказали полное самоотверженіе, однимъ изъ доказательствъ чему можетъ служить, что, несмотря на полный разгромъ нашей арміи, артиллерія лишилась всего 10-ти орудій, у которыхъ были подбиты лафеты или перестрѣляны лошади, всѣ же остальныя орудія были спасены, несмотря на свое критическое положеніе. Въ сраженіи этомъ были утрачены всѣ плоды предшествовавшихъ битвъ, и исходъ кампаніи въ результатѣ оказался неудачнымъ, но тѣмъ не менѣе нѣкоторыя артиллерійскія части удостоились особаго **Высочайшаго** вниманія: полковники Яшвиль и Ермоловъ получили рескрипты съ изъявленіемъ благоволенія **Государя Императора**, за отличное дѣйствіе ввѣренныхъ имъ ротъ (№№ 11 и 23), офи-

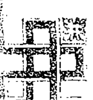
(*) Въ нашемъ Артиллерійскомъ музеѣ сохраняется дорогой памятникъ этой битвы: 6-фн. пушка, въ ней участвовавшая и раненая французскимъ ядромъ въ то время, когда уже была заряжена для выстрѣла; вслѣдствіе произведенной ударомъ ядра въ каналѣ выбоины, орудіе осталось и остается съ тѣхъ поръ неразряженнымъ.

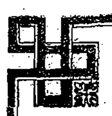

церамъ этихъ ротъ пожалованы золотыя петлицы, а нижнимъ чинамъ отпущено по 1000 руб. на роту, для награжденія наиболѣе отличившихся.

Нельзя не вспомнить также и о тѣхъ нашихъ артиллеристахъ, которымъ пришлось бороться съ врагами на другихъ театрахъ войны. Во время турецкой кампаніи, начавшейся съ 1806 года, артиллерія наша принимала дѣятельное участіе при осадѣ нѣсколькихъ крѣпостей, напр. при взятіи Базарджика, за что рота полковника Ансіо (№ 54) награждена золотыми петлицами. Подъ Мачиномъ (1809 г.) удачное дѣйствіе нашихъ орудій, сбившихъ пушки съ турецкаго бастіона и разрушившихъ послѣдній, избавило князя Багратіона отъ необходимости штурма, такъ какъ вслѣдъ за тѣмъ былъ взорванъ пороховой погребъ, и турки рѣшились сдаться, при несчастномъ же штурмѣ Рущука (1810 г.) многіе артиллерійскіе офицеры вызвались въ охотники и пали вмѣстѣ со своимъ начальникомъ храбрымъ графомъ Сиверсомъ. Въ сраженіи подъ тѣмъ же Рущукомъ въ 1811 году, когда на нашемъ лѣвомъ флангѣ туркамъ удалось произвести удачную атаку и опрокинуть часть русской кавалеріи, они настигли нѣсколько нашихъ орудій, спѣшившихъ стать подъ защиту пѣхоты, но и въ подобный критическій моментъ наши артиллеристы не бросали своихъ орудій:— «Я самъ видѣлъ – пишетъ графъ Ланжеронъ (командовавшій лѣвымъ флангомъ), - какъ храбрые артиллеристы отбивались раненые и тащили орудія въ мои карен», пока батальный и картечный огонь второй линіи не отбилъ зарвавшихся турокъ. Можно, наконецъ, почерпнуть кое-что даже и изъ нашихъ дѣйствій въ Финляндіи (1808—1809 гг.), несмотря на мѣстныя условія, допускавшія въ большей части случаевъ вести здѣсь только малую войну, въ которой наиважнѣйшее значеніе остается за пѣхотою. Такъ, напр., батарейная рота № 29, за свои дѣйствія подъ крѣ-

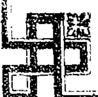

ностью Свартгольмомъ, заслужила золотыя петлицы. Въ Финляндіи же артиллеріи приходилось бороться съ огромными походными трудностями. Бывали случаи, когда орудія приходилось снимать съ лафетовъ и переносить на рукахъ, какъ напр. въ дѣлѣ при Куортанѣ (20 авг.), гдѣ перенесенныя по едва проходимой даже для пѣхотинца дорогѣ пушки спасли отрядъ Раевскаго отъ пораженія, удержавъ своимъ огнемъ атаку шведскихъ войскъ до прибытія подкрѣпленій. Бывали и такіе случаи, какъ при Телефтѣ, когда орудія, шедшія въ отрядѣ Алексѣева по льду Ботническаго залива, были сняты съ лафетовъ и везлись на саняхъ, и т. д..

Перечислить, хотя въ краткихъ чертахъ, всѣ выдающіяся дѣйствія нашей артиллеріи въ эпопею 1812 года для настоящаго случая дѣло невозможное; отечественная война полна доблестными подвигами нашихъ войскъ вообще и артиллеріи въ частности, въ сраженіяхъ какъ выигранныхъ, такъ и проигранныхъ, и потому позволимъ себѣ остановиться нѣсколько на событіи, затмившемъ собою всё, что происходило ранѣе, на битвѣ 26 августа подъ Бородиномъ; но и здѣсь придется ограничиться только нѣсколькими эпизодами, не болѣе.

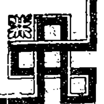
Извѣстно, что въ этомъ достопамятномъ сраженіи главныя усилія Наполеона были направлены противъ нашего лѣваго фланга (Багратіона), примыкавшаго къ лѣсу у деревни Утицы на старой Смоленской дорогѣ и укрѣпленнаго около села Семеновскаго тремя люнетами, съ версту вправо отъ которыхъ была возведена большая батарея Раевскаго, названная центральной. Атака этихъ люнетовъ была поручена Даву и Нею, а въ то же время Понятовскій долженъ былъ ударить на нашъ лѣвый флангъ, со стороны Смоленской дороги; для отвлеченія же вниманія Кутузова, вице-король итальянскій повелъ атаку и на нашъ правый флангъ, равно какъ и на самое Бородино.

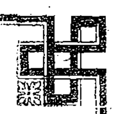

Около упомянутыхъ люнетовъ завязался ожесточенный бой, при громѣ дѣйствовавшихъ съ обѣихъ сторонъ лѣвѣе Семеновскаго 300 орудій; укрѣпленія эти нѣсколько разъ переходили изъ рукъ въ руки, но скоро положеніе стало критическимъ, такъ какъ въ обходъ люнетовъ Ней направилъ лѣсомъ цѣлую дивизію Жюно. Въ это время, однако, сюда успѣла прибыть гвардейская конная батарея (легкая № 1), отправленная вмѣстѣ съ двумя гвардейскими же батарейными ротами изъ резерва на помощь Багратіону. Полковникъ Козенъ (командовавшій гвардейской конной артиллеріей), разглядѣвъ обходъ появившихся изъ лѣса французовъ, поскакалъ сообщить объ этомъ нашей кавалеріи, а командиру батареи капитану Захарову приказалъ остановить огнемъ непріятеля; тогда Захаровъ, видя угрожавшую опасность и не ожидая никакого прикрытія, ринулся въ карьеръ на непріятеля и, снявшись съ передковъ на разстояніи близкаго картечнаго выстрѣла, открылъ убійственный бѣглый огонь, которымъ первая появившаяся изъ лѣса колонна французовъ была, буквально, уничтожена; послѣдовавшая затѣмъ атака прибывшихъ нашихъ кирасировъ довершила дѣло и разсѣяла дебушировавшіе баталіоны французовъ. Покончивъ здѣсь, батарея Захарова примкнула къ люнетамъ и вступила въ жаркій артиллерійскій бой съ 30-ю непріятельскими орудіями: болѣе двухъ часовъ продолжался этотъ неравный поединокъ, во время котораго французскія орудія понесли большія потери, но и батарея Захарова таяла какъ воскъ, лишаясь прислуги, падавшей подъ дождемъ разрывавшихся гранатъ непріятеля. Изъ офицеровъ однимъ изъ первыхъ былъ убитъ прапорщикъ Павловъ (юноша 19 лѣтъ), пораженный въ грудь и въ голову, за нимъ осколкомъ гранаты раненъ подпоручикъ Дивовъ, наконецъ гранатой былъ убитъ и самъ храбрый Захаровъ, но мѣста ихъ заняли Гардеръ и Гербель (адъютанты Козена). Въ ис-

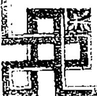
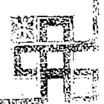

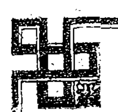
ходѣ боя на батареѣ не хватило зарядовъ, вслѣдствіе чего Козенъ вынужденъ былъ послать за смѣной и по прибытіи послѣдней (составленной изъ одиннадцати сборныхъ отъ разныхъ ротъ орудій) снялся съ позиціи, потерявъ, кромѣ офицеровъ, 58 нижнихъ чиновъ и 73 лошади (*).

У тѣхъ же люнетовъ отличились беззавѣтнымъ мужествомъ и двѣ другія гвардейскія батарейныя роты, высланныя на помощь Багратіону. Дѣйствія роты Его Высочества (подъ командой шт.-кап. Базилевича) были замѣчательно удачны, такъ какъ боровшіяся съ нею 24 французскихъ орудія были два раза смѣняемы непріятелемъ, но зато и ей самой пришлось понести тяжкія потери; уже при выѣздѣ на позицію, она лишилась 30-ти человѣкъ прислуги и трехъ зарядныхъ ящиковъ, но тѣмъ не менѣе, несмотря на адскій огонь противника, отъ котораго жестоко страдали наши астраханскіе кирасиры, она своими мѣткими выстрѣлами не замедлила ослабить послѣдній и затѣмъ продолжала свое единоборство съ вдвое сильнѣйшимъ непріятелемъ, при чемъ вскорѣ потеряла еще два ящика (взорванныхъ на самой позиціи) и одно орудіе (**), которое пришлось отвезти въ резервъ. Еще

(*) Генералъ Ратчъ, сохранившій намъ передаваемыя подробности Бородинскаго сраженія, прибавляетъ еще весьма характерную черту духа этой батареи: когда шт.-кап. Бистромъ отвелъ ее въ резервъ, то оставшаяся прислуга сама, безъ особаго приказанія, принялась сейчасъ же за исправленіе упряжи, послѣ чего Бистромъ, распредѣливъ уцѣлѣвшихъ лошадей по всѣмъ орудіямъ и ящикамъ, черезъ три часа послалъ сказать Козену, что батарея совершенно готова снова вступить въ дѣло!

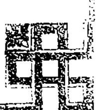
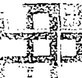
(**) Съ единорогомъ этимъ произошелъ единственный въ своемъ родѣ случай: въ то время, какъ орудіе банили, непріятельское ядро, ударивъ прямо въ каналъ, оторвало руку номеру съ банникомъ и вмѣстѣ со щеткой послѣдняго засѣло въ каморѣ такъ крѣпко, что его ничѣмъ не могли извлечь оттуда. Однако, фейерверкеръ Волковъ, прійдя съ орудіемъ въ резервъ, ухитрился помочь горю: снялъ съ какого то разбитаго колеса шину и, накаливая ее на огнѣ, успѣлъ выжечь ею осколки банника изъ канала, такъ что затѣмъ вывалилось и самое ядро; послѣ этой операціи единорогъ снова отправился въ дѣло.

большимъ потерямъ подверглась, находившаяся по сосѣдству, другая батарейная рота, графа Аракчеева: въ ней уцѣлѣло только четыре орудія (да и то въ трехъ изъ нихъ пришлось перемѣнить подбитые лафеты), взорвано пять ящиковъ, и перебито столько прислуги, что офицеры вынуждены были занимать мѣста орудійныхъ номеровъ, но и изъ нихъ, не исключая командира полковника Таубе, которому оторвало ногу, уцѣлѣли только двое (подпоручики Тиманъ 1-й и Тиманъ 2-й), остальные же пятеро всѣ были или ранены, или контужены; тѣмъ не менѣе, однако, остатки роты (4 орудія) продолжали дѣйствовать до самаго конца сраженія.

Несмотря на всѣ усилія нашихъ войскъ, французамъ при помощи постоянно пребывавшихъ резервовъ удалось наконецъ овладѣть упоминаемыми люнетами, и нашъ лѣвый флангъ подался къ селу Семеновскому, около котораго снова загорѣлся упорный бой. Здѣсь, какъ извѣстно, стойкость нашей гвардіи сокрушила всѣ усилія французской кавалеріи Нансути, пытавшейся врубиться въ русскія каре, при чемъ въ отраженіи тѣхъ же атакъ дѣятельное участіе принималъ и огонь нашей артиллеріи; имѣются извѣстія, что при этомъ не разъ повторялись случаи самозащиты ближайшей къ пѣхотѣ батарейной роты Его Высочества отъ наскакивавшей непріятельской кавалеріи, отбитые и разсѣянные эскадроны которой, потерявъ настоящее направленіе, вразсыпную налетали на орудія и вынуждали прислугу послѣднихъ не разъ отбиваться бывшими у нихъ въ рукахъ тесаками и принадлежностью. Офицеры этой роты (Горчаковъ, Сумароковъ и Дупинъ-Барковскій) особо упоминаются въ донесеніи о сраженіи, какъ оказавшіе отмѣнную храбрость и искуснымъ направленіемъ своихъ орудій вспомоществовавшіе сбить непріятельскую батарею и остановить его колонны, при чемъ двое изъ этихъ офицеровъ были ранены. Вообще, въ бою при Семеновскомъ нашей артиллеріей принесено

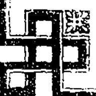
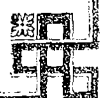

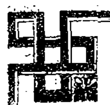

было много жертвъ; напр., въ гвардейской легкой ротѣ № 1-го, которой пришлось бороться съ двумя французскими батареями, потеря въ людяхъ была такъ велика, что рота не могла болѣе дѣйствовать и, лишившись половины орудій, была (единственнымъ уцѣлѣвшимъ въ ней офицеромъ шт.-кап. Ладыгинымъ) отведена въ резервъ, что не помѣшало однако ей затѣмъ снова явиться въ дѣло. Легкая рота № 2-го, лишившись уже многихъ людей, приняла участіе въ отраженіи кирасирскимъ **Его Величества** полкомъ атаки французской кавалеріи; Столыпинъ (командовавшій ротою), выѣхавъ впередъ и перемѣнивъ фронтъ, снялся съ передковъ, выжидая приближенія непріятеля на близкій картечный выстрѣлъ, какъ вдругъ французская кавалерія разступилась и очистила фронтъ прибывшей съ нею конной батареи, которая съ близкой дистанціи тотчасъ открыла частый огонь; такимъ образомъ на разстояніи всего 150 саженъ возгорѣлся артиллерійскій поединокъ, но французской батареѣ однако не повезло, такъ какъ отъ перваго же выстрѣла гранатою, которою былъ заряженъ одинъ изъ нашихъ единороговъ, у противника взлетѣлъ на воздухъ зарядный ящикъ, и французская батарея замолчала, а затѣмъ наши кирасиры, кинувшись въ атаку, смяли непріятельскую кавалерію и захватили двѣ пушки. Во время этого короткаго эпизода подъ Столыпинымъ была убита лошадь, и два офицера его были ранены (*).

Не менѣе горячій бой кипѣлъ и у вышеупоминавшейся центральной батареи (Раевскаго), на которую велъ атаку вице-король итальянскій; несмотря на страшный картечный огонь 18 орудій и всѣ усилія находившейся здѣсь нашей пѣхоты, французы было завладѣли батареею, но, благодаря энергіи командира л.-гв.

(*) Вакемутъ и Норовъ (впослѣдствіи Министръ Народнаго Просвѣщенія); послѣднему ядромъ оторвало ногу.

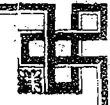

артиллерійской бригады генерала Ермолова, бросившагося съ однимъ баталіономъ Уфимскаго полка на занятое укрѣпленіе, французы были снова изъ него выбиты. Въ дѣлѣ этомъ погибъ, отличавшійся такимъ беззавѣтнымъ мужествомъ, графъ Кутайсовъ, который состоялъ начальникомъ артиллеріи и отдалъ по послѣдней столь извѣстный приказъ свой наканунѣ сраженія (*); тяжело раненъ былъ въ шею и самъ Ермоловъ.

При дальнѣйшемъ продолженіи боя здѣсь же особенно выдались дѣйствія гвардейской конной батареи капитана Ралля: Когда войска Груши, поддерживаемыя кавалерійской атакой Коленкура, успѣли снова овладѣть центральной батареей (Раевскаго) и вслѣдъ за тѣмъ смяли наши ближайшіе баталіоны, то второй дивизіонъ Ралля (подъ командой поручика Корфа) кинулся навстрѣчу нашей отступавшей пѣхотѣ и, заставивъ ее очистить мѣсто для орудій, снялся съ передковъ всего въ 100 саженяхъ отъ непріятеля; результаты картечнаго огня съ такой близкой дистанціи были ужасны, и послѣ двухъ или трехъ очередей дивизіона головной непріятельской колонны не существовало. Прибытіе однако подоспѣвшей французской кавалеріи едва не погубило отважнаго Корфа; не успѣвъ даже посадить прислугу на лошадей, онъ вынужденъ былъ къ поспѣшному отступленію: орудія уходили на отвозахъ, прислуга бѣжала пѣшкомъ, но непріятельскіе всадники все-таки настигли дивизіонъ, и послѣдній ко-

(*) «Подтвердить отъ меня во всѣхъ ротахъ, чтобъ онѣ съ позиціи не снимались, пока непріятель не сядетъ верхомъ на пушки. Сказать командирамъ и всѣмъ гг. офицерамъ, что, отважно держась на самомъ близкомъ картечномъ выстрѣлѣ, можно только достигнуть того, чтобъ непріятелю не уступить ни шагу нашей позиціи. Артиллерія должна жертвовать собою; пусть возьмутъ васъ съ орудіями, но послѣдній картечный выстрѣлъ выпустите въ упоръ, и батарея, которая такимъ образомъ будетъ взята, нанесетъ непріятелю вредъ, вполнѣ искупающій потерю орудій». (Оригиналъ на французскомъ языкѣ).

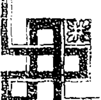
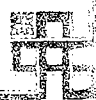

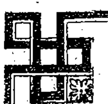

нечно сдѣлался бы ихъ добычею, если бы не подоспѣла выручка кавалергардовъ, которые успѣли во-время прискакать для спасенія орудій. Что касается до перваго дивизіона той же конной батареи, то ему пришлось испытать болѣе горькую участь: отправленный полковникомъ Козеномъ для помощи въ преслѣдованіи опрокинутой кавалеріи Коленкура, онъ наткнулся на непріятельскую пѣхоту съ 12-ю орудіями, послѣ короткаго боя съ которыми потерялъ три ящика, 49 нижнихъ чиновъ и 40 лошадей; при этомъ былъ смертельно раненъ командиръ батареи Ралль и убитъ поручикъ Вольфъ, но орудія успѣли отступить подъ командой Столыпина, не бросившаго даже то изъ нихъ, подъ которымъ оставалось всего лишь три колеса!

Таковы отдѣльныя картины знаменитаго сраженія, дошедшія до нашего времени въ запискахъ его участниковъ, но относящіяся, главнымъ образомъ, до гвардейской артиллеріи и составляющія только незначительную часть всего того, что произошло въ памятный день 26 августа на Бородинскомъ полѣ. О дѣйствіяхъ остальной, главной массы нашей полевой артиллеріи подробностей почти не имѣется, а между тѣмъ, судя по нѣкоторымъ отдѣльнымъ фактамъ, ею было проявлено не менѣе же доблести и самоотверженія; напр., резервная конная рота полковника Никитина, находясь постоянно въ огнѣ, потеряла 93 человѣка прислуги, 113 лошадей, и въ ней же были повреждены 7 орудій. Въ донесеніи о дѣйствіи войскъ корпуса Тучкова говорится, что когда шести орудіямъ 17-й роты было приказано занять лежавшія впереди высоты, то непріятель, желая воспрепятствовать этому и стремясь самъ занять послѣднія, выслалъ впередъ стрѣлковъ подъ прикрытіемъ отдѣльной колонны, открывъ въ то же время сильнѣйшій огонь по орудіямъ; однако градъ ядеръ и картечи, посыпавшійся съ французскихъ батарей, не остановилъ храбраго поручика Щепотева,

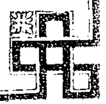

который, командуя тѣми орудіями, съ удивительнымъ хладнокровіемъ занялъ назначенное ему мѣсто и дѣйствовалъ съ невѣроятною удачею, такъ что не было выстрѣла, который бы не наносилъ большого вреда непріятелю; въ результатѣ, въ самое короткое время, колонна непріятельская должна была удалиться.

Во время атаки принца Виртембергскаго, наша артиллерія причинила огромный вредъ противнику. На одной изъ нашихъ батарей, атакованной польскими уланами, прислуга отбилась отъ нихъ банниками и прочею принадлежностью, примѣръ чему подалъ случайно находившійся на батареѣ генералъ Костенецкій, какъ мы уже говорили,—извѣстный геркулесъ своего времени, знакомый французамъ еще съ Аустерлицкаго сраженія. Схвативъ банникъ, Костенецкій лично кинулся въ рукопашную и имъ дѣйствовалъ, пока въ могучихъ рукахъ его банникъ не разлетѣлся на двѣ части.... (*).

Капитанъ французской артиллеріи Шамбре, участникъ Бородина, сообшаетъ, что утромъ на другой день Наполеонъ, объѣзжая поле сраженія, приказывалъ переворачивать тѣла убитыхъ, чтобы видѣть, отъ какихъ они пали ударовъ;—почти всѣ носили слѣды пораженія артиллерійскими снарядами!...

Отрываясь отъ кровавыхъ и славныхъ страницъ Бородинской битвы, прибавимъ, что за отличіе въ ней всѣмъ пѣшимъ ротамъ и коннымъ батареямъ гвардейской артиллеріи были пожалованы георгіевскія трубы; въ полевой артиллеріи получили знаки отличія на кивера и золотыя петлицы 5 пѣшихъ ротъ и 4 батареи конныхъ, а одна конная также награждена серебряными трубами.

(*) Передаютъ анекдотъ, что вслѣдствіе этого эпизода Костенецкій предлагалъ ввести въ артиллеріи желѣзные банники, на что Императоръ Александръ отвѣтилъ: «желѣзные банники у меня могутъ быть, но откуда взять Костенецкихъ, чтобы владѣть ими!»

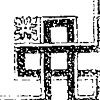

Во второй половинѣ кампаніи 1812 года остановимся, хотя мелькомъ, на сраженіяхъ 12 октября и 5 ноября.

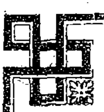
Подъ Малымъ Ярославцемъ (12 октября), когда городъ въ седьмой разъ перешелъ въ руки французовъ, и колонны вице-короля итальянскаго стали выходить изъ него, чтобы проложить путь отступленію непріятельской арміи по Калужской дорогѣ, огонь нашихъ батарей оказалъ такое дѣйствіе, что французы снова должны были скрыться въ городѣ и не имѣли возможности въ теченіе нѣсколькихъ часовъ изъ него показаться. Здѣсь опять особенно отличился командовавшій гвардейскими конными батареями полковникъ Козенъ, который съ 4-мя орудіями подскакалъ къ самой Калужской заставѣ и, съ трудомъ разставивъ орудія среди грудъ валявшихся труповъ и раненыхъ, открылъ губительный огонь по непріятелю (*).

Послѣ сраженія подъ Краснымъ (5 ноября), князь Голицынъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ отзывался о дѣйствіяхъ конной роты полковника Никитина, «коего дѣятельность, храбрость и искусство превышали всякую похвалу». Никитинъ, перейдя со своими орудіями на другую сторону рѣчки, подъѣхалъ на самую близкую дистанцію къ лѣвому крылу французской позиціи и картечнымъ огнемъ совершенно его разсѣялъ; кавалерія наша ринулась преслѣдовать непріятеля, и тогда Никитинъ, опередивъ послѣднюю, бросился съ своей прислугой также въ атаку холоднымъ оружіемъ, при чемъ успѣлъ даже отбить три французскія орудія. Съ отважнымъ артиллеристомъ этимъ мы еще встрѣтимся ниже.

Наступилъ 1813 годъ, и громъ русскихъ орудій снова сталъ раздаваться уже за предѣлами Россіи. Рядъ сраженій въ заграничныхъ кампаніяхъ 1813 и 1814 гг. внесъ въ лѣтописи нашей

(*) За это дѣло Козену пожалованъ орденъ св. Георгія 4-й степени.

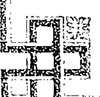

артиллеріи новыя свѣтлыя страницы, связанныя съ воспоминаніями о Люценѣ, Бауценѣ, Лейпцигѣ, Бріеннѣ, Фершампенуазѣ и друг..

Въ сраженіи подъ Люценомъ (20 апрѣля), наша конная артиллерія имѣла случай отличиться въ личномъ присутствіи **Императора Александра**, когда французы направили свои усилія противъ лѣваго нашего фланга. **Государь**, подъѣхавъ къ генералъ-маіору Никитину, приказалъ ему взять 40 конныхъ орудій и остановить непріятеля, прибавивъ: «Я самъ буду смотрѣть на дѣйствіе твоей артиллеріи». Никитинъ не замедлилъ оправдать ожиданія **Государя** и, вынесшись на близкій картечный выстрѣлъ, убійственнымъ огнемъ своихъ орудій опрокинулъ наступавшаго непріятеля.

Подобный же эпизодъ повторился и подъ Бауценомъ, когда **Государь**, также лично, приказалъ полковнику Козену взять гвардейскую конную батарею и остановить наступавшую колонну французовъ. Батарея подскакала на 100 сж. къ непріятелю и, открывъ огонь, принудила отступить французовъ, но когда вслѣдъ за тѣмъ она же помчалась на новую позицію, то попала, въ свою очередь, подъ градъ непріятельскихъ снарядовъ, лишившій ее двухъ взорванныхъ зарядныхъ ящиковъ. Все это совершилось на глазахъ у **Государя**, который, потерявъ наконецъ изъ вида лихую батарею, послалъ узнать—«жива-ли гвардейская конная артиллерія?»

Нельзя не сослаться также напр. и на слова самого Блюхера, который, послѣ дѣла при Кацбахѣ, публично заявилъ, что—«мы много обязаны генералу Сакену, артиллерія котораго на высотахъ у Эйхгольца облегчила нашу работу, а кавалерія, ударивъ въ тылъ Себастіани, довершила побѣду». Не безынтересно сопоставить съ этимъ, что когда послѣ неудачнаго сраженія подъ Дрезденомъ послѣдовало отступленіе къ Теплицу, и когда союзники наши, бросая свое оружіе, взрывали даже зарядные ящики, то Александръ I, имѣвъ случай видѣть все это, произвелъ на другой день

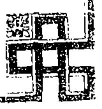

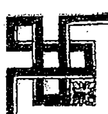

послѣ Кульмскаго сраженія смотръ русской артиллеріи; оказалось, что послѣдняя нашла возможность поступить совершенно иначе и, преодолѣвъ всѣ препятствія, представилась **Государю** въ полной исправности.

Въ день битвы подъ Лейпцигомъ (10 октября), сосредоточенный огонь 112 русскихъ орудій, приведенныхъ въ рѣшительную минуту Сухозанетомъ, исторгъ, какъ извѣстно, побѣду изъ рукъ Наполеона. На вопросъ **Государя** въ критическій моментъ боя — «гдѣ твоя резервная артиллерія», Сухозанетъ отвѣтилъ, что—она будетъ здѣсь черезъ двѣ минуты, и дѣйствительно скоро на глазахъ Александра пронеслись выстраивавшіяся на карьерѣ конныя роты. Страшный огонь этой массы орудій сломилъ непріятеля, и побѣда осталась за союзниками. Въ своихъ запискахъ Сухозанетъ особенно выхваляетъ подъ Лейпцигомъ дѣйствія 23-й конной роты Маркова, которая цѣной потери большей части своей прислуги заплатила за свой успѣхъ въ пораженіи огнемъ кавалеріи Мюрата.

Въ кампанію 1814 года, слѣдуетъ вспомнить о сраженіи при Бріеннѣ. **Императоръ Александръ**, желая поддержать нашу кавалерію послѣ неудачной ея атаки, приказалъ Сакену выслать впередъ всю его артиллерію, несмотря на невозможную вязкость мѣстнаго грунта, крайне затруднявшую всякое передвиженіе орудій. Пришлось прибѣгнуть къ совершенно исключительной мѣрѣ: половину орудій оставили на прежней позиціи, а лошади и даже часть прислуги были распредѣлены къ остальнымъ 36-ти, которыя и были двинуты впередъ, при чемъ подъ батарейныя орудія впрягли по 10-ти, подъ легкія—по 6-ти и подъ ящики—по 5-ти лошадей. Затѣмъ генералъ-маіоръ Никитинъ, посадивъ прислугу на орудія, подъѣхалъ къ непріятелю на хорошій выстрѣлъ и открылъ огонь, опередивъ всѣ прочія войска наши и оставаясь совершенно безъ всякаго прикрытія, несмотря на произведенную

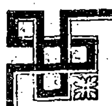
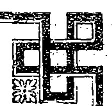
на него кавалеріей Нансути атаку, которую пришлось отражать единственно огнемъ артиллеріи; при этомъ, благодаря тѣмъ же почвеннымъ условіямъ, непріятель понесъ большія потери и былъ опрокинутъ въ полномъ разстройствѣ.

Подъ Парижемъ закончилась вся эта эпопея безпрерывныхъ битвъ и походныхъ трудовъ нашей артиллеріи; въ послѣдній разъ на глазахъ **Императора Александра** рота **Его Величества**, выѣхавъ на Бельвильскія высоты, обратила на себя вниманіе **Государя** сильнымъ и мѣткимъ дѣйствіемъ своихъ орудій и удостоилась личной благодарности **Его Величества**. Среди этой же роты Александръ I принималъ и прибывшихъ изъ Парижа депутатовъ, для заключенія условій о вступленіи нашихъ войскъ въ столицу Франціи.

Намъ остается закончить описываемый періодъ немногими словами о томъ, какія еще наиболѣе выдающіяся измѣненія послѣдовали въ нашей артиллеріи въ теченіе остальнаго времени первой половины XIX столѣтія.

Относительно матеріальной части, слѣдуетъ отмѣтить дальнѣйшее упрощеніе состава послѣдней, какъ напр. отмѣну 12-фн. пушекъ меньшей пропорціи и «конныхъ» 1/4-пд. единороговъ; уравненіе калибровъ 1/2-пд. единороговъ съ 24-фн. пушками и 1/4-пудовыхъ—съ 12-фунтовыми; утвержденіе новой системы полевыхъ лафетовъ и ящиковъ, при чемъ установлены два рода первыхъ— батарейные и легкіе; принятіе для горной артиллеріи 10-фн. единорога и 1/4-пд. мортиры; замѣну въ осадной артиллеріи короткихъ 1-пд. единороговъ длинными и кегорновыхъ мортирокъ 1/2-пудовыми; уничтоженіе въ крѣпостной артиллеріи 3-фн. и 30-фн. пушекъ, введеніе 5-пд. и 3-пд. мортиръ дальняго бросанія, а также 3-пд. бомбовыхъ пушекъ, уравненіе калибровъ крѣпостныхъ орудій и проч.. Вообще же капитальное значеніе въ опи-

сываемомъ періодѣ имѣли труды особой Комиссіи, занимавшейся пересмотромъ и уравненіемъ калибровъ сухопутной и морской артиллеріи, въ результатѣ дѣятельности которой явилось **Высочайше** утвержденное въ 1838 году положеніе и принята система артиллерійскихъ орудій, подъ названіемъ «новой конструкціи», просуществовавшая затѣмъ безъ значительныхъ измѣненій до перевооруженія всей нашей артиллеріи нарѣзными пушками.

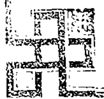
Системой этой удержаны для нашей артиллеріи слѣдующія орудія:

Пушки:	мѣдныя . . .	6, 12, 18 и 24-фн.
	чугунныя . . .	6, 12, 18, 24 и 36-фн. и 3-пд. бомбовыя.
Единороги:	мѣдные . . .	$^{1}/_{4}$, $^{1}/_{2}$ и 1-пд.
	чугунные . . .	$^{1}/_{2}$ и 1-пд.
Мортиры:	мѣдныя . . .	$^{1}/_{4}$, $^{1}/_{2}$, 2, 3 и 5-пд.
	чугунныя . . .	2 и 5-пд.

Въ отношеніи организаціонномъ, самой крупной мѣрой явилось уменьшеніе величины дѣйствующихъ батарей полевой артиллеріи, которыя, въ виду опыта прошедшихъ войнъ, были переформированы въ 8-орудійный составъ (1833 г.), исключая резервныхъ, такъ какъ послѣднія оставлены попрежнему 12-орудійными. Вооруженіе же самихъ батарей принято слѣдующее:

Пѣшей.	Въ батарейной:	пушекъ 12-фн.	4
		единороговъ $^{1}/_{2}$-пд.	4
	Въ легкой:	пушекъ 6-фн.	6
		единороговъ $^{1}/_{4}$-пд.	2
Конной.	Въ батарейной:	единороговъ $^{1}/_{2}$-пд.	8
	Въ легкой:	пушекъ 6-фн.	4
		единороговъ $^{1}/_{4}$-пд.	4

Для раціональнаго устройства осадной артиллеріи, особое значеніе имѣлъ 1847 годъ, когда о ней состоялось **Высочайше** утвержденное положеніе, выработанное особымъ Комитетомъ, подъ предсѣдательствомъ генерала Эйлера. Въ силу этого положенія, осадная артиллерія должна была состоять изъ Западнаго и Южнаго осадныхъ парковъ (каждый въ составѣ 4-хъ отдѣленій),

кромѣ которыхъ существовали еще три отдѣленія: Грузинское и два запасныя; всего осадныхъ орудій должно было состоять 286, по 26-ти въ каждомъ изъ отдѣленій.

Что касается до артиллеріи крѣпостной или гарнизонной, то хотя въ 1820 г. и были утверждены табели о содержаніи въ крѣпостяхъ орудій и прочаго, но онѣ подвергались значительнымъ измѣненіямъ, въ зависимости отъ условій той или другой мѣстности; въ 1844 же году получили **Высочайшее** утвержденіе — новыя общія правила о вооруженіи крѣпостей, которыми опредѣлены всѣ необходимыя для того подробности.

Наконецъ, относительно высшаго управленія всей артиллеріей, необходимо отмѣтить учрежденіе въ 1828 году Штаба Генералъ-Фельдцейхмейстера, преобразованнаго изъ состоявшей съ 1820 года при особѣ Генералъ-Фельдцейхмейстера отдѣльной канцеляріи, которая появилась вслѣдствіе вступленія Великаго Князя Михаила Павловича въ непосредственное управленіе ввѣренной ему артиллеріей. По новому образованію Военнаго Министерства въ 1836 году, оно составлено изъ Главнаго Штаба, Военнаго Совѣта, Генералъ-аудиторіата и нѣсколькихъ департаментовъ, въ томъ числѣ—Артиллерійскаго, параллельно съ которымъ имѣлъ свои дѣйствія и Штабъ Генералъ-Фельдцейхмейстера; въ составѣ же Главнаго Штаба, вмѣстѣ съ Военнымъ Министромъ долженъ былъ состоять и Генералъ-Фельдцейхмейстеръ.

Въ заключеніе того же періода нельзя не упомянуть о мѣрѣ большой важности для порядка комплектованія корпуса артиллерійскихъ офицеровъ русской артиллеріи,—объ основаніи въ 1820 году спеціальнаго Артиллерійскаго училища.

Занесемъ на столбцы нашей краткой хроники еще нѣсколько послѣднихъ, хотя единичныхъ воспоминаній изъ турецкой кампаніи 1828—29 годовъ.

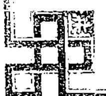
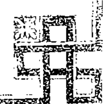

Въ теченіе ея нашими войсками на обоихъ театрахъ военныхъ дѣйствій (въ Европѣ и Азіи) совершены переходы черезъ Дунай, черезъ Балканскій и Саганлугскій хребты, взяты крѣпости Браиловъ, Варна, Силистрія, Карсъ и Ахалцыхъ, и вездѣ артиллерія являлась дѣятельной участницей подвиговъ, совершенныхъ русской арміей. При штурмѣ Ахалцыха, пѣхота наша на своихъ плечахъ перенесла пушки черезъ ровъ и даже втащила нѣсколько орудій на крыши ближайшихъ домовъ, чтобы выстрѣлами ихъ разогнать засѣвшихъ за разными закрытіями турокъ. Въ дѣлѣ при Кулевчѣ, артиллерія наша явилась ближайшей виновницей побѣды, одержанной надъ арміей верховнаго визиря, такъ какъ вслѣдствіе особенно мѣткаго огня конной батареи № 19, выдвинутой лихимъ генераломъ Арнольди (*), на позиціи непріятеля произошелъ взрывъ цѣлаго ряда зарядныхъ ящиковъ, и въ турецкихъ войскахъ распространилось смятеніе, вызвавшее отступленіе непріятеля. При штурмѣ Калафата турки выставили было часть своихъ орудій внѣ окоповъ и открыли по нашимъ войскамъ сильный огонь, но рѣшительныя и смѣлыя дѣйствія нашей артиллеріи, успѣвшей быстро подбить многія изъ турецкихъ пушекъ, вынудили непріятеля поспѣшить убрать свои орудія за окопы, а затѣмъ и очистить послѣдніе. Подъ Браиловымъ осадныя батареи, въ личномъ присутствія **Государя Императора**, разрушили въ нѣсколько часовъ крѣпостныя ворота и сбили большую часть орудій береговаго непріятельскаго бастіона, и т. д..

(*) Извѣстный боевой артиллеристъ своего времени:—тяжело раненый подъ Лейпцигомъ, Арнольди былъ положенъ на солдатскую шинель и, истекая кровью, лившейся изъ раздробленной ноги, тѣмъ не менѣе до послѣдней минуты оставался при своихъ орудіяхъ, пока послѣднимъ не приказано было сняться съ позиціи. Потеря ноги не помѣшала этому герою принимать участіе и въ кампаніи 1828—29 г., въ боевые моменты которой онъ появлялся верхомъ на конѣ, въ сопровожденіи ординарца, возившаго всюду за нимъ неразлучную деревяшку.

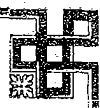

Сохранились также извѣстія о нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ, въ которыхъ нашими артиллеристами было выказано высокое мужество и самоотверженіе.

Напр., въ дѣлѣ подъ Шумлою, непріятельская граната упала подъ нашъ зарядный ящикъ, и послѣднему угрожала неминуемая участь взлетѣть на воздухъ, но въ эту минуту одинъ изъ номеровъ орудійной прислуги, не задумавшись, кинулся къ ящику и, схвативъ пылавшій снарядъ, сбросилъ его внизъ съ крутизны, на которой стояли орудія, послѣ чего немедленно послѣдовалъ взрывъ гранаты. Подвигъ произошелъ на глазахъ многихъ кавалерійскихъ и другихъ офицеровъ, которые, видя подобное самоотверженіе, собрали тутъ же между собой значительную сумму денегъ и наградили ею неустрашимаго артиллериста. Другой разъ, въ дѣлѣ при Котешѣ произошелъ слѣдующій случай: при переходѣ черезъ рытвину одна изъ нашихъ пушекъ (19-й артиллерійской бригады) опрокинулась и была брошена въ виду того, что переранненныя лошади не могли ее вывезти. Генералъ Ридигеръ, увидя, что орудіемъ завладѣлъ непріятель, приказалъ двумъ ротамъ 37-го егерскаго полка отбить его, и хотя егеря исполнили это, но, не имѣя возможности увезти пушку и атакованные, въ свою очередь, превосходнымъ непріятелемъ, должны были снова отступить. Тогда полковникъ Макалинскій, потерявъ надежду на спасеніе своего орудія, лично бросился къ нему и, жертвуя жизнью, подъ градомъ пуль непріятеля успѣлъ своими руками заклепать пушку.

Таковы были славныя дѣла и преданія нашей артиллеріи стараго времени, незначительною лишь частью которыхъ возможно было иллюстрировать настоящія страницы. Намъ остается закончить еще немногими словами о тѣхъ громадныхъ успѣхахъ артиллеріи новѣйшаго времени, которые поставили послѣднюю на

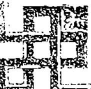

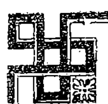
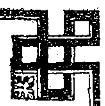

неизмѣримую вышину, сравнительно съ гладкостѣнными орудіями, потрясавшими Европу въ теченіе болѣе четырехъ столѣтій.

Выше мы уже имѣли случай замѣтить, что вторая половина XIX столѣтія характеризуется капитальнѣйшими фактами въ исторіи артиллеріи не только русской, но и всѣхъ иностранныхъ государствъ, именно всеобщимъ переходомъ къ совершенно новой системѣ нарѣзныхъ заряжающихся съ казенной части орудій, т. е. фактомъ, едва-ли не равносильнымъ первоначальному появленію самихъ огнестрѣльныхъ орудій.

Такимъ образомъ, только во второй половинѣ XIX вѣка, благодаря могучей помощи науки и гигантскимъ средствамъ современной намъ техники, осуществилась практически та идея, которая сопутствовала появленію первыхъ огнестрѣльныхъ орудій и занимала затѣмъ нашихъ предковъ въ разные періоды сѣдой древности, во времена напр. царей Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича, но идея, остававшаяся тѣмъ не менѣе мертвою, слишкомъ опередившею свое время и не могшею быть раціонально осуществимой слабыми средствами тогдашней артиллерійской техники. Въ своемъ мѣстѣ мы уже указывали, что не только честь первыхъ попытокъ къ осуществленію идеи нарѣзныхъ заряжающихся съ казенной части орудій, но и первая постановка на научную почву вопроса о свойствахъ правильнаго вращательнаго движенія выстрѣленныхъ снарядовъ принадлежитъ не другому кому, какъ именно Россіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы обязаны признать, что первые правильные шаги на пути раціональнаго практическаго рѣшенія той же задачи, а равно и вѣрная оцѣнка всего значенія ея успѣшнаго разрѣшенія, принадлежитъ не намъ, а Западной Европѣ. Первымъ угадалъ громадное будущее значеніе нарѣзной артиллеріи англичанинъ Робинсъ, который еще въ по-

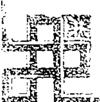

ловинѣ прошлаго столѣтія предсказалъ, что—«нація, которая хорошо изучитъ свойства нарѣзнаго оружія, которая достигнетъ легчайшихъ способовъ его приготовленія, и армія которой будетъ искусно пользоваться выгодами подобнаго оружія, та нація будетъ имѣть передъ другими такія въ артиллерійскомъ отношеніи преимущества, какія по свидѣтельству исторіи имѣли государства, введшія первыми у себя огнестрѣльное оружіе!» Первыми съ нарѣзной артиллеріей явились на полѣ битвы французы, которые въ 1859 г. и доказали воочію всѣ преимущества новой системы своихъ орудій, и отсюда началась та работа по перевооруженію всѣхъ армій, которая не окончилась и до нашихъ дней, и которая въ концѣ концовъ привела современную намъ артиллерію европейскихъ государствъ къ ея нынѣшнему высоко блестящему состоянію.

Но какъ за границей, такъ и у насъ въ Россіи, къ подобнымъ результатамъ пришли не сразу: развитіе нарѣзныхъ заряжающихся съ казенной части орудій должно было пройти еще извѣстныя значительныя стадіи, въ теченіе даже послѣдняго времени, пока не выработались техническіе образцы, отвѣчающіе всѣмъ современнымъ требованіямъ военнаго дѣла.

У насъ реакція въ системѣ артиллерійскаго вооруженія началась вслѣдъ за окончаніемъ Крымской кампаніи, одновременно со вступленіемъ въ управленіе артиллеріей **Его Императорскаго Высочества** Генералъ-фельдцейхмейстера **Михаила Николаевича** (1856 г.) (*), при чемъ первые шаги въ этомъ направленіи клонились преимущественно къ рѣшенію задачи о приспособленіи къ существовавшимъ гладкостѣннымъ орудіямъ такихъ снарядовъ, которые сравнительно съ прежними имѣли бы бóльшую скорость и

(*) Въ періодъ 1849—1856 г., т. е. по кончинѣ Великаго Князя Михаила Павловича, ею управлялъ по 1852 г. (30 марта), съ званіемъ Инспектора всей артиллеріи,—генералъ Гилленшмитъ, а послѣ него баронъ Корфъ 1-й (1852—56 гг.).

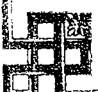

болѣе правильное въ каналѣ движеніе. Но всѣ подобныя попытки (какъ напр. испытанія ядеръ со свинцовыми шпиглями и разныхъ продолговатыхъ снарядовъ) оказались не достигающими своей цѣли, и потому область дальнѣйшихъ изысканій сосредоточилась исключительно на вопросѣ о переходѣ къ орудіямъ съ нарѣзнымъ каналомъ.

Послѣ цѣлаго ряда изслѣдованій и опытовъ надъ нарѣзными орудіями различныхъ системъ, 10-го августа 1860 г. состоялся у насъ первый приказъ по Артиллеріи, о введеніи новыхъ 4 фн. нарѣзныхъ пушекъ по образцу французскихъ, но съ улучшеніями предложенными Артиллерійскимъ Комитетомъ; какъ извѣстно, это была система орудій, заряжавшихся съ дула, имѣвшихъ въ каналѣ шесть нарѣзовъ и стрѣлявшихъ цилиндро-стрѣльчатой гранатой, съ цинковыми на ея поверхности выступами, каковыми пушками было предназначено снабдить всѣ наши пѣшія легкія батареи. Одновременно съ тѣмъ же, сравнительные опыты показали возможность воспользоваться съ выгодой существовавшими тогда нашими 12-фн. батарейными пушками, для обращенія ихъ въ нарѣзныя, почему этими передѣланными орудіями положено было вооружить наши батарейныя батареи; наконецъ, ту же мѣру назначено было примѣнить и по отношенію къ разнымъ орудіямъ какъ осадной, такъ и крѣпостной артиллеріи, а вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду благопріятныхъ результатовъ, полученныхъ при опытахъ надъ пробными 12-фн. орудіями, отлитыми изъ стали, было признано полезнымъ замѣнить таковыми (стальными) въ будущемъ всѣ наши какъ мѣдныя, такъ и чугунныя орудія.

Независимо отъ этого, слѣдовали, одно за другимъ, еще и прочія отдѣльныя нововведенія, и шли опыты, между прочимъ, надъ нѣкоторыми системами заряжанія съ казенной части, но мы здѣсь останавливаться на нихъ не можемъ; упомянемъ лишь еще о весь-

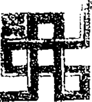

ма важномъ нововведенiи относительно лафетовъ нашей артиллерiи, именно о принятiи лафетовъ желѣзныхъ, вмѣсто прежнихъ деревянныхъ, первыя попытки къ чему явились также вскорѣ послѣ Крымской кампанiи (*) и затѣмъ съ теченiемъ времени были удачно разрѣшены какъ трудами разныхъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и Артиллерiйскимъ Комитетомъ, для всѣхъ родовъ принятыхъ у насъ орудiй.

Система нарѣзной артиллерiи, заряжавшейся съ дула, оказалась однако недолговѣчною, такъ какъ, съ одной стороны, практика показала, что при подобномъ условiи нарѣзки въ орудiяхъ довольно быстро портились, да и на самую мѣткость стрѣльбы имѣла большое влiянiе тщательность вставки снарядныхъ цинковыхъ выступовъ, съ другой же—за границей въ то время успѣлъ выработаться довольно удовлетворительный образецъ полевыхъ орудiй новаго типа—заряжавшихся уже съ казенной части. Покойный Товарищъ Генералъ-фельдцейхмейстера графъ Баранцовъ, въ 1863 г., имѣлъ случай лично ознакомиться въ Берлинѣ съ орудiями этой новой системы и, присутствовавъ на практической стрѣльбѣ прусскихъ полевыхъ пушекъ, вынесъ полное убѣжденiе, что послѣднiя по достоинствамъ своимъ не имѣли въ то время себѣ нигдѣ соперниковъ, а послѣдовавшая затѣмъ боевая служба тѣхъ же орудiй въ 1864 году подъ Дюпелемъ вполнѣ подтвердила ихъ преимущества, такъ что все это, вмѣстѣ съ благопрiятными результатами испытанiя той же системы непосредственно и у насъ, послужило основанiемъ для введенiя нарѣзныхъ заряжающихся съ казенной части орудiй во всѣ роды нашей артиллерiи (1867 г.).

(*) *Собственно для крѣпостной артиллерiи вопросъ этотъ былъ уже рѣшенъ еще* при Генералъ-фельдцейхмейстерѣ Великомъ Князѣ Михаилѣ Павловичѣ (лафеты Венгловскаго), за исключенiемъ впрочемъ береговыхъ орудiй (3-пд. и 60-фн. пушекъ).

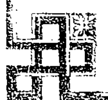

Новыми нормальными образцами для полевой артиллеріи были у насъ приняты 4-фн. и 9-фн. стальныя пушки, стрѣлявшія снарядами съ мягкой свинцовой оболочкой, изъ коихъ 4-фн. была прусской системы, но съ нѣсколько увеличеннымъ калибромъ, а 9-фн. по своимъ качествамъ (вѣсу снаряда и его разрывному дѣйствію) явилась превосходящею всѣ полевыя орудія прочихъ государствъ. Послѣдовавшія затѣмъ важныя техническія усовершенствованія въ конструкціи запирающихъ механизмовъ (относительно ихъ упрощенія и прочности), достиженіе вполнѣ практической и совершенной обтюраціи съ помощью расширяющихся колецъ Бродвеля, разработка новаго способа скрѣпленія орудій кольцами, принятіе къ большимъ орудіямъ зарядовъ изъ призматическаго пороха и проч., вполнѣ обезпечили будущность системы заряжанія съ казенной части не только для легкой полевой артиллеріи, но и для орудій большихъ калибровъ крѣпостной и береговой. Для послѣднихъ это явилось особенно важнымъ въ виду все большаго и большаго развитія появившихся уже съ войны 1853—1856 годовъ панцырныхъ морскихъ судовъ, стремившихся, путемъ утолщенія покрывавшихъ ихъ желѣзныхъ броней, сдѣлаться неуязвимыми для артиллеріи, вслѣдствіе чего и калибры береговыхъ орудій должны были также соотвѣтственно увеличиваться.

Такимъ образомъ въ нашу артиллерію, кромѣ полевыхъ орудій, были введены той же системы заряжающіяся съ казенной части: стальныя 8-дм., 9-дм. и 11-дм. пушки и 9-дм. и 11-дм. мортиры для обороны береговыхъ крѣпостей; 12-фн. и 24-фн. чугунныя и бронзовыя и 8-дм. облегченныя стальныя пушки, а равно 6-дм. и 8 дм. бронзовыя и стальныя мортиры для крѣпостей сухопутныхъ и, наконецъ, таковыя же орудія (бронзовыя), какъ для послѣдней, приняты и для артиллеріи осадной.

Непосредственно, однако, за этимъ огромной важности ша-

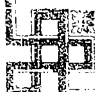

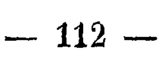

гомъ, въ сферѣ нашихъ артиллерійскихъ преобразованій выдвинулся на очередь вопросъ и экономическій: въ виду невозможности разсчитывать на средства нашихъ горныхъ стале-литейныхъ заводовъ, по изготовленію ими (по крайней мѣрѣ въ скоромъ времени) большого количества стальныхъ орудій и желанія вмѣстѣ съ тѣмъ избѣжать по возможности заказовъ за границей, у насъ былъ предпринятъ рядъ опытовъ, для выясненія возможности изготовленія тѣхъ же орудій у себя дома, но изъ бронзы. Для неспеціалистовъ рѣшеніе подобнаго вопроса могло показаться много проще, чѣмъ то было на самомъ дѣлѣ, но въ дѣйствительности оно было сопряжено съ значительными техническими затрудненіями (напр., относительно прочности и надежности обтюраціи); несмотря на это, однако, затрудненія эти удалось побѣдить, и въ 1866 году для нашей полевой артиллеріи были приняты 4-фн. и 9-фн. заряжающіяся съ казенной части бронзовыя пушки, при чемъ главныя данныя ихъ конструкціи остались тѣ же, что и въ предшествовавшихъ стальныхъ полевыхъ орудіяхъ.

Наконецъ, нельзя не упомянуть еще о фактѣ временнаго появленія въ составѣ нашей полевой артиллеріи особаго вида своеобразныхъ орудій—картечницъ, стрѣлявшихъ ружейными пулями и сдѣлавшихся извѣстными впервые въ концѣ шестидесятыхъ годовъ въ Америкѣ. Появившись, послѣ разныхъ усовершенствованій, и на континентѣ Европы, орудія эти были приняты нѣкоторыми государствами для своихъ армій, а въ томъ числѣ введены въ 1870 г. и у насъ, но различныя обстоятельства, которыхъ мы здѣсь касаться не будемъ, побудили послѣ непродолжительнаго времени повсемѣстно изъять картечницы изъ состава полевого сухопутнаго вооруженія (между прочимъ и у насъ въ 1876 году).

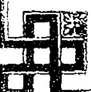
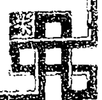
Указанными усовершенствованіями, однако, современное артиллерійское искусство не удовлетворилось, и скоро явилось стремле-

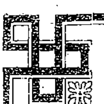

ніе къ развитію еще болѣе какъ сферы огня артиллеріи, такъ и дѣйствительности ея выстрѣловъ, ближайшимъ средствомъ къ чему представлялось увеличеніе начальной скорости полета выстрѣленныхъ снарядовъ и соотвѣтственныя измѣненія въ самой конструкціи послѣднихъ (принятіе новаго пороха, мѣдныхъ ведущихъ поясовъ на снарядахъ, вмѣсто свинцовой оболочки, введеніе двустѣнныхъ гранатъ, новыхъ шрапнелей и проч.). Съ осуществленіемъ этихъ условій создалась наконецъ та новѣйшая, такъ называемая дальнобойная, артиллерія, которая обладаетъ въ высокой степени требовавшимися качествами и составляетъ нынѣ наше современное вооруженіе.

Для болѣе быстраго перевооруженія нашей артиллеріи дальнобойными орудіями, въ іюлѣ мѣсяцѣ 1877 г. была образована при Главномъ Артиллерійскомъ управленіи Комиссія, съ особыми полномочіями, подъ непосредственнымъ предсѣдательствомъ Товарища Генералъ-фельдцейхмейстера генералъ-адъютанта Баранцова. Въ мартѣ 1878 года были представлены на смотръ въ Бозѣ почившему **Государю Императору** образцы нашихъ новыхъ полевыхъ орудій, со всею для нихъ матеріальною частью, а именно—стальныя 9-фн. и 4-фн. пушки для вооруженія пѣшихъ батарей и стальная-же 4-фн. пушка, но нѣсколько облегченная,—для конныхъ, при чемъ **Его Величеству** было благоугодно присвоить этимъ тремъ образцамъ наименованія *батарейной*, *легкой и конной* пушекъ; въ теченіе же остальной части 1878 года были этими орудіями перевооружены уже 162 батареи (1240 орудій), въ томъ числѣ 22, находившіяся въ составѣ оккупаціонныхъ войскъ въ Болгаріи. О дальнѣйшемъ ходѣ снабженія полевыхъ батарей новой матеріальной частью, оконченномъ въ 1881 г., мы распространяться не будемъ и отмѣтимъ только новѣйшій фактъ самаго послѣдняго времени, который также займетъ видную страницу въ исторіи

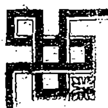

нашей артиллеріи, именно: введеніе еще новаго типа орудій— стальныхъ полевыхъ мортиръ 6-дм. калибра, которымъ, въ силу условій современнаго военнаго искусства, предстоитъ важная роль въ грядущихъ военныхъ событіяхъ.

Вмѣстѣ съ перевооруженіемъ полевыхъ батарей послѣдовали капитальныя преобразованія и въ составѣ артиллеріи какъ крѣпостной, такъ и осадной.

Крѣпостная артиллерія, поставленная въ новѣйшее время въ необходимость успѣшно бороться съ чрезвычайно сильными орудіями непріятеля, не могла уже удовлетворяться прежними, хотя даже сравнительно хорошими, образцами и требовала поэтому вооруженія еще болѣе совершеннаго. Здѣсь въ особенности рельефно выступаетъ вопросъ объ оборонѣ приморскихъ крѣпостей отъ тѣхъ чудовищныхъ броненосцевъ современнаго флота, съ которыми приходится вступать въ состязаніе береговымъ орудіямъ, и въ зависимости отъ силы которыхъ неизбѣжно должны были развиваться и средства артиллерійской обороны тѣхъ же крѣпостей.

Такъ, если въ началѣ этой борьбы артиллеріи съ флотомъ обшивка судовъ шестидюймовой броней вызвала у насъ введеніе береговыхъ пушекъ 9-дм. калибра (вѣсившихъ болѣе 900 пудовъ), а затѣмъ появленіе судовъ, одѣтыхъ броней восьмидюймовой, вызвало орудія 11-дм. калибра (вѣсившія до 1600 пд.), то позже оказалось и этого недостаточнымъ, вслѣдствіе чего появились 11-дм. пушки новаго образца 1877 г. съ прогрессивною нарѣзкой, стрѣлявшія 15-пд. снарядами, при относительномъ зарядѣ изъ бураго призматическаго пороха около $^1/_4$, съ начальною скоростью около 1500 футовъ. Эти пушки, съ разстоянія одной версты, могли пробивать борты большинства существующихъ броненосцевъ; но и на этомъ борьба еще не остановилась—появилось нѣсколько морскихъ судовъ съ такой броней, противъ которой

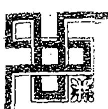

оказались слабыми нетолько 11-дм. пушки образца 1877 года, но и введенная затѣмъ 14-дм. пушка, вѣсящая около 3500 пд. и стрѣляющая снарядомъ въ 32 пуда, при зарядѣ въ 8 пудовъ пороха, съ начальною скоростью также въ 1500 футовъ.

Для дѣйствія противъ такихъ судовъ проектированы и изготовляются 11-дм. длинныя пушки (въ 35 калибровъ длиною), вѣсомъ въ 2600 пд., сообщающія снаряду въ 21 пудъ начальную скорость около 2000 футовъ, и 13½-дм. пушка, длиною въ 35 калибровъ, вѣсящая до 5200 пд. и сообщающая снаряду въ 40 пд. начальную скорость около 2000 футовъ въ секунду.

Для постановки въ соотвѣтственное положеніе вооруженія сухопутныхъ крѣпостей, въ составъ таковаго введены почти всѣ орудія, принятыя и въ новѣйшей артиллеріи осадной, слѣдовательно, равной силы съ послѣдними, а именно: стальныя пушки 8-дм., 6-дм. (тяжелыя и облегченныя) и 42-линейныя, а также 8-дм. мортиры, при чемъ на воооуженіи оставлены и нѣкоторые образцы прежней конструкціи, для извѣстныхъ спеціальныхъ случаевъ ихъ употребленія. Что же касается до артиллеріи осадной, то нормальнымъ ея составомъ приняты тѣ же 8-дм., 6-дм. и 42-лн. стальныя пушки, что и выше, и мортиры 9-дм., 8-дм. и 34-линейныя, всѣ образца 1877 года, отличающіяся своими высокими боевыми качествами.

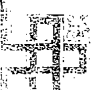
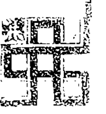
Такимъ образомъ вся матеріальная часть нашей артиллеріи является нынѣ совершенно новою, оставившею далеко за собою даже сравнительно недавнюю еще нарѣзную артиллерію конструкціи 1867 года. Но и подобный, можно сказать, полётъ артиллерійской техники въ теченіе двухъ послѣднихъ десятилѣтій еще далекъ отъ своего зенита; артиллерійская наука далеко еще не сказала своего послѣдняго слова, и усовершенствованія капитальной важности продолжаютъ слѣдовать одно за другимъ. Сюда

относятся, напр., новые типы скрывающихся послѣ выстрѣла лафетовъ и лафетовъ съ гидравлическими приспособленіями, новые способы примѣненія электричества къ стрѣльбѣ изъ орудій, бездымный порохъ, новый типъ самодѣйствующихъ пулеметовъ, и т. д., и т. д..

Параллельно съ подобнымъ прогрессивнымъ ходомъ техническаго развитія артиллеріи двигалась и работа организаціонная, въ области которой совершенъ длинный рядъ не менѣе важныхъ преобразованій. Не пытаясь даже сколько нибудь систематически прослѣдить за движеніемъ и внутреннимъ значеніемъ послѣднихъ, укажемъ только лишь на нѣкоторые, такъ сказать, внѣшніе результаты ихъ, по отношенію къ росту боевыхъ средствъ нашей полевой артиллеріи. Такъ, къ 1863 году во всей послѣдней (за исключеніемъ впрочемъ отдаленныхъ частей, а также резервныхъ и учебныхъ) насчитывалось 1176 орудій, составлявшихъ 147 батарей (35 бригадъ), при чемъ каждая изъ пѣшихъ бригадъ имѣла по 4 батареи, всѣ 8-орудійнаго состава, но въ 1863 г. число тѣхъ же бригадъ достигло уже 51 (44 пѣшихъ и 7 конныхъ), по 3 батареи въ каждой, всего же явилось 175 разныхъ батарей, въ коихъ находилось уже 1400 орудій. По новомъ увеличеніи числа бригадъ въ 1864 г. и сформированіи четвертыхъ батарей съ скорострѣльными пушками въ 1870 г., въ полевой артиллеріи насчитывалось уже 231 батарея съ 1848 орудіями (кромѣ тѣхъ же частей резервныхъ, учебныхъ и отдаленныхъ округовъ), а по переформированіи въ 1872 г. всѣхъ дѣйствующихъ бригадъ (кромѣ Туркестанской и В. Сибирской) въ шестибатарейный составъ и прибавленіи затѣмъ еще 41-й артиллерійской бригады, у насъ въ 1876 году явилось (за тѣми же вышеупомянутыми исключеніями) уже 55 дѣйствующихъ бригадъ (въ томъ числѣ 7 конныхъ), или всего 331 батарея съ 2648 орудіями.

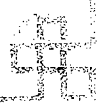

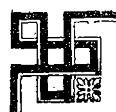

Такимъ образомъ, въ короткій періодъ съ 1870 по 1876 годъ, сила нашей полевой артиллеріи возрасла на огромную цыфру въ 800 пушекъ; въ настоящее же время и эта цыфра остается уже значительно назади, потому что нынѣ полный составъ нашей полевой артиллеріи (какъ дѣйствующей, такъ и резервной), присоединяя къ ней и горную, выражается количествомъ 3972 орудій, образующихъ 414 батарей; въ виду же состоявшагося **Высочайшаго** повелѣнія о сформированіи вновь восьми полевыхъ батарей мортирныхъ, общая численность всѣхъ полевыхъ орудій переходитъ уже за 4000.

Большіе результаты были достигнуты и въ области организаціи бывшей гарнизонной артиллеріи, которая въ 1859 г. преобразована въ крѣпостную, или иначе говоря выведена изъ своего прежняго второстепеннаго значенія и сравнена въ служебномъ отношеніи во всемъ съ полевою. Преобразованіями 1863 и 1875 г. значительно увеличена и улучшена ея прежняя ротная организація, а затѣмъ крайне важными мѣрами явились выдѣленіе изъ круга дѣйствій крѣпостной артиллеріи завѣдыванія складами артиллерійскаго имущества и введеніе въ 1876 г. новой баталіонной организаціи: во всѣхъ крѣпостяхъ положено имѣть 50 крѣпостныхъ артиллерійскихъ баталіоновъ (4-ротнаго состава), предназначающихся въ военное время для службы и при осадной артиллеріи. Что касается послѣдней, то особенной важностью по отношенію къ ней выдаются организаціонныя работы 1871 и 1881 г., произведенныя спеціально для того составленною артиллерійско-инженерною комиссіею и Артиллерійскимъ Комитетомъ, выработавшими двѣ, послѣдовательно смѣнившихъ одна другую, организаціи осадныхъ парковъ, соотвѣтственно современнымъ условіямъ положенія артиллерійскаго дѣла; въ результатѣ этихъ работъ въ настоящее время въ Россіи имѣются

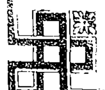

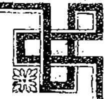

три осадные парка, изъ коихъ два силою каждый въ 400 и одинъ (Кавказскій)—въ 230 орудій, для строевого же состава каждаго изъ нихъ назначаются въ военное время по шести баталіоновъ крѣпостной артиллеріи.

Приведенные факты могутъ давать лишь слабое понятіе объ *объемѣ той организаціонной дѣятельности*, которая шла въ параллель съ техническими усовершенствованіями нашей артиллеріи. Мы не имѣли здѣсь возможности касаться, напр., ни резервной, ни запасной артиллеріи, ни организаціи громадныхъ боевыхъ запасовъ артиллерійскихъ парковъ, ни дѣятельности заводской и т. д.; мы не могли остановиться даже на огромной работѣ по перевооруженію нашей арміи новымъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, всецѣло вошедшей въ кругъ дѣятельности артиллерійскаго вѣдомства, и проч., такъ что въ этомъ отношеніи очеркъ нашъ слишкомъ блѣденъ, но будущій историкъ русской артиллеріи сумѣетъ оцѣнить всю массу затраченнаго, подчасъ даже невиднаго, административнаго труда, которому въ равной мѣрѣ, какъ и техническимъ усовершенствованіямъ, обязана наша артиллерія своимъ современнымъ блестящимъ состояніемъ. Наибольшая часть всѣхъ артиллерійскихъ преобразованій второй половины нашего столѣтія относится къ періоду съ 1863 года, т. е. исчерпывается дѣятельностью Главнаго Артиллерійскаго управленія, образованнаго въ упомянутомъ году путемъ сліянія Артиллерійскаго департамента, Штаба Генералъ-фельдцейхмейстера и Артиллерійскаго отдѣленія Военно-ученаго комитета въ одно органическое цѣлое, въ виду всей пользы и значенія выигрываемыхъ при этомъ простоты, стройности и единства дѣйствій, направленныхъ какъ въ отношеніи строевомъ, техническомъ и хозяйственномъ, такъ и въ ученомъ, къ одной общей цѣли—возможному совершенствованію своего оружія.

Оглядываясь на пятивѣковой путь своего развитія, русская артиллерія можетъ съ гордостью вспоминать о своемъ историческомъ прошломъ. Она имѣетъ полное историческое основаніе чтить свои вѣковыя традиціи, которыя къ счастію, вообще, такъ живучи въ рядахъ нашихъ войскъ, и которыя служатъ залогомъ преуспѣянія нашей славной арміи. Русская артиллерія можетъ съ любовію и уваженіемъ взирать на младенческіе памятники своей сѣдой древности, на которыхъ покоится ея исторія, можетъ съ гордостью перелистывать боевыя лѣтописи русскаго солдата, съ которымъ она дѣлила прошлое, и съ благодарностью охранять въ своей памяти имена тѣхъ далекихъ своихъ дѣятелей, которымъ долгое время приходилось трудиться во мракѣ, безъ свѣточа науки, трудиться въ темныя времена, когда существовали взгляды, что—«Ратная мудрость, опричь богословія, паче и превыше всѣхъ иныхъ мудростей», но дѣятелями этими тѣмъ не менѣе сковалась, звено за звеномъ, длинная цѣпь 500-лѣтія русской артиллеріи. Вправѣ и мы закончить нашъ скромный, полный пробѣловъ и недостатковъ, трудъ, упоминовеніемъ безыскусственныхъ словъ лѣтописца тѣхъ далекихъ временъ:—«*И нынѣ, отци и братья, оже ся гдѣ буду описалъ, или переписалъ, или недописалъ, чтите исправливая Бога дѣля, а не клените*».

Артиллеріи генералъ-маіоръ **Бранденбургъ**.

1889 г. февраль.

